

КРУГЛЫЙ ГОД

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

КРУГЛЫЙ ГОД

*Рассказы,
стихи,
сказки,
загадки*

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1974

Сб 1
К 84

К читателям

*Издательство просит
отзывы об этой книге
присылать по адресу:
Москва, А-47,
ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

ОФОРМЛЕНИЕ А. УСТИНОВА

К 84 Круглый год. Сборник. М., «Дет. лит.», 1974.

399 с. с ил.

В книгу входят новые произведения советских писателей для детей младшего школьного возраста, а также произведения, связанные с юбилейными и знаменательными датами года, с юбилеями писателей, художников, знатных людей нашей страны, Героев Советского Союза. Многие страницы в сборнике открывают тайны природы, науки, техники, знакомят с жизнью школы, с делами пионеров и октябрят.

В книгу собраны произведения разных жанров: рассказы, стихи, сказки, загадки, затей.

К $\frac{70802 - 694}{М 101 (03) 74}$ 212—74

Сб 1

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ РОДИНА?

С чего начинается Родина?
С картинки в твоём букваре.
С хороших и верных товарищей,
Живущих в соседнем дворе.

А может, она начинается
С той песни, что пела нам мать,
С того, что в любых испытаниях
У нас никому не отнять.

С чего начинается Родина?
С заветной скамьи у ворот,
С той самой берёзки, что во поле,
Под ветром склоняясь, растёт.

А может, она начинается
С весенней запевки скворца
И с этой дороги просёлочной,
Которой не видно конца.

С чего начинается Родина?
С окошек, горящих вдали,
Со старой отцовской будёновки,
Что где-то в шкафу мы нашли.

А может, она начинается
Со стука вагонных колёс
И с клятвы, которую в юности
Ты ей в своём сердце принёс. . .

Михаил Матусовский

ЗИМА

* * *

Чародейкою Зимою
Околдован, лес стоит —
И под снежной бахромою,
Неподвижною, немою,
Чудной жизнью он блестит.

И стоит он, околдован, —
Не мертвец и не живой —
Сном волшебным очарован,
Весь опутан, весь окован
Лёгкой цепью пуховой. . .

Солнце зимнее ли мещет
На него свой луч косой —
В нём ничто не затрепещет,
Он весь вспыхнет и заблещет
Ослепительной красой.

Ф. И. Тютчев

НАШ ГЕРБ

Герб Советской страны венчает красная звезда. Она вознесена над полями и лесами, синими реками и вершинами гор. Под красной звездой — серп и молот. Это символ братства рабочих и земледельцев Страны Советов.

Пятнадцать республик входят в наше Советское государство. Пятнадцать раз на нашем гербе на языках братских народов начертан девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Четыре с лишним столетия символом царской власти — гербом Российской им-

перии — был двуглавый орёл, хищная и фантастическая птица.

Под знаком орла, под тенью его чёрных крыльев, свистел кнут, раздавался звон кандалов, гремели ружья солдат, стрелявших в народ.

Под двуглавым орлом богатели царские министры и генералы, хозяева фабрик и заводов, помещики и деревенские кулаки. Труд народа они превращали в богатства для себя. А народ оставался нищим, бесправным, голодным.

Царская монархия пала в дни Февральской револю-

ции. 2 марта 1917 года последний русский самодержец отрёкся от престола.

Вместе с падением царизма был повержен и символ его державной власти — двуглавый орёл. Это надменное, застывшее чудовище сбрасывали на мостовые, закрашивали краской, жгли на кострах.

Но власть в стране пока ещё оставалась в руках помещиков и капиталистов, образовавших своё правительство. Оно называлось Временным.

Временное правительство утвердило свою государственную печать. Она была сделана в духе бывших властителей России. В её центре был изображён двуглавый орёл, хотя и без короны, скипетра и державы. И наконец было объявлено, что старый царский герб, каким он изображён на государственной печати, может быть принят «как герб свободного Российского государства».

Таким образом, двуглавый орёл продолжал оставаться государственным символом до тех пор, пока не грянул Октябрь, не победила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Зимой 1918 года Владимир Ильич Ленин поручил секретарю Совета Народных Комиссаров Николаю Петровичу Горбунову найти художника, который смог бы при-

няться за создание рисунка государственной печати, необходимой для первого в мире правительства рабочих и крестьян. Такой рисунок выполнил художник Александр Николаевич Лео.

20 апреля 1918 года этот рисунок был представлен народным комиссаром во главе с В. И. Лениным.

Вот что они увидели.

На рисунке отчётливо выделялся меч.

Он подавлял, сводил на нет соединённые с ним в одно целое серп и молот. Это был скорее символ угрозы, а не труда и мира.

Проект герба вызвал возражение Владимира Ильича. Он посоветовал убрать из рисунка меч. Советское государство, предложившее мир всем народам и странам, не могло утверждать своё достоинство с мечом в руке.

10 июля 1918 года V Всероссийский съезд Советов принял первую Советскую Конституцию. Она заканчивалась описанием главного символа Советской Республики:

Герб РСФСР состоит из изображений на красном фоне в лучах солнца золотых серпа и молота, помещённых крест-накрест рукоятками книзу, окружённых венцом из колосьев, и с надписью:

а) Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и

б) Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Один из первых красочных рисунков Государственного герба РСФСР выполнил главный медальер Петроградского монетного двора академик Антон Фёдорович Васютинский.

Академик А. Ф. Васютинский был автором и того образца государственной печати с гербом, оттиск которой появился на листке письма Владимира Ильича Ленина немецкой коммунистке Кларе Цеткин.

В. И. Ленин писал 26 июля 1918 года: «Мне только что принесли новую государственную печать. Вот оттиск. Надпись гласит: Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Вскоре герб Советского государства стал известен и за рубежом.

Вот как это произошло. 30 сентября 1918 года в Москву из Швеции пришло письмо в Народный комиссариат по иностранным делам. Первый посол Страны Советов в Скандинавских странах В. В. Воровский просил доставить ему новый советский герб: «...будьте добры прислать мне изображение его в сравнительно крупном масштабе, вершка четыре в диаметре, и по возможности в красках. Закажите нарисовать какому-нибудь молодому художнику. Мне он нужен для щита на здании посольства, а потому важно иметь в красках».

Первый советский герб оставался Государственным гербом всей страны до 1923 года.

30 декабря 1922 года I съезд Советов СССР принял Договор об образовании

Союза Советских Социалистических Республик.

Незадолго до того как была принята Конституция Советской страны, многие художники начали работу над проектом общесоюзного Государственного герба.

Конституционная комиссия под председательством Михаила Ивановича Калинина лучшим художественным проектом герба СССР признала проект картографа и графика Всеволода Павловича Корзуна.

В дальнейшем труд над первоначальным проектом герба продолжил картограф Владимир Николаевич Андрианов, а затем художник Иван Иванович Дубасов.

Пять лучей Красной звезды сияют над нашим гербом в честь трудовых побед, в память грозных сражений.

Вначале красная пятиконечная звезда была символом Красной Армии.

Впервые на шапках и фуражках советских солдат красная звезда появилась в войсках Московского военного округа, где весной 1918 года служил военный комиссар Николай Александрович Полянский. Он и предложил «идею пятиконечной звезды с помещёнными на ней изображениями молота, плуга и книги, как символов труда, деревни и интеллигенции».

После обсуждения красноармейского знака на красной звезде остались только плуг и молот, немногим позже заменённые изображением серпа и молота.

Листовка, изданная в годы гражданской войны, так объясняла революционную символику красной звезды:

«Красная звезда — символ единения рабочего и пахаря, сбросивших со своей шеи кровососа-царя, помещиков и капиталистов и водрузивших над Россией Красное знамя социализма. Красная звезда — символ рабоче-крестьянской Советской власти, защитницы бедноты и равенства всех трудящихся».

Мирным трудом прославлен и возвеличен союз рабо-

чих и крестьян Советской державы. Вот поэтому посредине нашего герба запечатлены молот рабочего и крестьянский серп. Слитые воедино, они изображены на земном шаре, обрамлённом золотыми колосьями хлеба.

Символический смысл этого изображения ещё в 1923 году был объяснён видным государственным и партийным деятелем Авелем Сафроновичем Енукидзе, принявшем участие в создании Государственного герба Страны Советов.

Он сказал тогда: «Притязания СССР на земной шар ничего общего не имеют со стремлением отдельных империалистических государств к порабощению сотен миллио-

нов колониальных народов. Советская власть далека от притязаний подобного рода, но она во сто крат сильнее всех империалистических государств в своей уверенности, что союз труда восторжествует на всём земном шаре, и это торжество навеки похоронит всё могущество и традиции буржуазных империалистических государств».

5 декабря 1936 года была принята новая Советская Конституция. В ней так говорится о нашем гербе:

Государственный герб Союза Советских Социалистических Республик состоит из серпа и молота на земном шаре, изображённом в лучах солнца и обрамлённом колосьями, с надписью на языках союзных республик: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» На верху герба имеется пятиконечная звезда.

Наш герб — частица нашей жизни. Он прост, выразителен, величав. В нём на века воплотилась мечта людей труда о непобедимом союзе серпа и молота.

И. Черников

НАШ СОЮЗ

Нет на гербе моей отчизны
Ни льва, ни хищного орла.
Она свой герб во имя жизни,
Для мира в мире подняла.

Как символ дружбы, символ счастья
Страны — земли одной шестой, —
Он создан был Советской властью,
Наш герб, как солнце, золотой.

Его звезда далёко светит.
Завидна Родины судьба:
Не только нам, а всей планете
Светло от этого герба.

Союза крепче и сильнее
Ещё не видела земля.
Народы в нём родных роднее —
Республик дружная семья.

Одна семья народов славных,
Которой спаяннее нет,
Семья, где равные среди равных
Идут под знаменем побед.

И всё сильнее год от года
Сердца сплочённые горят
Признанием русскому народу,
Что всем народам старший брат.

Тимофей Шманов

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ХОЛОДНО В ЛЕСУ, ХОЛОДНО!

Ледяной ветер гуляет в открытом поле, носится по лесу меж голых берёз и осин.

Он забирается под тугое перо, проникает в густую шерсть, студит кровь.

Не удержишь ни на земле, ни на ветке: всё покрыто сне-

гом, стынут лапы. Надо бегать, прыгать, летать, чтобы как-нибудь согреться.

Хорошо тому, у кого тёплое, уютное логово, норка, гнездо; у кого запасов полна кладовая. Закусил поплотней, свернулся калачиком, — спи крепко.

КТО СЫТ, ТОМУ ХОЛОД НЕ СТРАШЕН

У зверей да птиц всё дело в сытости. Хороший обед изнутри греет, кровь горячей, по всем жилкам разливается тепло. Под кожей жирок — лучшая подкладка под тёплую

шерстяную или пуховую шубку. Сквозь шерсть пройдёт, сквозь перо проймёт, а жир под кожей никакой мороз не прошибёт.

Если бы пищи вволю, не

страшна была бы зима. А где зимой взять её — пищу?

Бродит волк, бродит лиса
по лесу, — пусто в лесу, все
звери и птицы попрятались,
улетели. Летают днём воро-

ны, летает ночью филин, добычу высматривают, — нет добычи.

Голодно в лесу, голодно!

Виталий Бианки

ПРОПУСТИТЕ БЕЗ ПРОПУСКА

С поля лыжня уходит в лес. Её нацелили между двух сосенок, почти смыкающихся ветками. Сосенки молоды, зеленые, веселые. На кого они

похожи? Они похожи, пожалуй, на молодых солдат.

Я спросил у сосенок:

— Пропустите без пропуска?

Шевельнулись ветки: иди.

ПОСЛЕДНИЙ ЗИМНИЙ ДУШ

Пока под сосной-вековой разглядывал беличий следок, вот что случилось. Без единого дуновения ветра светок неожиданно сыпанул снег и—за шиворот. Холодно, щекотно... Кто озорует?

Дай со стороны погляжу. Отъехал. Шарю взглядом по веткам. И тут слышу, будто кто струну тронул на сосне: «Ти-и-и-н-н-нь».

Пригладелся — синичка. Перескакивает с ветки на ветку. Перепархивает. Семена ищет.

Так вот кто угостил меня
последним зимним душем!

— Перезимовали? — спросил я синицу.

Ответа не было — так увлекла работа.

В. Бочарников

НАВСТРЕЧУ ДНЮ ПОБЕДЫ

**К 30-летию освобождения
Ленинграда от вражеской блокады**

30 лет назад девятьсот дней шла ожесточённая битва с немецкими фашистами у стен города-героя Ленинграда.

Ленинград был отрезан врагами от всей страны. В городе не было хлеба, топлива, света, воды. Враги пытались задушить ленинградцев голодом, холодом, уничтожить бомбёжками и артиллерийскими обстрелами.

Но советские люди не сдавались, они вынесли все трудности и лишения, они выстояли и победили фашистов. Вражеская блокада города была полностью снята. Фашистские армии разбиты.

Участник героической обороны Ленинграда — герой социального труда писатель Николай Семёнович Тихонов написал цикл замечательных рассказов «В те дни». Он рассказал об отважных защитниках и тружениках великого города, показал необычайное мужество и стойкость мужчин, женщин, детей, которые перенесли самые жестокие испытания и победили врага. Мы печатаем несколько рассказов из этого цикла.

В ТЕ ДНИ ...

НОЧИ ЛЕНИНГРАДА

В мирные времена никому из ленинградцев не могло бы прийти в голову разгуливать ночью по крышам или просиживать целые часы у трубы, разглядывая небо и город.

Теперь все крыши были обжиты. Тысячи ленинградцев всех возрастов проводили все ночи на крышах. Они приготовили щипцы, для того чтобы хватать ими зажигательные бомбы, багры — чтобы сталкивать их с крыш, асбестовые рукавицы — чтобы не обжечь при этом руки, маски — чтобы искры не попали в глаза. Но тушили и без масок, так как масок не хватало.

Город лежал в такой тишине, что слышно было, как далеко внизу, как в ущелье, едут военные машины. Ни одного огонька не блестело ни в одном окне. Ночь сначала была мирной. Атласные облака плыли над городом, находили тучи, по краям их бегали прожекторные лучи, перекрещивались и клонились к земле. Ветер шумел листвою в парках и садах. Люди на крышах говорили шёпотом, как будто их могли услышать летящие на город немецкие налётчики.

Потом эту тишину разрезал унылый, тоскливый, тре-

вожный вой сирен. Выли дома, корабли, дворцы, музеи; казалось, им вторят деревья и ветер присоединяется к сигналу тревоги. Все бежали, скрипя по железу крыш, на свои посты. Приближался рокошующий, со злобными перебивками звук немецких самолётов. Огненные трассы наших зенитных пушек шли вверх, как будто хотели соткать тонкую хитрую западню, огненную сеть, в которой запутаются немцы.

Немцы бросали светящиеся лампы. Они висели в пространстве, и от них шёл мертвенный белый свет, освещавший, как днём, лица людей на крышах. Воя, визжа и захлёбываясь, шли вниз фугасные бомбы. Потом раздавался глухой удар. Это значит, куда-то попала фугаска.

Взрывы бомб, выстрелы, свет прожекторов, ракеты, рассыпавшиеся разноцветными змеями, гул моторов, разбитые на куски висячие лампы, погасавшие в чёрных провалах неба, зарево далёких пожаров — вот что видели и слышали люди на крышах.

Комсомолка Варя стояла на крыше и видела, как бомба упала на здание её завода.

Она сейчас же по телефону сказала в штаб, что упала бомба. Вероятно, замедленного действия: взрыва не произошло. Прошло два часа. Тревога продолжалась. Бомбу не нашли. После тревоги в штабе Варе сделали выговор за то, что она плохо смотрит, потому что бомбу на заводе не нашли, как ни искали.

Из бомбоубежища вышли рабочие и работницы и пошли по своим квартирам. Дома были рядом с заводом. Две подруги открыли ключом дверь и, не зажигая света, вошли в свои комнаты. На диване кто-то спал и как-то глухо дышал. Они зажгли спичку и увидели, что на диване лежит огромная стальная туша и в ней что-то позвякивает с хрипом. Это и лежала та бом-

ба замедленного действия, которую видела в полёте Варя. Пришли сапёры и разрядили её. А с Вари сняли выговор.

Проходили дни, недели, месяцы, годы, а бомбы всё падали и падали на Ленинград. Сирены выли и в метельные ночи и в белые, когда не нужны были прожектора. Зажигалки падали тысячами и горели мерзким брызжущим огнём, освещая бледные и решительные лица тушивших их подростков. Подбитые немецкие самолёты падали и в город и за городом, и к концу осады их было подбито столько, что из них можно было сложить целую гору.

А ленинградцы не уступили немцам ночного неба и очень гордились этим.

ТАК ЖИЛИ В ТЕ ДНИ...

О, эти солнечные, яркие, полные морозного хруста, морозного ветра дни первой блокадной зимы! Прелесть садов с ветвями, заваленными снегом, осыпанными сверкающим инеем, как будто природа хотела нарочно подчеркнуть, как великолепна её зимняя жизнь и как мрачна жизнь осаждённого города.

Закат на Неве. Огненный шар солнца уже потух за туманом. На всём лежат мёртвые синие тени. Корабли, зи-

мующие на реке, как будто брошены людьми, палубы пустынные. Сугробы снега лежат на набережной — на ней нет ни души.

Редкая цепочка людей идёт через реку медленно-медленно, как будто они боятся сделать быстрый шаг. Они не могут его сделать. Они бредут, как призраки, закутавшись до глаз. Вьюга заметает их следы.

В городе нет хлеба, нет топлива, нет света, нет воды. Сюда, к Неве, к полынье у ка-

менного спуска, идут за водой женщины и дети.

Они похожи на эскимосов — так тяжелы их одежды. Они надели на себя все тёплые вещи, и им всё-таки холодно, нестерпимо холодно, потому что они ослабели от голода.

Но они идут за водой, чтобы принести её домой, в свои тёмные квартиры, где на стенах атласный иней и сквозь разбитые окна в комнаты наметён снег. Ледок хрустит в пустых кухнях.

Женщины и дети ставят на санки вёдра, бидоны, чайники, детские ванночки, жестяные большие коробки, котелки, кастрюли — всё годится, во всё можно налить воду, такую ледяную, что страшно к ней притронуться.

Сил нет спуститься сразу к реке по скользким ступеням, на которые непрерывно

выплёскивается вода из рук усталых и слабых водонош. Вода эта сразу замерзает слоями, один на другом, неровными, толстыми, скользкими. Мученье — только спуститься по такой лестнице. А надо ещё поднять наверх тяжёлое ведро, которое оттягивает руки, надо поставить его на сани и сани притащить домой, а дом — у Исаакиевского собора, а то и ещё дальше.

Девочки, жалея матерей, спускаются с чайниками, цепляясь за промёрзшие камен-

ные стенки, набирают воду, поднимаются и льют из чайников воду в вёдра. Сколько раз надо спуститься с чайником, тащить его обеими руками, возвращаясь, потому что он

очень тяжёл, этот неуклюжий чайник!

Снежные наросты от пролитой воды появляются на одежде. Ветер превращает их в лёд. Пар идёт изо рта. Люди дышат широко раскрытыми ртами. То, что было весёлой забавой в иные времена, теперь стало адски трудным делом...

Вода! Вы открываете кран, и льётся белая струя, льётся без конца. Вы открываете краны, горячий и холодный, и ванна наполняется голубоватым сумраком, который пьянит вас теплотой. И так приятен после ванны крепкий горячий чай с вареньем!

Это так просто: если засорился кран, вы звоните, и к вам приходит водопроводчик, молодец шустрый, высокий, ловкий. Он вмиг исправит ваши краны и трубы.

И вот ничего этого нет... Умерли все краны, все трубы мертвы. Враг окружил город блокадой, враг хочет уморить ленинградцев голодом, заставить их роптать.

Но каждый день целые процессии шли по городу за водой, жуткие, длинные, — это шли непобедимые ленинградцы, которых ничто не могло сломить.

БОЙ В ГОРОДЕ

Да, это город-фронт. Посреди города лежит площадь Жертв Революции. Раньше она называлась Марсовым полем. Бог войны — артиллерия сегодня гремит над этой площадью, и длинные языки пламени рвутся к сумеречному небу. Клубы дыма встают по сторонам. Ветки, сорванные взрывами, усыпают мостовую. Воздух рвётся на куски.

Самые разные грохоты гуляют в небе и на земле. Это налёт.

Постылый лязг немецких самолётов над самым полем. Пикируя, немец хочет попасть в зенитную батарею. Бомба падает в стороне. Огромный столб дыма заволакивает Летний сад. Свист и рёв, лязг и визг.

Но девушки-зенитчицы ловят на прицел воздушного

бандита. Им не до страха. Они потом будут волноваться и переживать. Сейчас они ушли в свою трудную работу. Они забыли про шутки и про друзей, про всё. Они—бойцы, защищающие свой родной город.

Вот он снова идёт, бомбардировщик с чёрными крестами. Они слышат надтреснутый лязг его мотора, они засекают его курс. Он кружит над Невой и сейчас снова будет пикировать на их батарею.

Но разрывы зенитных снарядов пресекают путь немцу. Вот скользнул лёгкий огонёк, чёрный дым вырвался из-под хвоста, немец скользит на крыло и уходит за дома. Он не упадёт в городе. У него ещё большая скорость, и он вытянет из города, но рухнет где-нибудь в поле, в лесу. К себе ему не вернуться. С ним всё кончено. Потом найдут его наши бойцы и увидят, как огонь долизывает остатки крыльев.

Идёт другой самолёт. Немцы сегодня упорны. Этот вертится над районом, как бы ища минуту, когда будет перерыв стрельбы. Но орудия продолжают выбрасывать языки огня, глаза болят от напряжения. Голос девушки, выкрикивающей цифры, охрип, глаза её сузились, стали маленькими чёрными горящими полосками. В шинели жарко.

Каска давит на голову своей неуклюжей тяжестью. Скорей бы он бросил бомбу! Чего он медлит?

Время перестало существовать. Кажется, что бой продолжается уже целый день. За Невой вспыхнули пожары. Вокруг шипенье и свист осколков. Откуда-то принесло дым, низко стелющийся по земле. Немец совсем рядом.

Кажется, что он врежется в орудия.

Что-то приближается, захлабываясь, ввинчиваясь в воздух. Сердце стучит. Какая-то немота овладевает телом. Будто нет ни рук, ни ног. Грохнуло невдалеке. Бомба. Что-то раскололось там, где был белый дом, старый дом за углом на Мойке. Кажется, там. Да, оттуда появляется коричневый дым.

И снова бьёт батарея, и снова хрипло раздаётся голос, называющий цифры прицела. Неужели это в центре города? Да, вон видна статуя римского воина с мечом, памятник Суворову, вон изогнулся Кировский мост. Вон начало улицы Халтурина... И всё-таки это поле битвы.

Враг ушёл. Прерывисто доносится сигнал отбоя. Но каждый час враг может вернуться. Надо быть начеку. Месяц, год... Пошёл уже второй год. Батарея на площади всегда в боевой готовности, всегда начеку. Пройдут годы, и молодая женщина скажет своему маленькому сыну, играющему у скамейки: «А знаешь, сынок, ты спрашивал, где я воевала? Вот здесь я воевала».

И маленький мальчишка оглянется с недоумением на дорожки, посыпанные песком, на клумбы с цветами и скажет разочарованно: «Здесь?» — «Да, здесь. Запомни это место, сынок. Здесь твоя мама защищала Ленинград».

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Они прибегают на завод на роликах. По асфальту опустелой улицы мчатся их дружные стайки. Со стороны может показаться, что они — ребяташки и больше им нечего делать, как бегать по улице, смеясь и играя.

Но вот они подбегают к воротам старого завода и оставляют свои дощечки на колёсах. Это уже рабочие, это уже специалисты.

Когда приехала на один завод делегация с фронта поблагодарить за прекрасное

оружие, сделанное для Красной Армии, то командиры, увидав за станками ребят, воскликнули.

— Ну и рабочий класс пошёл нынче!

— А вы не смейтесь, — сказал мастер. — Посмотрите, что они тут наизготовили.

И повёл приехавших в другое помещение, где принимали сделанные автоматы, винтовки, пулемёты и другое оружие.

Всё было сработано чисто, крепко, по-военному.

Девочки с тоненькими косичками, аккуратненькие, как птички, и мальчики с серьёзными лицами стали большими помощниками взрослых, защитниками Ленинграда.

Иные из них стали мастерами, и все их уважают и называют уже не Вася, а Василий Васильевич.

Василий Васильевич не уступит старому специалисту. Посмотрите на него, когда он проверяет прицельную линию пулемёта. Здесь нельзя ошибиться. Плохо рассчитал — и прицел будет негодный. Пулемёт не сможет стрелять правильно — значит, и немца из такого пулемёта убить нельзя. Да и не допустят с таким изъяном пулемёт в Красную Армию.

Вот почему такой строгий

вид у Василия Васильевича, когда перед ним, зажатый в тиски, в точно рассчитанном положении лежит пулемётный прицел.

Я не знал лично Василия Васильевича, но я видел много других мальчиков и девочек. Их звали почётным именем: ремесленник. До войны оно звучало обыкновенно, но во время ленинградской осады это слово стало наряду со словами: сапёр, артиллерист, моряк, железнодорожник. Маленькие ремесленники были очень сознательные работники.

Они понимали, в каком городе они работают, они понимали, что их отцы и матери гордятся своими сыновьями и дочками, помогающими в обороне Ленинграда.

Конечно, они не походили на взрослых рабочих. Когда кончалась смена, они высыпали на двор, заваленный старым железом, грудями шлака, кучами разбитого кирпича. Но была на дворе весна. Солнце грело их замазанные смазкой лица, воробьи прыгали у больших серых луж, деревья скромно начинали зеленеть. Весенний ветерок приносил запахи далёких садов.

И в них просыпалось снова детство, и они начинали громко кричать, как маленькие воробьи, толкаться, бегать взапуски, тузить друг друга, хохотать и смотреть широко раскрытыми глазами, как в город приходит весна.

Их глаза снова смеялись, голос становился звонким, движения свободными. И тут уже и Василий Васильевич мог снова легко и просто превратиться в Васю и в Ваську и, забыв свой авторитет, поставить ногу на дощечку с колёсиками и промчаться по асфальту не хуже самого маленького своего товарища. Но он мог и не сделать этого, потому что на груди была медаль на зелёной ленточке — медаль за оборону Ленинграда, и он солидно отмахивался от приятелей и шёл, довольный своей работой, напевая такую же песню, какую поют красноармейцы, уходя на фронт.

27 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА

Волна артиллерийского грохота прокатилась над Ленинградом. Небо зацвело ракетами — зелёными, красными, жёлтыми. Прожектор встал, как белый мост в чёрное вечернее зимнее небо. Багряные вспышки освещали снежные крыши. Залпы раскатывались над Невой.

И никто из ленинградцев не побежал в убежище, в укрытие, никто испуганно не прижался к стене, застигнутый такой канонадой на улице. Нет, улицы, набережные, площади были покрыты толпами радостно шумевших людей.

Они смотрели, как гасли, ударяя в невский лёд, разноцветные ракеты, как новые ракеты взмывали под самый купол ленинградского неба, как перекрещивались прожектора, впервые не искавшие вражеских самолётов.

Все говорили разом, плакали от радости, обнимались на улицах, пожимали незнакомым людям руки, качали бойцов и командиров. А пушки всё стреляли и стреляли.

Их было много, этих пушек. Их было триста двадцать четыре пушки, и они ударили двадцать четыре раза, потому

что это был салют в честь исторической победы Красной Армии под Ленинградом.

Немцы были разбиты на всём фронте и на всём фронте отброшены далеко от великого города.

Осады больше не было! Обстрелов больше не было! Можно было идти куда угодно по Ленинграду, не опасаясь неожиданного разрыва снаряда. Как тяжёлый сон, остались позади все испытания: холод и голод, блокада, штурмы города, бомбёжки, бомбардировки, всяческие лишения.

Вот почему свет ракет и вспышки орудий салюта освещали лица ленинградцев над торжествующей Невой. Из мрака выступали громады крепости, кораблей, Исаакиевского собора, дворцов и музеев.

На всех лицах играли улыбки, слышался счастливый смех, громкие крики восторга, «ура». Прославляли героических воинов во главе с командующим Ленинградским фронтом генералом армии Говоровым, великий коллектив трудящихся Ленинграда, его большевиков.

Салют окончился. Наступила блаженная, долгожданная тишина Победы. Тишина! О ней забыли, и вот она вер-

нулась в город. Это было так необыкновенно, так прекрасно, что казалось сном. Но это была правда. Теперь о том, что было, можно будет читать только в книгах или видеть на картинке. Только надписи на стене: «Граждане, эта сторона улицы наиболее опасна во время обстрела» — ещё напоминали о днях славной обороны.

И все, разойдясь по домам, не могли уснуть в эту ночь. Сидели и вспоминали дни осады, пели боевые песни, веселились и читали — в который раз! — строки исторического приказа:

«Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстояли наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы...»

27 января 1944 года навсегда вошло в историю Ленинграда, и каждый ленинградец — и маленький школьник и седой ветеран — не забудет этот великий день ПОБЕДЫ!

1942—1945

Николай Тихонов

* * *

Я счастлив, что в городе этом живу,
Что окна могу распахнуть на Неву,
Я вижу, как зори над нею играют, —
Так сильно, так ярко, что волны пылают!

Ему по плечу, что доступно немногим,
Как в мир он раскинул просторно дороги,
И сколько в нём воли, и сколько в нём света,
И сколько в нём спето, и сколько не спето!

Я знаю друзей по оружию, сограждан,
Я с ними в походах бывал не однажды,
Я рос вместе с ними, борясь и мужая,
Великою честью я это считаю!

Все грозы, все бури наш город осилил,
Он воин, любимый Советской Россией.
И, гордый, стоит он в красе небывалой,
И Ленина орден на бархате алом.

А. Прокофьев

ДЕВОЧКИ С ВАСИЛЬЕВСКОГО ОСТРОВА

„Умерли все. Осталась одна Таня“.

Из дневника Тани Савичевой, Ленинград, 1942 год.

Я — Валя Зайцева с Васильевского острова. У меня под кроватью живёт хомячок. Набьёт полные щёки, про запас, сядет на задние лапы и смотрит чёрными пуговками... Вчера я отдубасила одного мальчишку. Отвесила ему хорошего леща. Мы, васи́леостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо... У нас на Васильевском всегда ветрено. Сечёт дождь. Сыплет мокрый снег. Случаются наводнения. И плывёт наш остров, как корабль: слева — Нева, справа — Невка, впереди — открытое море.

У меня есть подружка — Таня Савичева. Мы с ней соседки. Она со Второй линии, дом 13. Четыре окна на первом этаже. Рядом булочная, в подвале керосиновая лавка... Сейчас лавки нет, но в Танино время, когда меня ещё не было на свете, на первом этаже всегда пахло керосином. Мне рассказывали.

Тане Савичевой было столько же лет, сколько мне теперь. Она могла бы давно

уже вырасти, стать учительницей, но навсегда осталась девчонкой... Когда бабушка посылала Таню за керосином, меня не было. И в Румянцевский сад она ходила с другой подружкой. Но я всё про неё знаю. Мне рассказывали.

Она была певуньей. Всегда пела. Ей хотелось декламировать стихи, но она спотыкалась на словах: споткнётся, а все думают, что она забыла нужное слово. Моя подружка пела потому, что, когда поёшь, не заикаешься. Ей нельзя было заикаться, она собиралась стать учительницей, как Линда Августовна.

Она всегда играла в учительницу. Наденет на плечи большой бабушкин платок, сложит руки замком и ходит из угла в угол: «Дети, сегодня мы займёмся с вами повторением...» И тут споткнётся на слове, покраснеет и повернётся к стене, хотя в комнате — никого.

Говорят, есть врачи, которые лечат от заикания. Я на-

шла бы такого. Мы, василе-островские девчонки, кого хочешь найдём! Но теперь врач уже не нужен. Она осталась там... моя подружка Таня Савичева. Её везли из осаждённого Ленинграда на Большую землю, а «Дорога жизни» не помогла ей. Её убили фашисты. Не пулей, не снарядом — голодом. Не всё ли равно, чем убивают. Может быть, пулей не так больно, как голодом?..

Я решила отыскать «Дорогу жизни». Поехала на Ржевку, где начинается эта дорога. Прошла два с половиной километра — там ребята строили памятник детям, погибшим в блокаду. Я тоже захотела строить. Какие-то взрослые спросили меня:

— Ты кто такая?

— Я Валя Зайцева с Васильевского острова. Я тоже хочу строить.

Мне сказали:

— Нельзя! Приходи со своим районом.

Я не ушла. Осмотрелась и увидела малыша, головастика. Я ухватила за него:

— Он тоже пришёл со своим районом?

— Он пришёл с братом.

С братом можно. С районом можно. А как же быть одной? Я сказала им:

— Понимаете, я ведь не так просто хочу строить. Я хочу строить своей подруге... Тане Савичевой.

Они выкатили глаза. Не поверили. Переспросили:

— Таня Савичева — твоя подруга?

— А чего здесь особенного? Мы одноклассники. Обе с Васильевского острова.

— Но её же нет...

До чего бестолковые люди, а ещё взрослые! Что значит «нет», если мы дружим? Я сказала, чтобы они поняли:

— У нас всё общее. И улица, и школа. У нас есть хомячок. Он набьёт щёки...

Я заметила, что они не верят мне. И чтобы они поверили, выпалила:

— У нас даже почерк одинаковый!

— Почерк? — Они удивились ещё больше.

— А что? Почерк!

Неожиданно они повеселели, от почерка:

— Это очень хорошо! Это прямо находка. Поедем с нами.

— Никуда я не поеду. Я хочу строить...

— Ты будешь строить! Ты будешь для памятника писать Таниным почерком.

— Могу, — согласилась я. — Только у меня нет карандаша. Дадите?

— Ты будешь писать на бетоне. На бетоне не пишут карандашом.

Я никогда не писала на бетоне. Я писала на стенках, на асфальте, но они привез-

ли меня на бетонный завод и дали Танин дневник — записную книжку с алфавитом: а, б, в... У меня есть такая же книжка.

Я взяла в руки Танин дневник и открыла страничку. Там было написано:

«Женя умерла 28 дек. 12.30 час. утра 1941 г.».

Мне стало холодно. Я захотела отдать им книжку и уйти. Но я василеостровская. И если у подруги умерла старшая сестра, я должна остаться с ней, а не удирать.

— Давайте ваш бетон. Буду писать.

Кран опустил к моим ногам огромную раму с густым серым тестом. Я взяла палочку, присела на корточки и стала писать. От бетона веяло холодом. Писать было трудно. И мне говорили:

— Не торопись.

Я делала ошибки, заглаживала бетон ладонью и писала снова. У меня плохо получалось.

— Не торопись. Пиши спокойно.

«Бабушка умерла 25 янв. 3 ч. дня 1942 г.».

Пока я писала про Женю, умерла бабушка.

Если просто хочешь есть, это не голод — поешь часом позже. Я пробовала голодать с утра до вечера. Вытерпела. Голод — когда изо дня в день голодает голова, руки, сердце — всё, что у тебя есть, го-

лодает. Сперва голодает, потом умирает.

«Лёка умер 17 марта в 5 часов утра 1942 г.».

У Лёки был свой угол, отгороженный шкафами, он там чертил. Зарабатывал деньги черчением и учился. Он был тихий и близорукий, в очках, и всё скрипел у себя своим рейсфедером. Мне рассказывали. Где он умер? Наверное, на кухне, где маленьким слабым паровозиком дымила буржуйка, где спали, раз в день ели хлеб. Маленький кусочек, как лекарство от смерти. Лёке не хватило лекарства...

— Пиши, — тихо сказали мне.

В новой раме бетон был жидкий, он напалзал на буквы. И слово «умер» исчезло. Мне не хотелось пивать его снова. Но мне сказали:

— Пиши, Валя Зайцева.

И я снова написала — «умер».

«Дядя Вася умер 13 апр. 2 ч. ночи 1942 г.».

«Дядя Лёша 10 мая в 4 ч. дня 1942 г.».

Я очень устала писать слово «умер». Я знала, что с каждой страничкой дневника Тане Савичевой становилось всё хуже. Она давно перестала петь и не замечала, что заикается. Она уже не играла в учительницу. Но не сдавалась — жила. Мне рассказывали...

Наступила весна. Зазеленели деревья. У нас на Васильевском много деревьев. Таня высохла, вымерзла, стала тоненькой и лёгкой. У неё дрожали руки и от солнца болели глаза. Фашисты убили половину Тани Савичевой, а может быть, больше половины. Но с ней была мама, и она держалась.

— Что же ты не пишешь? — тихо сказали мне. — Пиши, Валя Зайцева, а то застынет бетон.

Я долго не решалась открыть страничку на букву

«М». На этой страничке Таниной рукой было написано:

«Мама 13 мая в 7.30 час. утра 1942 года».

Таня не написала слово «умерла». У неё не хватило сил написать это слово.

Я крепко сжала палочку и коснулась бетона. Не заглядывала в дневник, а писала наизусть. Хорошо, что почерк у нас одинаковый. Я писала изо всех сил. Бетон стал густым, почти застыл. Он уже не наползал на буквы.

— Можешь ещё писать?

— Я допишу, — ответила

я и отвернулась, чтобы не видели моих глаз. — Ведь Таня Савичева моя... подружка.

Мы с Таней одноклассники, мы, василеостровские девчонки, умеем постоять за себя, когда надо. Не будь она василеостровской, ленинградской, не продержалась бы так долго. Но она жила, — значит, не сдавалась!

Открыла страничку на букву «С». Там было два слова: «Савичевы умерли». Открыла страничку «У» — «Умерли все». Последняя страничка дневника Тани Савичевой была на букву «О» — «Осталась одна Таня».

Я представила себе, что это я, Валя Зайцева, осталась одна: без мамы, без папы, без сестрёнки Люльки. Голодная. Под обстрелом. В пустой квартире на Второй линии. Я захотела зачеркнуть эту последнюю страницу, но бетон затвердел, и палочка сломалась.

И вдруг про себя я спросила Таню Савичеву: «Почему одна? А я? У тебя же есть подруга — Валя Зайцева, твоя соседка с Васильевского острова. Мы пойдём с тобой в Румянцевский сад, побегаем, а когда надоест, я принесу из дома бабушкин платок, и мы сыграем в учи-

тельницу Линду Августовну. У меня под кроватью живёт хомячок. Я подарю его тебе на день рождения. Слышишь, Таня Савичева?»

Кто-то положил мне руку на плечо и сказал:

— Пойдём, Валя Зайцева. Ты сделала всё, что нужно. Спасибо.

Я не поняла, за что мне говорят «спасибо». Я сказала:

— Приду завтра... без своего района. Можно?

— Приходи без района, — сказали мне. — Приходи.

Моя подружка Таня Савичева не стреляла в фашистов и не была разведчиком у партизан. Она просто жила в родном городе в самое трудное время. Но, может быть, фашисты потому и не вошли в Ленинград, что в нём жила Таня Савичева и жило ещё много других девчонок и мальчишек, которые так навсегда и остались в своём времени. И с ними дружат сегодняшние ребята, как я дружу с Таней. А дружат ведь только с живыми.

...И плывёт наш остров, как корабль: слева — Нева, справа — Невка, впереди — открытое море.

Юрий Яковлев

**К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
А. П. ГАЙДАРА (1904—1941)**

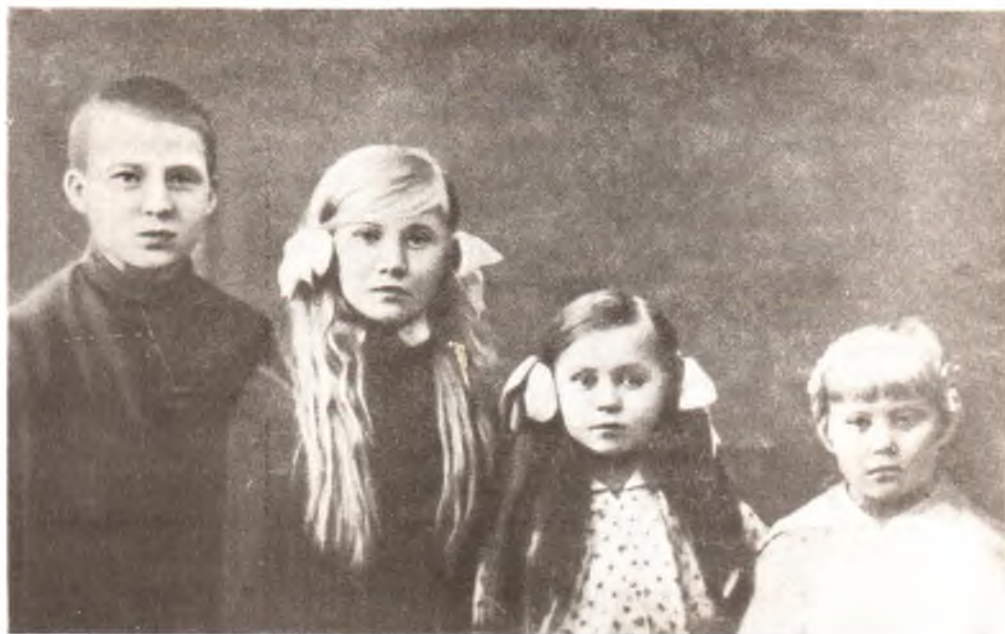
ОБ АРКАДИИ ГАЙДАРЕ

В грозном 1917 революционном году Аркадию Голикову было всего неполных четырнадцать лет. Он всегда был рядом с большевиками-коммунистами, выполнял их различные поручения, участвовал в борьбе с белогвардейщиной и контрреволюцией. Вот как Аркадий Гайдар, когда он уже был известным писателем, писал об этом времени: «Когда взметнулись красные флаги Февральской революции, то и в таком захудалом городке, как Арзамас, нашлись хорошие люди. Их было немного, держались они кучкой. Смело выступали они на митингах. Не боялись ни торжественной церковной анафемы, то есть проклятия, которой при громе всех колоколов предавали их попы всех рангов и мастей. Не слушали их озлобленные крики, всех этих мясников, лабазников, монахов и престарелых кротких инокинь, которые покинули

свои кельи, со злобой шатались по митингам и собраниям.

Позже я понял, что это за люди. Это были большевики. Но что такое большевик, по-настоящему понял я намного позже. Люди эти заметили, что мальчишка я любопытный, как будто бы не дурак и всегда верчусь около. Понемногу стали они доверять мне и давать разные мелкие поручения: сбежать туда-то, отнести то-то, вызвать того-то. А я бегал, относил, вызывал, а сам всё слушал и слушал. И кто такие большевики, мне становилось всё понятнее, особенно после того, как побывал я с ними на митингах, в бараках у беженцев, в лазаретах, в деревнях и у деповских рабочих».

В то время мы были учениками 4-го класса Арзамасского реального училища. И Аркадий учился, редко пропуская занятия, а когда революционные дела очень его задерживали и он не смог бы-вать на уроках, то всегда старался нагнать упущенное. Ведь он был избран председателем классного комитета, был вожаком класса и учиться плохо не мог. Достаточно сказать, что по русскому языку и литературе у него были одни пятёрки.

Время было трудное, холодное, голодное... И, по существу, единственным старшим мужчиной в семье был Аркадий.

Отец Гайдара — Пётр Исидорович Голиков — воевал в это время в Сибири против войск Колчака, а мать — Наталья Аркадьевна — по заданию партии находилась в Крыму, и жил Аркадий вместе со своими младшими сестрёнками: Натальей, Олей и Катей.

Жили они в небольшом домике вместе со своей тёткой. Этот домик сохранён. Теперь в нём Музей-квартира Гайдара.

Удалось обнаружить чрезвычайно редкий снимок, на котором Аркадий снят со своими сестрёнками.

В одной из автобиографий Гайдар написал: «С 10 лет, с начала мировой войны остался учиться один в Реальном училище, в городе Арзамасе».

Но несмотря на чрезвычайно трудные условия жизни и быта, несмотря на разруху и голод, продолжая учиться в школе и выполнять поручения большевиков, Аркадий был очень заботливым братом, любил своих сестёр и всячески, как только мог, помогал им.

Впоследствии, когда он ушёл добровольцем в Красную Армию, он посылал им в Арзамас сэкономленные продукты из своего военного пайка, деньги из зарплаты, письма... Эта доброта, теплота и любовь к сёстрам прошла через всю его жизнь. Ныне покойная, старшая сестра Гайдара, Наталья Петровна, часто рассказывала мне о постоянном внимании брата к её судьбе и его помощи, если она требовалась.

Другая сестра, Ольга Петровна, ныне живущая в Москве, вспоминая свои детские годы, рассказывала: «...росла я слабым, болезненным ребёнком, не любила гулять — трудно было ходить. Тогда Аркадий пристроил к велосипеду специальное сиденье и каждое летнее утро будил меня в шесть часов утра и увозил в лес, иногда на целый день. Любовь к людям, исключительная доброта были его постоянными качествами».

Ольга Петровна ещё говорила о его ранней

гражданской зрелости, о необыкновенной преданности революции. Познакомила она и с неизвестными ранее стихами брата :

... И звездою путевой
К доле светлой и свободной
Мы горим...
Нет звезды той ярче, краше,
И весь мир мы светом нашим
Озарим...

Гайдар очень любил отца и мать, вёл постоянную переписку с ними, когда приходилось быть в разлуке. Сохранилось более десятка писем, которые писал Аркадий сначала из Арзамаса, а затем с различных фронтов гражданской войны своему отцу в Сибирь. Эти письма полны сыновней любви, уважения, теплоты и искренности. Общие цели, единые взгляды на жизнь, на революцию сближали отца и сына, они советовались, делились друг с другом всем важным и большим, что происходило в их личной жизни и вокруг них, во всей Советской стране.

Известно, как тепло относился Гайдар и к матери. Не успев демобилизоваться из Красной Армии, в 1924 году он просит направить его в Крым, где живёт больная туберкулёзом мать. Он заботливо ухаживает за ней, читает ей свою первую повесть «В дни поражений и побед», тяжело переживает смерть матери.

Известно, что в 15 лет Гайдар командовал взводом, ротой, в 16 лет — батальоном, а в 17 лет — полком и некоторое время даже замещал должность командира дивизии. Почему же ему, ещё мальчишке, совсем юному гражданину молодой Советской Республики, доверялась такая ответственность и столь почётное дело, как защита Родины с оружием в руках, командные должности, которые он занимал?

Думаю, что не ошибусь, если отвечу на этот вопрос так: честность, смелость, исключительная дисциплинированность, исполнительность плюс активная, собственная инициатива, умение принимать правильные решения в сложной боевой обстановке, забота о бойцах, личный пример, пре-

данность делу Революции, ненависть к её врагам — вот те основные качества, которые не могли не заметить его начальники и руководители. Вот почему ему доверяли, выдвигали и назначали на высокие должности, о которых сегодня можно только мечтать и заслужить большой, упорной учёбой и работой.

Любовь к Красной Армии Гайдар пронёс через всю свою жизнь и великолепное творчество. Всю свою сознательную жизнь он отдал Красной Армии, созданию светлого царства социализма. Значительная часть его творчества посвящена военной теме. Он написал: «Вероятно, потому, что в Армии я был ещё мальчишкой, мне захотелось рассказать новым мальчишкам и девчонкам, как оно начиналось, да как продолжалось, потому что повидать я успел всё же не мало».

22 февраля 1974 года исполнилось 70 лет со дня рождения замечательного писателя, друга детей Аркадия Гайдара. Очень жаль, что Гайдар погиб так рано, ведь он был убит фашистской пулей, когда ему было всего 37 лет. Но книги Аркадия Петровича Гайдара продолжают жить и учить наших детей быть достойными своей великой Родины. Не случайно незадолго до гибели первый космонавт мира Юрий Гагарин в день рождения дочери Лёночки подарил ей томик произведений Аркадия Гайдара и написал на книге: «Моей дорогой Лёночке в день рождения. Будь нужной людям, как Аркадий Петрович Гайдар. Папа».

А. Гольдин

Писатель А. П. Гайдар, а в дни гражданской войны — командир полка Аркадий Голиков, в походном своём чемодане возил школьные тетради с разными записями, набросками будущих произведений.

«Обрез» — один из ранних рассказов А. П. Гайдара.

ОБРЕЗ

Мой помощник Трач подъехал ко мне с таким выражением лица, что я невольно вздрогнул.

— Что с вами? — спросил я его. — Уж не прорвались ли геймановцы через Тубский перевал?

— Хуже, — ответил он,

вытирая ладонью мокрый лоб. — Мы разоружаемся.

— Что вы городите? — улыбнулся я. — Кто и кого разоружает?

— Мы разоружаемся, — упрямо повторил он. — Я только что с перевала. Эта проклятая махновская рота

уже почти не имеет винтовок. Я наткнулся на такую картину: сидят четыре красноармейца и старательно спиливают напильниками стволы винтовок. Я остолбенел сначала. Спрашиваю: «Зачем вы это делаете?» Молчат. Я кричу: «Что же это у вас из винтовок получится? Хлопушки?.. Ворон в огороде пугать?» Тогда один ответил, насупившись: «Зачем хлопушки?.. Карабин получится, он и легче и бухает громче, из его ежели ночью по геймановцам дунуть, так горы загрохочут — вроде как из пушки». Нет, вы подумайте только: карабин... Я ему говорю: «Думать, что если от винтовки ствол отпилить, то кавалерийский карабин получится, так же глупо, как надеяться на то, что, если тебе, балде, голову спилить, то из тебя кавалерист выйдет». — Трач плюнул и зло продолжал: — Я даже не знаю, что это такое... Это нельзя назвать ещё изменой, потому что на перевале они держатся как черти, но в то же время это прямая измена, равносильная той, что если бы кто-нибудь бросил горсть песка в тело готовящегося к выстрелу орудия.

— Вы правы, — ответил я, — это не измена, а непроходимое невежество... Четвёртая рота прислана недавно, в ней почти одни бывшие ма-

хновцы... Поедемте к ним.

И пока мы ехали, Трач говорил мне возмущённо:

— Когда-то я бесился и до хрипоты в горле доказывал, что снимать штыки с винтовок — безумие. Ибо винтовка — машина выверенная, точная, ибо при снятом штыке перепутываются все расчёты, отклонения пули при деривации... но это же пустяки по сравнению с тем, когда отхватывают на полторы четверти ствол. Стрелять из такой изуродованной винтовки и надеяться попасть в цель так же бессмысленно, как попробовать попасть в мишень из брошенного в костёр патрона. Да что тут говорить... Вот погоди же, я сейчас докажу им... они позаткнут свои рты! — И он зло рассмеялся.

— Что вы хотите сделать? — спросил я.

— А вот увидите.

...Мы подъезжали к перевалу. Нагромождённые в хаотическом беспорядке, огромные глыбы тысячепудовых скал то и дело преграждали путь. Последний поворот — и перед нами застава. Построили роту развёрнутым фронтом. Скомандовали: «На руку!» Пошли вдоль фронта. Вместо ровной щетины стальных штыков перед нами был какой-то выщербленный часток хромых обрезков, из которых только изредка вы-

совывались стволы необрезанных винтовок, но и те были без штыков...

Я покачал головой. Трач отвернулся вовсе. Видно было, что это убогое зрелище выше его сил. Скомандовав «К ноге!», я начал речь с нескольких крепких фраз. Говорил я долго, убеждал, доказывал всю нелепость уродования винтовок, ссылаясь на стрелковый устав.

Под конец мне показалось, что речь моя имеет некоторый успех и доходит до сознания бывших махновцев.

Но это было не совсем так, ибо когда я кончил, то сначала молчали все, потом кто-то из заднего ряда буркнул:

— Что нам, впервой, что ли...

И сразу же прорвалось еще несколько голосов.

— А как мы возле Александровска обрезами белых крыли?

— Как так не попадает?! Тут самое важное — нацелиться, — слышались поддерживающие голоса.

Трач, резко повернувшись, подошёл к маленькому рябому махновцу, горячо доказывавшему, что надо «только нацелиться», и, дёрнув его за рукав, вывел вперёд фронта... Потом отдал какое-то приказание. Из-за кустов притажили самый обыкновенный пулемётный станок Виккерса. Трач взял обрезок, приладил его наглухо к станку и навёл его на большой расшибленный сук стоявшего в пятидесяти шагах дерева.

— Смотри, — сказал он махновцу.

Тот посмотрел, мотнул головой удовлетворённо и отошёл.

Подошёл я. Края мушки приподнялись как раз посредине и вровень с прорезью прицела. Обрезок был на-

правлен точка в точку в сук.

— Что вы хотите делать? — спросил я.

— Я стану туда сам, — ответил Трач.

— Что за глупости! — завоуновался я. — Конечно, это обрезок, но зачем всё-таки рисковать?

— Никаких «но»... и никакого риска, — холодно ответил Трач и спокойными шагами пошёл к дереву.

Красноармейцы один за другим подходили к обрезку, щурили глаза и, качая головой, отходили прочь.

Трач мотнул рукой. Рябой махновец, вместо того чтобы держать спусковой крючок, испуганно посмотрел

на меня. Трач нетерпеливо мотнул рукой второй раз...

Махновец опять заколебался. Скрепя сердце я кивнул головой. Шеренга ахнула... Одновременно грянул выстрел.

Простояв секунды три, Трач спокойно, подчёркнуто спокойно, направился к нам.

— Ну что? — спросил он, подходя.

Красноармейцы молчали.

— Ну что? — повторил он ещё раз.

Тогда забурлило, захлопотало всё вокруг... и чей-то голос громко, но смущённо крикнул:

— Крыть нечем!

Аркадий Гайдар (А. Голиков)

О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ

Готов для человечества
Он многое свершить,
Но торопиться нечего,
Зачем ему спешить?

Пока ещё он подвига
Себе не приглядел,
А дома (что поделаешь!)
Нет подходящих дел!

Когда судьбой назначено
Вселенную спасти,
К чему сестрёнку младшую
На скверике пасти?!

Пока ещё он подвига
Себе не приглядел,
А дома (что поделаешь!)
Нет подходящих дел!

В своём платочке клетчатом
В углу ревёт сестра:
— Я тоже человечество!
И мне гулять пора!

Дед от простуды лечится,
Лекарство дать велит,
Но он не человечество,
Он старый инвалид.

С утра Наташка мечется
(Гуляйте с ней с утра!).
Она не человечество,
А младшая сестра.

ДРУГ НАПОМНИЛ МНЕ ВЧЕРА...

Друг напомнил мне вчера,
Сколько сделал мне добра:

Карандаш мне дал однажды
(Я в тот день забыл пенал),
В стенгазете, чуть не в каждой.
Обо мне упоминал.

Я упал и весь промок —
Он мне высохнуть помог.

Он для милого дружка
Не жалел и пирожка,

Откусить мне дал когда-то,
А теперь поставил в счёт.

И меня к нему, ребята,
Что-то больше не влечёт.

ТРЕБУЕТСЯ ДРУГ

Все живут, не тужат,
А со мной не дружат!
Бант у Кати расписной,
Красные колготки
И характер кроткий.
Я шепчу: — Дружи со мной...
Мы же одноклассники,
Как сестрички мы почти,
Мы как две голубки
Из одной скорлупки. —
Я шепчу: — Но ты учти —
Ты во всём должна идти
Другу на уступки.

Предлагаю Ильиной:
— Ты дружи со мной одной! —
Есть разряд у Ильиной,
И спортивный свитер,
И девчонок свита.

Подружусь я с Ильиной —
Стану знаменита!

Все пятёрки до одной
У Светловой Нади.
Я прошу: — А ты со мной
Подружись хоть на день!
Мы с тобой поладим:
Будешь ты меня спасать —
Дашь контрольную списать.

А девчонки на дыбы!
Говорят: — Молчала бы!

Не вставать же на колени,
Уговаривать подруг...
Напишу я объявление:
Срочно требуется друг!

Агния Барто

Христо Ботев

1848-1876

Ежегодно 2 июня болгарский народ по сложившейся традиции отмечает день памяти Христо Ботева и всех патриотов, отдавших жизнь за свободу и независимость Болгарии. Христо Ботев. Это имя знает каждый болгарский школьник, имя величайшего болгарского поэта и национального героя.

Родился Христо Ботев 25 декабря 1848 года в небольшом городке Калофёр, на южном склоне Балкан. Его отец, известный болгарский общественный деятель, народный учитель Ботю Петков, патриот и образованный человек своего времени, был восторженным поклонником русской культуры и литературы. Эту свою любовь он передал и сыну, обучив его русскому языку и привив вкус к русской литературе. Уже в четырнадцать лет Христо Ботев зачитывается Пушкиным и Белинским, Жуковским и Гоголем. А через год отец отправляет его продолжать

учение в Россию, где он поступает в Одесскую гимназию. Юный Христо прожил в Одессе три года, которые оказались для него решающими. Ведь Россия 60-х годов прошлого столетия была не только Россией царского самовластия, но и страной крестьянских бунтов, студенческих выступлений, нелегальных революционных организаций, страной Чернышевского и Некрасова, Писарева и Тургенева. Передовые идеи русской литературы, русской революционной мысли находят в душе юного Христо Ботева благодатную почву. Восхищаясь этими идеями, он помнит о судьбе своей родины, которая томится под чужеземным игом турецкого владычества. И после трёхлетнего отсутствия он возвращается в Болгарию, твёрдо решив посвятить жизнь борьбе за освобождение своего народа. Вскоре после приезда он произносит страстную речь против турецких завоевателей и болгарских богачей-чорбаджиев. В глазах турецких властителей Христо Ботев становится врагом. Его жизни грозит опасность, и ему приходится покинуть Болгарию. Но и за пределами родины Христо Ботев продолжает принимать самое активное участие в болгарском освободительном движении. В статьях он проповедует свои смелые идеи о болгарской коммуне, клеймит турецких угнетателей и чорбаджиев в сатирических фельетонах, пишет о своей любви к Болгарии в немногочисленных, но замечательных стихах. Болгарская революционная эмиграция готовит всенародное восстание против турецкого ига, и Христо Ботев встаёт во главе Центрального революционного комитета.

Христо Ботев мечтает и сам лично принять участие в восстании. Он создаёт отряд из болгарских патриотов и переправляется через Дунай в Болгарию, чтобы сражаться против турецких частей. Здесь в неравном бою 2 июня 1876 года его и сразила вражеская пуля.

Христо Ботев погиб совсем молодым, ему было двадцать восемь лет, но он столько успел сделать для своей родины, что его имя вечно живёт в сердце каждого болгарина, а весь мир помнит о нём как о подлинном национальном герое. И каждый болгарский школьник знает строчки из его поэтического завещания — замечательного стихотворения «Прощанье».

ПРОЩАНЬЕ

.
Берусь я сейчас за оружие,
спешу я на зов народа
сразиться с врагом неверным
за всё, что мне любо и свято, —
за мать, за отца, за брата!
За всё я восстану, а там уж...
А там уж — как сабля укажет
и честь моя, честь юнака!
Когда же услышишь, мама,
что пуля запела над крышей,
когда молодцы подоспеют,
ты кинься им, мать, навстречу,
спроси, где родное чадо.
А если ответят на это,
что где-то сражён я пулей, —
не плачь, мать моя, не слушай
людей, которые скажут:
«Он был тебе не кормилец!»,
а дома поведай сердечно,
поведай ты младшим братцам,
чтоб знали они, не забыли
юнака, старшего брата,
который погиб в сраженье
затем, что не мог, бедняга,
сгибать перед турками спину
и видеть бедняцкое горе.

Христо Ботев

**К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
В. П. ЧКАЛОВА (1904 – 1938)**

Дорогие ребята!

Прославленный лётчик Герой Советского Союза Валерий Павлович Чкалов был удивительный человек: смелый, умный, простой, он стремился к знаниям, любил науку, искусство, литературу. Он был не только лётчиком-истребителем, но проявил себя и как выдающийся лётчик-испытатель. Свыше 70 систем самолётов испытал он в небе. 20—22 июля 1936 года три отважных лётчика — В. Чкалов, Г. Байдукров и А. Беляков совершили беспосадочный перелёт по маршруту Москва — Петропавловск-Камчатский — остров Удд (ныне остров Чкалов). А через год, 18—20 июня 1937 года, они установили мировой рекорд, совершив дальний беспосадочный полёт: Москва — Ванкувер (США), через Северный полюс.

О Валерии Павловиче Чкалове, о его жизни, детстве, годах учения, о его боевых друзьях написано немало книг, и вы их, конечно, прочитаете. А сейчас мы хотим познакомить вас с рассказом писателя И. С. Рахилло, автора книги о Чкалове.

«Рассказ о подвиге» — это рассказ о полёте В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова через Северный полюс в Америку.

РАССКАЗ О ПОДВИГЕ

Домой герои возвращались через Атлантический океан на пароходе «Нормандия».

Наша встреча произошла на границе. Чкалов устал и заметно осунулся.

Вагон-салон прицеплен в хвосте поезда, его бросает из стороны в сторону, на столике дребезжит чайная посуда.

— Вот так же трясёт, когда самолёт начинает обледеневать...

Валерий Павлович взволнованно смотрит в окна вагона на убегающие линии рельсов: граница позади. Поезд мчится по родной стороне. В вагоне душно от цветов, всё завалено букетами увядающих роз и георгинов.

— Да, полёт был трудный, — вспоминает он. — И погода встретила сурово. И кислороду не хватало. Мы были подготовлены к различным опасностям. Но ко всему

ожидаемому прибавилось ещё кое-что неприятное...

Валерий Павлович не спеша извлекает из пачки сигарету с позолоченным ободком.

— Вот пишут, что Чкалов-де смелый, мастер. Он и из такого-то опасного положения самолёт вывел, и из такого вывел. Да, выводил. Было такое. И не раз... Но не в этом дело... Разные бывали случаи...

Перед первым нашим перелётом, когда мы жили в Щёлкове, после тренировочного полёта по маршруту Москва — Архангельск — Горький — Москва мы оставили машину на аэродроме в полном порядке. Утром приходим — и что же! Стоит наш самолёт с поломанным крылом, а рядом с ним валяется другой, маленький самолётик. Оказывается, при посадке он врезался в крыло нашего самолёта. Чудеса!

А незадолго перед последним перелётом во время тренировки вдруг в воздухе обнаруживаем, что второе колесо не становится на место. Четыре с половиной часа промучались мы, стараясь исправить механизм в воздухе, однако ничего не добились. «Буду садиться на одном колесе, — решил я, — надо спасать машину».

Посадка действительно не из простых. Трудно посадить

машину на одно колесо, когда у неё размах крыльев — тридцать четыре метра. Набрал высотёнку, приказал вылить из баков всё горючее, облегчил самолёт, весь экипаж угнал в хвост. На посадку пошёл с выключенным мотором. Посадил как надо... А разбей я тогда машину, и перелёт был бы сорван!

Другой раз в рулях управления кто-то сверло оставил. Тоже едва не угробились...

Чкалов с силой зажимает в кулаке серебряный подстаканник, и ложечка в стакане перестаёт дребезжать.

— Все эти цветики обернулись ягодками на полюсе. Вот, погляди-ка... — И, повернувшись, он показывает на виске первую прядку поседевших волос. Месяц назад её не было... — Мы ожидали всяких опасностей: штормов, обледенений. Но масло...

Закурив, Чкалов неторопливо продолжал рассказывать:

— Когда люки были задраены и в небо взвилась ракета, я дал газ и пустил самолёт по бетонной дорожке. Думал только об одном — как оторвать тяжело нагруженную машину от земли. Мотор работает на полных оборотах. Полный разгон, теперь только бы не свернуть!

Взлетели. Байдуков убрал шасси. Щёлково ушло под крыло. По графику вышло

первому спать Саше Беякову.

Я сижу за штурвалом. Солнце слепит глаза. На земле, в лощинах, — туман. Нас провожают истребитель и двухмоторный бомбардировщик. Но вот и они, покачав крыльями, повернули домой. А мы дальше — в Америку.

Дума одна: «Долетим — пять лет войны не будет». Задание Родины. За нашим полётом следят со всех точек земного шара. Самое главное дело всей жизни.

Байдуков раскурил и подал мне курево. Эх, до чего же хорошо табачишко в эти минуты!..

А Беякову не спится. Оказывается, с маслом неладно. Масломер показывает всего восемьдесят килограммов. Полбака. Егор с азартом берётся за подкачку. Я понимаю его беспокойство: он уже пытался однажды лететь через полюс с Леваневским. Тогда из-за неполадок с маслом им пришлось вернуться обратно.

И вот опять чертовщина с маслом! Беяков поднял тревогу: откуда-то сильно потекло масло. Весь пол залило. «Не дай боже, думаю, что-нибудь лопнуло! Неужели придётся возвращаться домой?»

Перекачали масло обратно. Потоки уменьшились. Било из дренажа. Летим дальше. Высота две тысячи. Идём

по графику. Байдуков спит. Я за штурвалом просидел восемь часов. Пора сменяться. Разбудил его. Откинул заднюю спинку, стал ждать, когда Егор займёт моё место: из-за тесноты приходилось пролезать между ногами.

Я прилёг и закурил трубку. Не успел затянуться, слышу крик Байдукова:

«Давай давление на антиобледенитель!»

Гляжу, а на стекле и на крыльях лёд... Мотор трясёт, началась вибрация. Попали в облачность. Стал насосом качать жидкость, чтобы освободить винт ото льда. Кое-как отвели одну беду, снова стало пугать масло. Что-то непонятное... Сколько ни добавляем его в расходный бак, масломер, как заколдованный, на одном месте.

Надо принимать решение... Мы обязаны доверять приборам. При малейшей неисправности нам приказано немедленно прекратить перелёт и возвращаться на материк. Что делать? Посоветовались с Егором. Прекращать полёт невыносимо, стыдно, недостойно. Лететь дальше — опасно. Без масла взорвёмся. Решили вернуться... А тут ко всему попадаем в новое обледенение. Беда ведёт за собой новую беду! Машина дрожит, вот-вот, гляди, развалится в воздухе на части. Байдук ведёт в слепом полёте. Гляжу,

он стал отвинчивать стекло циферблата, потом с досады, как даст рукояткой ножа по стеклу прибора! И вдруг стрелка масломера прыгнула и встала на положенное место. Оказывается, она была полуприкручена, прижата стеклом к циферблату. Ну, здесь сразу отлегло от сердца...

Я поспал немного. Егор разбудил меня уже над Баренцевым морем. Высота — три тысячи метров. Земли не видно. Очередная неприятность: у Беякова вышел из строя секстант. Замёрз. Куда нас снесло, какой силы ветер — неизвестно.

Валерий Павлович погасил позолоченную сигарету.

— Нет ли нашего «Казбека»?

Он снова закурил.

— Продолжаем лететь дальше... Начало темнеть. По пути нас ожидал циклон. Слева сплошная чёрная стена. Поворачиваю машину вправо. Но циклон грозно преграждает нам дорогу. Лечу выше. Высота уже четыре тысячи. Температура снаружи — двадцать четыре градуса мороза. И в кабине холодно. Начал зябнуть. А погода всё хуже и хуже. Пришлось раньше времени будить Егора, чтобы вести самолёт вслепую.

Байдуков смело полез прямо в стену циклона. Дол-

жен сказать, что Егор нёс свои очередные вахты как пилот. Заменял штурмана и радиста. Вёл машину ночью. А когда самолёт попадал в облачность, ему и тут приходилось садиться за штурвал, хотя это была и не его вахта.

С детства у меня сломана нога: с горы на лыжах катался. И вот в полёте от долгого и неудобного сидения у меня несколько раз сводило ногу. Невозможно было терпеть. Опять выручал Байдуков.

А самолёт между тем, атакованный со всех сторон облаками, обледепевал с невиданной быстротой. Сначала стёкла, потом кромка стали облизываться бугристым слоем молочно-белого льда. Началась дикая тряска мотора и резкие вздрагивания хвостового оперения. Это уже грозило неминуемой катастрофой. Байдуков непрерывно набирал высоту. По самолёту будто с силой ударили снаружи чем-то тяжёлым, вот-вот развалимся в воздухе...

Жутких двадцать две минуты слепого полёта пережили мы в борьбе с дикой стихией.

Не успели вырваться из облачности — новая неприятность: отказал водяной термометр. Стало невозможно

следить за охлаждением мотора. Перегреешь — закипит, остудишь — ещё хуже...

А в Москву сообщаем: всё в порядке! Всё в порядке, а сами думаем с тревогой: какие новые неприятности ожидают нас в пути?

Через Северный полюс прошли с попутным ветром. Высота — четыре двести. В полёте мы находились уже больше суток.

Теперь наш курс — к полюсу Неприступности. Нам первым предстояло пересечь это белое, никому не ведомое пятно. Льды и льды... Ледяная пустыня. С полюса Неприступности шлём привет: «Экипаж чувствует себя хорошо».

Аэротермометр совсем отказал. То и дело трясёт мотор — значит, вода остыла больше, чем нужно. Но по температуре масла этого сразу не обнаружишь. Дико ноет нога. Сидеть не вмоготу. Чуть не кричу от боли. Приходится прерывать вахту и будить Егора.

Облачный хребет обходим стороной. Высота — пять с половиной тысяч. Надеваем кислородные маски. Мороз — минус тридцать.

После обледенения в Баренцевом море нам с Байдуковым не хочется лезть в облака. Но они встают перед нами неприступной стеной.

Самолёт отказывается карабкаться выше. Разворачиваемся и идём обратно к полюсу, зря расходуя горючее.

На высоте пять семьсот пробиваем отдельные вершины облаков. И тут обнаруживаем, что у нас начинают быстро убывать запасы кислорода. Байдуков, хотя и в кислородной маске, однако скоро устаёт. Летим вслепую.

Начинается штормовая болтанка. Егор с трудом удерживает машину. Так проходит час. Становится очевидным, что лететь дальше на этой высоте невозможно. Лёд, белый, похожий на фарфор, толщиной в палец, покрыл выступающие части самолёта. «Фарфоровое» обледенение самое страшное. Даже на солнце этот лёд оттаивает по шестнадцати часов.

Чтобы скорее проскочить облака, мы почти пикируем две с лишним тысячи метров. Снова удары и тряска. Стёкла пилотской кабины заледенели. Отодвинув шторку бокового отверстия кабины, Байдуков стал срубать финкой лёд. И тут вдруг обнаружилось, что из мотора выбрасывает воду. Этого ещё не хватало!..

Мотору, как известно, совсем не полагается выплёскивать воду из расширительного бачка, и особенно над полюсом Неприступности.

Вскоре выяснилось, что воды в расширительном бачке больше нет. Поплавок совсем скрылся. Стали качать насосом. Вода не забирается. Что делать? Вот она подошла, настоящая беда!.. Где взять воды?.. Бросаемся к запасному баку — там лёд. К питьевой — в резиновом мешке лёд... Беляков ножом распарывает резину: под ледяной коркой булькает вода. Скорей её в бак! Мало. В термосах чай с лимоном. Сливаем туда же! Кое-как насос заработал! Показался поплавок. Егор постепенно увеличивает число оборотов. Трубопровод отогрелся. Снова пошли на высоты...

Три часа с лишним потеряли на циклон. Наконец засияло солнце. Я сел за штурвал. Байдук и Саша набросились на промёрзшие яблоки и апельсины. Я довольствовался трубкой.

Пытаемся связаться по радио с землёй. Но в антенне почему-то малая отдача. Приёмники работают, но не слышно ни одной радиостанции. Думали сперва, что неладно с лампами. Беляков сменил все лампы на запасные. Отдачи нет. И лишь к вечеру был обнаружен незаметный при внешнем осмотре обрыв в проводнике, идущем от антенной катушки к радиостанции.

И вот мы подошли к Ка-

наде. Устали все до невозможности. Но впереди нас ожидали ещё большие трудности. Крепимся изо всех сил.

Прошли Большое Медвежье озеро. Все многочисленные проливы Канады сплошь затянуты льдом. Я за штурвалом. Погода ясная. Егор несёт вахту штурмана.

Земля по-прежнему не отвечает. Подошла пора смениться, а тут и погода снова ухудшилась. Снова циклон. Пошли в обход, к Тихому океану. Ничего не поделаешь! Идти напрямик — значит обледенеть. И кислороду мало. Кроме того, в облаках можно врезаться в Кордильеры. Оставалось повернуть к океану. Это был наш запасный ход.

Летим на запад. Там чуть виднеется полоска неба. На юг не рискуем. Циклон разгулялся не на шутку. Из мотора по-прежнему выбрасывает воду. Добавляем из резервного бачка. Байдуков кричит: «Давай воды!..» Вода в резиновом мешке совсем замёрзла. Кое-как разными способами на время утоляем жажду мотора.

Егор заметно побледнел. Просит смены. У штурвала меняемся каждый час. Он сразу бросается к кислородной маске.

Наступает утро двадцатого июня. Иссяк кислород.

Байдуков знаками требует карту. Саша ползёт к нему на четвереньках, но силы изменяют, в полуобмороке он ложится на масляный бак. У меня из носа хлещет кровь. Сидеть невозможно. Нечем дышать. Стало колоть сердце. Пульс как колокол.

Байдуков начинает пробивать облака, он ведёт машину на снижение. Из облаков вынырнули на высоте четырёх тысяч метров. Внизу — второй слой, в просветах чернеет вода.

Беляков посылает радиogramму о том, что пересекли Скалистые горы.

Моя вахта. Сажусь за штурвал. Беспokoимся, какая погода ожидает нас впереди, когда мы выйдем на побережье.

Самолёт летит вдоль берега. Ночь. В кабине горит свет. Опять появились облака. Зажгли бортовые огни. Снова слепой полёт. Вахта Егора. Опять набираем высоту. За бортом ледяная крупа. Темно. Хочется пить. Байдуков тоже просит. Но воды нет...

Наконец горизонт розовеет. Погасли звёзды. Слева заблестели огоньки какого-то города.

Внизу река. Мы в полёте уже шестьдесят два часа! Идёт дождь. В расходном баке бензин кончается. Надо садиться. Мчимся над самой землёй. Узкий аэродром. Ни-

каких опознавательных знаков. Но мы заходим на посадку. Глубокий вираж. Садимся. Мы в Америке!..

Чкалов зажигает потухшую папиросу и устало смотрит в пол. Потом задумчиво добавляет:

— Пройдут годы, и полёт на полюс, возможно, будет увеселительной прогулкой. Но пусть потомки знают, что в наше время это было не просто...

Мы мёрзли, обледеневали, падали в обмороки от кислородного голодания. У нас выходили из строя важнейшие приборы и механизмы. Мы сидели в нескольких страшных мгновений. Но никакие препятствия не смогли сбить нас с пути...

Поезд подходит к Смоленску, на перроне толпа железнодорожников, школьников, женщин, военных.

Чкалов выходит из вагона, его встречают бурными приветствиями, подносят цветы.

Он произносит короткую речь:

— Честь завоевания полюса принадлежит советским людям. Мы обязаны своим успехом вам, рабочим и колхозникам нашей необъятной Советской страны... Одиночка наверняка обречён на гибель... Наша безопасность обеспечивалась Родиной.

Чкалова заваливают цве-

тами. Валерий Павлович рас-
троганно смотрит на вихра-
стого пастушонка с кнутом.
Он гладит его по волосам:

— Хочешь быть лётчи-
ком?

Хлопчик смущённо опу-
скает голову:

— Хочу...

— А раз хочешь — зна-
чит, будешь!

Мальчуган исподлобья
улыбается герою.

Перед Москвой все при-

оделись и нетерпеливо повы-
совывались в окна. За поез-
дом бегут ребяташки. Ход ва-
гона всё тише, медленно под-
ползает сумрачная прохлада
вокзала. Москвичи встречают
героев. Первым, впереди всех
фоторепортёров и киноопера-
торов, мчится к вагону сын
Чкалова, Игорь. С разгона он
бросается в объятия к отцу,
у обоих глаза влажны от сча-
стья.

Иван Рахилло

ЗИМА ПРИШЛА

Ночью ветер волком выл
и по крыше палкой бил.

Утром глянули в окно,
там — волшебное кино:
раскатала белый холст,
набросала светлых звёзд
и папахи на дома
нахлобучила зима.

В. Фетисов

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Искрится тихая дорога,
Теряясь в сонном далеке.
Над голубой вершиной стога
Луна в январском ободке.
Молчат леса. Не вскрикнет птица.
В траве, у края борозды,
Таится рыжая лисица,
Темнеют заячьи следы.

Т. Белозёров

**НА СТЕКЛЕ МОРОЗНЫЙ
ИНЕЙ...**

На стекле — морозный иней.
Сколько чёточек и линий!
Знаю только я одна,
Кто стоит там у окна.

На стекло Снегурка дышит
И прилежно буквы пишет,
Водит пальчиком сама:
«С» — снежинки, «З» — зима.

Н. Френкель

**МЕДВЕДЬ
(Шутка)**

Спит медведь, и над берлогой
Пар клубится в вышину.
Рядом куст с табличкой строгой:
«Соблюдайте тишину!»

В. Кривошеев

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Не слишком часто я бывал в бою,
Но в эту знаменательную дату
Я обнимаю Армию свою
И каждого отдельного солдата.

Я не мальчишка.
Я в теплушках трясся,
И надо мной войны гражданской дым. . .
И маршалам — простой майор запаса —
Я издали откозыряю им.

Мне кажется — я снова меж бойцами,
Никак не полководец, не герой,
Хочу я вновь с военными сердцами
Гражданским сердцем встать в единый строй.

Мне до сих пор походы наши снятся,
Обугленные юности края. . .
В любви поэта нет субординаций,
Есть Армия великая моя!

Михаил Светлов

МАЙНА

Рассказ

Ещё полгода назад Серёга считал себя человеком довольно везучим. В школе он учился не хуже других, с ребятами отношения были нормальные, и о завтрашнем дне думать ему, в общем-то, не приходилось.

Но потом у Серёги тяжело захворал отец. Врачи сделали ему операцию — и теперь было неизвестно, скоро ли отца выпишут из больницы.

На руках у матери, кроме Серёги, осталось ещё трое младших, и каждого надо было накормить, одеть и обуть.

Когда в семье стали ска-

зываться нехватки, Серёга про себя решил: «Хватит сидеть на шее. Мужик я или нет?»

Посоветовавшись со своим дружкой Лёшкой Званцевым, Серёга решил бежать на Саяно-Шушенскую ГЭС. По радио постоянно передавали, что там нужны люди любых специальностей, в том числе и разнорабочие.

Но, увы, из этой заманчивой затеи ничего не вышло. Серёге удалось доехать только до Красноярска, а там его сняла с поезда железнодорожная милиция, поскольку у Серёги не оказалось ни билета, ни документов.

Дома беглецу досталось от матери. Было не столько больно, сколько обидно.

А вечером к Малышевым зашёл сосед, дядя Саша Званцев.

— Попало? — спросил он Серёгу. — А ты не бегай без спросу и не заставляй мать волноваться.

— Я же записку оставил,—уныло сказал Серёга.— Да и что страшного? За сто километров уехать нельзя.

— Я тебе уеду! — снова рассердилась мать. — Ишь путешественник выискался на мою голову!

— погоди, Мария, не кипятись,—сказал дядя Саша.— Может, парень и прав. Я в его годы уже брёвна в лесхозе ворочал. Мужчин-то после войны негусто вернулось, сама помнишь. . . — Званцев помолчал и добавил:— В Майне у меня брат экскаваторщиком работает. Думаю, он сумеет пристроить Серёгу к делу, раз уж такая незадача вышла. Прикинь, Мария, как лучше. . .

Через неделю мать со слезами собирала сына в дорогу. На сей раз Серёга добрался до Майны — посёлка гидростроителей— без лишних приключений. Он ожидал увидеть палаточный городок, но никаких палаток в Майне не оказалось. Кругом стояли настоящие дома — в четыре и пять этажей. Они были розовые,

голубые, жёлтые, а на их крышах маячили заиндевелые перекрестия телевизионных антенн. Справа, уходя вдаль, сверкали вершины снеговых хребтов. Внизу, стиснутый отрубистыми скалами, торосился зимний Енисей. Ближе к левому берегу дымилась широкая и длинная промоина. Позднее Серёга узнал, что Енисей не замерзает полностью в этих местах даже в самые лютые морозы. Всегда остаётся полынья, по-местному майна. Отсюда и пошло название посёлка.

За Енисеем, насколько хватал глаз, тянулись синие таёжные увалы, похожие на пилы зубьями вверх.

Кое-где на домах алели полотнища:

„ЗДЕСЬ БУДЕТ ГИГАНТ ГИДРОЭНЕРГЕТИКИ“, „ИДЁМ НА ВЫ, ЕНИСЕЙ!“

Серёга поглазел на посёлок и отправился искать Званцева. Нашёл он его в столовой. Иннокентий Захарыч был широкоплечий человек, с круглым рябоватым лицом и зелёными глазами.

— Ну, здорово, земляк,—сказал он и протянул Серёге твёрдую, как доска, руку. — Писал мне братка про твои подвиги. Да ты не красней, ведь не на курорт бежать собирался. А теперь давай-ка поешь да пойдём ко мне, там всё и обсудим.

Званцев жил по соседству, в четырёхместной комнате,

окна которой глядели на Енисей. В комнате за столом сидел парень лет двадцати пяти и решал кроссворд. Серёга поздоровался, но парень посмотрел будто сквозь него и спросил:

— Отверстие в улье для входа и выхода пчёл как называется? Пять букв, вторая «е».

— Леток, — подсказал Серёга.

Парень заглянул в кроссворд и хлопнул себя по колену:

— Верно! Ну ты даёшь. . .

— Знакомся, Серёжа, — сказал Званцев. — Это Володя Смородич, наш механик из авторемонтных.

Смородич вышел из-за стола, и тут Серёга увидел, что у парня нет левой руки до самого плеча. Серёга отвёл глаза.

«Надо же, — подумал он с горечью, — такой молодой. . .»

— Просьба у меня к тебе, — продолжал Званцев, обращаясь к Смородичу. — Возьми вот этого мужичка-сибирячка на выучку. На экскаватор ему пока рановато, а ты уж как-нибудь начальство уговоришь. У парня дома беда, выручи, будь другом.

— Сколько классов за плечами? — спросил Смородич Серёгу.

— В восьмом учился. — Серёга покраснел и подумал: «Как пить дать, не возьмёт».

Но Смородич сказал:

— Лады. Только если ты будешь бить баклуши, вытурю.

На этом разговор закончился. Потом Званцев принёс откуда-то раскладушку:

— Пока поживёшь с нами. А потом устроим тебя в молодёжное общежитие. Там ребята почти твои ровесники. . .

*

Ночью Серёга долго не мог заснуть: наверное, днём выспался. По улице всё время проходили тяжёлые машины, и свет их фар блуждал по комнате, высвечивая на стенах косые оконные переплёты. . .

Наутро Званцев разбудил Серёгу ни свет ни заря, они позавтракали, а потом на автобусе поехали к Карлову створу, где возводилась плотина.

Карлов створ оказался узкой расселиной между высокими береговыми скалами. Енисей был здесь совсем не широк. А может, это только так представлялось. Званцев объяснил Серёге, что русло реки лежит глубоко внизу — метров на сто ниже дороги. Вот в эти береговые утёсы и будет врезана будущая километровая арка плотины. А пока ведутся работы по подготовке правобережного котлована.

Дорога шла через мосты по террасе, которую строители отвоевали взрывами у мраморных и гранитных скал. На востоке вставало румяное от мороза солнце, и скалы вспыхивали разноцветными огнями, как исполинские призмы.

Котлован был огромный. Он весь кишел техникой — самосвалами, кранами и бульдозерами.

Званцев подвёл Серёгу к какому-то сооружению высотой с двухэтажный дом. Что это экскаватор, Серёга догадался по ковшу. Ковшичек был подходящий: в нём свободно могла бы уместиться легковая машина.

— Это мой Эшка, — сказал Званцев. — Экскаватор шагающий 15-90. Хочешь, слезим наверх, пока нет перемены?

По металлическим ступенькам они поднялись внутрь машины. Здесь тоже всё было громадное, в рост взрослого человека: моторы, насосы, генераторы... Стальная лестница вела всё выше и выше. И когда Серёга вслед за Званцевым поднялся в стеклянную кабину, у него захватило дух. Отсюда — с высоты птичьего полёта — всё казалось игрушечным: и «БелАЗы», и бульдозеры, и даже поезда на железнодорожных путях.

— Когда-то в Красноярске был землекоп-стахановец Павел Ямкин, — заговорил Зван-

цев. — Так вот он вошёл в историю потому, что вынул за смену пятнадцать кубометров грунта. А знаешь, сколько кубиков выдает Эшка? Пять тысяч!

— Пятнадцать — и пять тысяч! — вслух изумился Серёга. Но он был удивлён ещё больше, услышав, что Эшку заставляют работать полсотни двигателей, а энергии он потребляет столько, сколько хватило бы для нужд целого посёлка.

— Однако нам пора, — сказал Званцев. — Скоро смена придёт.

— А у вас разве сегодня выходной? — спросил Серёга. И только тут до него дошло, что дядя Кеша поднялся спозаранку и приехал сюда единственно ради... — Неужели вы ради меня... — начал было Серёга, но Званцев махнул рукой:

— Да нет, земляк! Просто я хотел взглянуть, не утащили ли моего Эшку. Всякое может случиться...

Зелёные глаза дяди Кеши смеялись.

*

Уже вторую неделю Серёга работал в ремонтных мастерских, где старшим механиком был Смородич. А поставили Серёгу в ученики и помощники к человеку, у которого и усы-то ещё не росли как следует. Косте Князеву

недавно исполнилось восемнадцать, и его весной должны были призвать в армию. Костя приехал на стройку из вятской деревни, поэтому его постоянно донимали одной и той же шуточкой:

— Ну что, Котя, мы ведь, вячкие, мужики хвачкие, семеро одного не боимси?

Костя в ответ только ухмылялся, и Серёге нравилось его добродушие. Нравилось и другое: он с самого начала стал относиться к Серёге, как к равному. Особенно после одного случая. Как-то их бригада чинила двигатель бульдозера. Когда мотор запустили для проверки, Серёга вдруг сказал Косте:

— Пальцы.

Костя посмотрел на свои пальцы.

— Пальцы, говорю, стучат.

Проверили. Оказалось, что Серёга прав и надо менять изношенные детали. Костя тогда только головой покрутил:

— Ну и слух у тебя! Ты откуда мотор-то знаешь?

— А у нас в школе тракторный кружок был, — не вдаваясь в подробности, ответил Серёга.

В мастерских приходилось выполнять всякую работу: менять ножи бульдозеров, выправлять погнутые кузова самосвалов, чинить рессоры и тормоза, производить тех-

осмотр. Володя Смородич по этому поводу говорил полусуто-полусерьёзно:

— Вы у меня, братцы, вроде как университет кончаете: от слесаря до кузнеца.

Смородича в мастерских любили за рабочую хватку и весёлый нрав. Он никогда не повышал голоса на своих ребят и, если что-то не ладилось, сам брался за дело.

— Одна рука у человека, да десяти стоит, — сказал однажды Костя. — О голове и говорить нечего.

Серёга уже знал, где Смородич потерял другую руку. Четыре года назад он работал здесь же электромонтёром. И как-то потребовалось перетянуть провода на высоковольтной линии. Под линией высоковольтной — в шесть тысяч вольт — проходила обычная. Володя надел когти, поднялся на столб и стал послаблять нижние провода, чтобы они в ветреную погоду не соприкоснулись с верхними, иначе произойдёт замыкание. Уже отцепив страхующий крюк и готовясь слезать, он решил поправить провод на изоляторе. Что случилось дальше, никто не видел. Смородича нашли на земле без памяти и доставили в больницу. Врачи определили поражение левой руки до плечевого сустава. После ампутации Володя уже не мог работать мон-тёром. Но, ещё лёжа в боль-

нице, он начал учиться на механика. И стал им...

«А сумел бы я быть таким, как Смородич?» — спросил себя Серёга, услышав эту историю. И не решился ответить на свой вопрос...

*

В день, когда выдавали аванс, Серёга стоял у кассы вместе со Смородичем и Званцевым. Получив тонкую пачку хрустящих пятёрок и рублей, Серёга не положил её в карман, а зажал в кулаке: ведь это были первые деньги, заработанные им самим, и он страшно боялся их потерять.

— Ну, с первой получкой тебя! — улыбаясь, сказал Смородич. — Какие подарки домой пошлешь?

— Надо бы в магазин зайти, — смутился Серёга. — А так я не знаю.

— Правильно. На месте виднее. Возьми нас с Захарычем для совета.

По дороге домой они зашли в магазин, и Серёга по собственному почину купил для своих младших конфет, а для матери резиновые голубые боты.

— Скоро весна, — пояснил он. — Вещь нужная.

— Ну, а отцу? — спросил Званцев. — Советую взять апельсинов и сок манго. Он, говорят, полезный. Словом, бери что надо, не стесняйся. Не хватит деньжонок — выручим. Люди свои.

Из магазина вернулись нагруженные покупками. И пока Смородич бегал куда-то доставать ящики для посылок, Серёга писал письмо отцу.

«Папка, — писал он, — я работаю на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС, и сегодня у меня первая получка. Места здесь очень красивые, а люди хорошие. Я пока работаю учеником. Скоро пойду в вечернюю школу, уже отнёс свидетельство за седьмой класс. В Абакане, под боком, разные училища. Так что ты за меня не беспокойся, я не пропаду, да и маме стану помогать. Пускай у тебя душа будет на месте, поправляйся скорее и выходи из больницы, а то все без тебя сильно соскучились.

На Енисее у нас пока лежит лёд, но скоро он тронется. Жду от тебя письма и остаюсь твой старший сын.

Малышев Сергей».

Юрий Начаев

ДЛЯ ЧЕГО НУЖНА ЗАРЯДКА ?

*Из рассказов о докторе
для здоровых*

С нашим соседом по квартире, физкультурным доктором дядей Петей, мы каждое утро делаем зарядку.

— Раз, два! Раз, два! — командует дядя Петя. — Выше колени! Гоп, гоп!.. Подскоки. Ноги врозь, ноги вместе!.. А теперь перейдём к ходьбе. Дышать глубже... Глубокий вдох... Продолжительный выдох...

Но вот зарядка окончена.

— А скажите, — спросил я, — без зарядки нам никак не обойтись?

— Нет, — покачал головой дядя Петя. — Зарядка нужна всем. Для чего? А вот послушай. Ты обратил внимание на поезд, отходящий от станции? Сначала он движется медленно, еле-еле, почти незаметно. И только потом,

взяв разгон, помчится на полных парах. То же самое происходит с человеком. Когда ты спишь, мышцы твои расслаблены, сердце работает в полсилы, лёгкие дышат спокойно, а мозг как бы совсем выключен. Но вот человек проснулся. Он всё же чувствует себя вялым, будто скованным, движения у него медленные. Так и хочется стряхнуть с себя остатки сна. Вот здесь-то и пригодится зарядка. Несколько гимнастических упражнений, и мышцы твои наполнятся силой, сердце начнёт работать энергичнее, лёгкие дышать глубже — одним словом, твой организм как бы «берёт разгон».

Утренней гимнастике, — продолжал дядя Петя, — большое значение придавал Ле-

нин. Знаешь, что писал Владимир Ильич сестре, когда был в эмиграции? Он убеждал её не забывать ежедневно обязательно делать гимнастику, заставляя себя проделывать по несколько десятков всяческих движений и подчёркивал, что это очень важно!

И то, что это очень важно, необходимо, понимают все — взрослые и дети. Если бы рано утром все дома вдруг стали прозрачными, ты увидел бы удивительную картину. Каждая квартира выглядела бы как маленькая спортивная площадка. В это время люди разных возрастов и профессий делают гимнастику: и седовласый профессор, и молодой рабочий, и школьник твоих лет, и студент, и домашняя хозяйка. Вся страна в это время напоминает огромный стадион.

Готовясь к трудовому дню,

люди заряжаются бодростью и здоровьем. Между прочим, — продолжал дядя Петя, — физкультурой у нас занимаются не только на земле, но и в небе.

— Как это — в небе? — удивился я.

— А ты вспомни полёты космических кораблей. Космонавты каждое утро, проснувшись, делали зарядку. Совсем как на земле. Вот что значит привычка!

Тот, кто привык к утренней гимнастике с детства, не расстаётся с ней до конца жизни и, поверь, не жалеет об этом. Все известные спортсмены, чемпионы и рекордсмены мира начинают свой день с обыкновенной утренней зарядки. Для них она стала необходимым и таким же привычным делом, как, например, сон, еда или умывание по утрам.

Александр Светов

МЕЧТАЮТ СТАТЬ СПОРТСМЕНАМИ РЕБЯТА

В таёжной дальней стороне
И в очень жаркой Фергане
Мечтают стать спортсменами ребята.
И на Чукотке ледяной,
Где вьюги воют за стеной,
Мечтают стать спортсменами ребята.

Кому-то нравится футбол,
А кто-то в лыжники пошёл. . .
Мечтают стать спортсменами ребята.
Один решил штангистом быть,
Другой — по шайбе клюшкой бить. . .
Мечтают стать спортсменами ребята.

В селе, в ауле, в кишлаке
И в самом дальнем городке
Мечтают стать спортсменами ребята.
В любом краю родной страны,
Где руки крепкие нужны,
Мечтают стать спортсменами ребята!

ЛЫЖНИЦА ЗИМА

Зима звенит полозьями,
Сверкает, как положено,
Весёлыми полосками
Серебряной лыжни.
Искрится небо синее,
А ветки в снежном инее
Готовы поздороваться —
Лишь руку протяни.

Морозною и гладкою
Спортивною площадкою
Земля для нас распахнута
И манит белизной.
По полю мчаться здорово,
Когда поёт простор его,
Лететь легко и радостно
По просеке лесной.

Давайте с ветром об руку
Поедем вслед за облаком,
Пускай снежинки падают
На наши свитера.
Под окнами узорными
На все четыре стороны
Зима — лихая лыжница —
Нас в путь зовёт с утра!

ФИГУРНОЕ КАТАНИЕ

Каток блестит как зеркало,
Искрится синий лёд,
И тоненькая девочка
Под музыку плывёт.

Она скользит, и кружится,
И мчится по прямой. . .
Фигурное катание
Ей нравится самой.

Как будто два художника,
Линуют лёд коньки.
Никак не получаются
У девочки прыжки.

До чемпионской ленточки
Пока что далеко.
Фигурное катание
Даётся нелегко.

Не слушается девочку
Упрямый хрупкий лёд,
Но вновь по знаку тренера
Она летит вперёд.

Каток блестит как зеркало,
Сверкая и горя. . .
Фигурное катание
Всем нравится не зря!

Михаил Пляцковский

Все вы, октябрята, конечно, любите весёлые, забавные истории. А попадать в смешное положение, наверное, никому из вас не хочется? Чтобы этого не случилось, прочитайте напечатанные под этим заголовком рассказы и подумайте над ними.

«МОЛОДЕЦ!»

Домой третьеклассник Вова пришёл озадаченный. Долго молчал, а потом похвастался маме:

— Меня сегодня один старшеклассник назвал молодцом.

— Ну да? — обрадовалась мама. — А за что?

— Сам не знаю. Подошёл ко мне во дворе, улыбнулся и сказал: «Молодец!»

— Может быть, ты помог малышам горку строить или застегнул кому-нибудь из них пальто? — предположила мама.

— Нет. Я в девчонок снежками кидался.

— Так, может, какая бабушка поскользнулась, а ты её поддержал? У нас во дворе такие скользкие дорожки.

— Нет. Я сам чуть одну старушку не сшиб...

— Удивительно, за что же он похвалил тебя? — развела руками мама.

Вове тоже захотелось узнать, за что его похвалили, и он тут же побежал разыскивать старшеклассника.

— Узнал? — спросила мама, когда Вова вернулся.

— Выяснил! — весело сообщил Вова. — Этот старшеклассник — корреспондент дружинной стенгазеты. Он, оказывается, все каникулы за мной наблюдает.

— Все каникулы? — ужаснулась мама. — За что же он тогда назвал тебя молодцом?

— Как за что? — воскликнул Вова. — Я помог ему написать фельетон под названием «Отдых озорника».

УМНЫЙ ПОПУГАЙ

Купил папа Ирочке попугая. Научила его Ирочка мяукать, лаять, говорить «Здравствуйте, ребята!» и захотела показать своим одноклассникам.

Собралась с попугаем в школу, а бабушка к ней с просьбой:

— Сходи в магазин за чаем.

— Вот ещё! — отказалась Ирочка. — Мне некогда! Отстань! — И понесла попугая в школу.

Она всякий раз так говорила бабушке, когда та просила её что-нибудь сделать: «Отстань!», «Мне некогда!» или «Вот ещё!»

Окружили Ирочку в школе одноклассники:

— Ну-ка спроси попугая что-нибудь!

Дождалась Ирочка тишины и сказала:

— Поздоровайся с ребятами, Чико!

А попугай, вместо того чтобы сказать «Здравствуйте, ребята!», взъерошился весь и крикнул:

— Отстань!

Ребята удивились, а Ирочка смутилась, но тут же снова спросила попугая:

— А как кошка мяукает? Помяукай, Чико.

Попугай покосился на Ирочку и проскрипел:

— Вот ещё!

— А как собачка лает? — чуть не плача, спросила Ирочка.

— Мне некогда! — прокричал попугай.

Ребята засмеялись, а Ирочка рассердилась:

— Вот противный! Ничего говорить не хочет.

— Как не хочет? — возразил Ирочке вожатый октябрят Толя. — Он нам очень многое сказал. Молодец, Чико!

„Важные пустяки“ прислал в „Круглый год“

Юрий Ермолаев.

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

Спешите все на «Стадион Ума», —
Прошу занять трибуны для гостей.
Весна и лето, осень и зима
Здесь будут спорить, кто из них умней.
Борьбу решит не шайба и не мяч,
Вникайте в суть загадок и задач.
Возьми с собой тетрадь или блокнот.
Мы ждём тебя.
С приветом

„Круглый год“

Догадался сам —
загадай
друзьям!
И поэтому все таблицы
перерисуй в тетрадь, чтобы книга у тебя
всегда была чистой.

Н. Разговоров

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД *и* СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

КТО ИГРАЕТ В ПРЯТКИ?

Три, четыре, восемь, семь!
Я зимою сено ем.
Три, двенадцать, девять, три!
Зря в меня ты не смотри.
Два, шестнадцать, сто, один!
Это — джунглей властелин.

Девять, три, пятнадцать, пять!
Я даю команду: «Спать».
Десять, три, четыре, семь!
Я приказываю всем
Разгадать скорей загадки!
Семь, шестнадцать, девять, два.
Кто играет с вами в прятки?
Что за хитрые слова?

Примечание Зимы: „Конечно, вы и сами догадались, что одинаковые числа означают одинаковые буквы. Действуйте смелей! По-моему, пять — это мягкий знак“.

КАРТИНА

Чёрный ворон на дубу
С белой крапинкой на лбу.
Бу.
От дождя блестит кора,
Вдалеке видна гора.
Ра.
Нелегко туда пройти,
Мост разрушен на пути.
Ти.
В замке светится окно.
А в горах уже темно.
Но.
Превосходная картина?
Кто художник?

ВИГВАМ

Однажды слон, лиса,
Уж, ёж, сова, удод,
Чиж, грач, кабан, коза,
Бизон, барсук, енот,
Акула, крот и... но
Должны найти вы сами,
Кто с ними был ещё, —
Сошлись в большом вигваме.
Запомните: лиса, слон, уж, сова, енот,
Чиж, грач, кабан, коза, бизон, барсук, удод,
Акула и... забыли мы крота! —
Сидели на полу, не открывая рта,
И слушали... Кого?
Кто песни пел в вигваме?
Напоминаю вам,
Должны найти вы сами!

Совет „Круглого года“: чтобы обнаружить певца, аккуратно карандашом вычеркните найденных вами в табличке зверей; слова расположены по горизонтали, вертикали и диагонали (сверху вниз). Выпишите оставшиеся буквы и составьте из них имя весёлого артиста.

Загадки и игры Зимы мне очень понравились. А тебе? Интересно, а что же готовит Весна?

Н. Разговоров

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД *и* СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

BECHA

ЖАВОРОНОК

На солнце тёмный лес зардел,
В долине пар белеет тонкий,
И песню раннюю запел
В лазури жаворонок звонкий.

Он голосисто с вышины
Поёт, на солнышке сверкая:
Весна пришла к нам молодая,
Я здесь пою приход весны...

В. А. Жуковский

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ЛЬДИНА

Через речку был зимник — дорога, по которой колхозники ездили на санях. Но пришла весна, лёд на речке вспучился, лопнул — кусок дороги, качаясь, поплыл вниз по течению.

Это была грязная льдина — с навозом, санными колеями и следами лошадиных копыт. Посередине её валялся подковный гвоздь.

Сперва льдину несло руслом речки. С берегов слетались на льдину белые птички-трясогузки, ловили над ней мушек.

Потом речка вышла из берегов, и льдину вынесло в лу-

га. Под ней проплывали рыбы, гулявшие по залитым водой лугам.

Раз около льдины вынырнул чёрный зверёк и вылез на неё. Это был крот. Когда вода затопила луг, ему нечем стало дышать под землёй, — он и всплыл наверх. Но вот льдина задела одним своим краем сухой холмик: крот соскочил на него и живо зарылся в землю.

А льдину гнало всё дальше и дальше — и пригнало в лес. Она наехала на пень и застряла. Тут на ней собралась целая компания пострадавших от наводнения сухопутных зверюшек: лесные мыши, ма-

ленький зайка. Беда была общая, и всем им одинаково грозила гибель.

Зверюшки дрожали от страха и холода и жались друг к другу.

Но вот вода стала быстро спадать, солнце сожгло льдину, и на пне остался только подковный гвоздь: зверюшки попрыгали на землю и разбежались.

ЛЕСНОЙ ОРКЕСТР

В этом месяце соловей так распелся, что и днём и ночью свищет да щёлкает.

Ребята удивляются: а когда же он спит? Весной птицам спать долго некогда, птичий сон короткий: успевай соснуть между двух песен да в полночь часок, да в полдень часок.

На утренних и вечерних зорях не только птицы — все лесные жители поют и играют, кто на чём и как умеет. Тут услышишь и звонкие голоса, и скрипку, и барабан, и флейту, и лай, и кашель, и вой, и писк, и уханье, и жужжанье, и урчанье, и кваканье.

Звонкими, чистыми голосами поют зяблики, соловьи, певчие дрозды. Скрипят жуки и кузнечики. Барабанят дятлы. Свистят флейтой иволги и маленькие дрозды-белобровики.

Лают лисица и белая куропатка. Кашляет козуля. Воеет волк. Ухает филин. Жужжат шмели и пчёлы. Урчат и квакают лягушки.

Никто не смущается, если у него нет голоса. Каждый выбирает себе музыкальный инструмент по своему вкусу.

Дятлы отыскивают звонкие сухие сучья. Это у них — барабан. А вместо палочек у них — отличный крепкий нос.

Жуки-усачи скрипят своей жёсткой шеей, — чем не скрипочка?

Кузнечики — лапками по крыльям: на лапках у них зацепочки, а на крыльях зазубринки.

Рыжая цапля — выпь ткнёт свой длинный клюв в воду да как дунет в него! Бултыхнёт вода, — по всему озеру гул, словно бык проревел.

А бекас, тот даже хвостом умудряется петь: взовьётся ввысь да вниз головой оттуда с распушенным хвостом. В хвосте у него ветер гудит — ни дать ни взять барашек блеет над лесом!

Вот какой оркестр в лесу.

Виталий Бианки

ВОТ КАКИЕ ЧУДЕСА

Чудо-чудо-чудеса:
На пеньке стоит Лиса,
Палочкою машет,
Два Медведя пляшут.
Вот какие чудеса:
Два Медведя пляшут!

Зайцы взяли за бока,
Заплясали трепака.
Белки прискакали,
В гусли забренчали.
Вот какие чудеса:
В гусли забренчали!

Завертелся Жук-усач,
Стрекоза пустилась вскачь.
Прилетели Утки,
Заиграли в дудки.
Вот какие чудеса:
Заиграли в дудки!

И берёзки в пляс пошли,
Хороводы повели.
Солнце заплясало,
Всем светлее стало.
Вот какие чудеса:
Всем светлее стало!

ВЕСЕННИЙ ДНЕВНИК

Вовка сидел за столом и готовил уроки. Вдруг в окно кто-то стукнул. Вовка поднял глаза от тетради и увидел взъерошенного бесхвостого воробья.

Воробей махал крыльями, отчаянно чирикал и чем-то походил на соседа по дому, сапожника дядю Терентия.

Мальчик улыбнулся. На дворе светло, весело. Ни вчера, ни позавчера он ничего такого не замечал. А сегодня и этот бесхвостый воробей, и серый ноздреватый снег на подоконнике, и синие тени берёз у калитки— казалось, всё

говорило: близится что-то радостное, праздничное, голубое.

Вовка даже продекламировал:

Ещё в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят...

И внезапно ему самому тоже захотелось сочинить стихи. Первые две строки он придумал сразу:

Вот и верба у колодца
Распушилась и смеётся...

А дальше, хоть убей, так ничего и не вышло. И тут Вовка махнул рукой на поэзию и решил написать рассказ. Рас-

сказ о весне. Потом взглянул на полку, где рядом стояли книги его любимых писателей — Гайдара, Житкова, Пушкина, Андерсена.

— Закачу-ка я повесть! А что? А? Слабó, скажете?! Да я каждый день писать буду. Вот и посмотрим, что получится... Пусть тогда весь наш третий «Б» ахнет! И Антонина Павловна тоже удивится:

«Ну и Мишуткин! Прямо будущий Лев Толстой...»

Но с чего начать? Пока Вова размышлял, в комнату вошла мать.

— Мам, когда весна придёт?

— Со дня на день. А ты наблюдай.

— Как?

— Выбери что-нибудь одно: деревья, или птиц, или наш двор...

— Я — двор! — воскликнул Вова. — Мы там вчера снежную бабу слепили.

— Вот и хорошо. Наблюдай за ней и в дневник записывай, что с ней произойдёт хотя бы через день. Весна придёт, а ты первый свидетель.

На другой день Вова сделал первую запись.

6 марта. Сколько раз глядел за окно, ничего нового. Вон Димка Пронин из школы побежал без портфеля. Видно, позабыл что-то. Вдруг Димка остановился посреди двора и рот разинул: на клё-

не стайка красногрудок-снегирей. Важные, пузатые, семена пощёлкивают, курлычут.

А снежная баба на дворе как стояла, так и стоит. Только у неё метла выпала. Пойти поднять, что ли?

8 марта. Сегодня женский праздник. Никто не учится, не работает. Все весёлые...

Мы с папкой в магазин ходили. А там одни мужчины в очереди стоят и за цветами, и за тортами, и за конфетами. Потом мы купили маме в подарок духи «Белая сирень» и букет мимозы. А про снежную бабу я совсем позабыл. Когда пошёл гулять, то заметил, что за день у бабы отскочил нос-морковка. Жалко! Я сбегал домой и принёс ей веточку маминой мимозы. Пусть празднует!

10 марта. Целый день летел снег. Большой, пушистый, мокрый. А потом солнце выглянуло. И всё притихло сразу. Началась солнечная метель.

Одна горластая ворона уселась на пожарную лестницу и раскричалась: «Карр-каррр!...» Потом к ней ещё три прилетели. И вся лестница закаркала.

Мой брат Митька тоже подпрыгнул и каркнул. Я рассмеялся. До этого он никак букву «р» не выговаривал. А тут вдруг научился.

12 марта. Ночью мороз

ударил. Мостовая обледенела. Все ходят и падают. Дворников ругают. Я тоже по дороге в школу упал. Схватился

па — дырявое ведро нахлобучилось на самый подбородок. Я снял его и бросил к забору. Тепло, и так не замёрзнет!

было за Витьку, а он за Борьку... и мы втроём загремели. Прямо куча мала. Вот смехуто было!

После уроков мы с горки катались. И я ещё разок полетел. Портфель расстегнулся, книжки — во все стороны... А снежная баба, словно сахарная, стоит и блестит. Глаза-угольки у неё разные: один круглый, другой треугольный. А лицо шершавым сделалось.

14 марта. Митька сегодня раньше всех проснулся и жмурится:

— Солнышко!

Я взял зеркальце и стал по стене зайчиков гонять. А Митька всё спрашивал:

— Откуда зайчик берётся и почему его так называли?

Когда я выбежал во двор, то увидел, что у снежной бабы голова стала меньше. Шля-

па — дырявое ведро нахлобучилось на самый подбородок. Я снял его и бросил к забору. Тепло, и так не замёрзнет!

16 марта. Наша баба похудела и начала плакать. Дворник дядя Корней встретил нас с Митькой во дворе и улыбнулся:

— Весенняя пора — пляши, детвора!

Митька ответил ему:

— Плясать нельзя: мокро.

А когда бабу-то лепили всем двором, вот уж плясали потом до упаду! Дядя Корней ей свою старую метлу подарил. Мы с Димкой по угольку раздобыли. Вовка Сапожков — морковку. А сегодня от этого один пшик остался...

17 марта. Баба стала грязная, чёрная, как Баба-Яга. Вовка Сапожков примерил ей соломенную шляпу с пером. Потеха! Даже молчаливый дворняга Антон не выдержал и залаял.

19 марта. Суббота. Свер-

кучее солнце и звонкая капель. На крышах длиннющие сосульки. Ребята сшибают их шапками и сосут, как эски-

23 марта. Посреди нашего двора, на месте бабы, лужа на солнце блестит. Увидел её черногрудый воробей да

мо. Во дворе весело: девчонки в «классики» играют, а дядя Корней с нашим соседом по квартире в домино режутся. Мы с Димкой Прониным самокат обновили. А снежная баба всё плачет и плачет...

21 марта. Прочёл в календаре: «День весеннего равноденствия. Долгота дня и ночи сравнялась». Значит, теперь уже день прибавится и станет длиннее.

Снег во дворе сделался чёрный-чёрный, а от снежной бабы осталась только большая лужа.

Дядя Корней побелил яблони у забора, подрезал тополя...

Я спросил:

— Зачем тополя подрезать?

— Чтобы пух не шибко летел. Мусора меньше...

как нырнёт с размаху! Брызги во все стороны, прямо как в бане... Выкупался, отряхнулся и стал страшный-пре-страшный, как Бармалей. Еле на забор взлетел. А потом пригрелся да как чирикнет!

25 марта. Ура! Сегодня в школу идти не нужно. Отсыпайся, гуляй сколько хочешь... Каникулы! А у Димки Пронина беда стряслась: рыжий кот Барон сбежал. Мы его целый день искали, даже по чердаку лазили, но... всё впустую.

27 марта. Димка в сарае старый скворечник нашёл. Мы ему крышу сменили, почистили и повесили на шесте над домом. Хорошо бы в нём скворцы поселились!

30 марта. Проснулся рано, а за окном уже светло. Вдруг слышу: «Ти-ти-тень! Ти-

ти-тень!» — на балконе распевает желтогрудая синица. Видно, торопится объявить всем: «День прибывает! День прибывает!»

села. Только я собрался ладшкой её накрыть, как подул ветер. Бабочка вспорхнула и полетела за забор на соседний двор.

Поскорей оделся — и во двор. . . А там уже весь снег растаял. Вдруг на крыльцо рядом со мной красная бабочка

На этом дневник кончается. А почему, вы, наверно, догадались. Настала весна!

Александр Барнов

НАВСТРЕЧУ ДНЮ ПОБЕДЫ

К 30-летию освобождения
Советской Армией Севастополя
от немецко-фашистских захватчиков

РАССКАЗЫ О ГЕРОИЧЕСКОМ СЕВАСТОПОЛЕ

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ

— Смелых люблю, умелых уважаю, — любил говорить один из героев Севастопольской обороны полковник Пётр Филиппович Горпищенко. Был Горпищенко командиром бригады морских пехотинцев. Много отважных солдат у Горпищенко. В тяжёлых боях бригада. Насмерть стоят герои.

На одном из участков обороны бригады сложилось так, что против стрелковой роты

наступало три батальона фашистской пехоты. Командир роты незадолго до этого был убит. Заменял командира политрук Кочанов.

Молод совсем политрук Кочанов. Усы всего как неделю бреет.

Любопытно бойцам, любопытно другим офицерам.

— Посмотрим, какой командир из Кочанова!

— Усы как неделю бреет. Молод совсем командир.

А тут три батальона фашистов на роту лезут.

Понимает Кочанов: выйдешь в открытый бой — сомнут, раздавят тебя фашисты.

Что же делать? Как сохранить рубеж? Задумался молодой офицер, вздохнул сокрушённо:

— Пропадай моя телега, все четыре колеса... Все четыре колеса, — повторил Кочанов. И вдруг: — Связной! Связной! — закричал политрук.

Подбежал связной:

— Слушаю, товарищ политрук... товарищ командир, — поправился.

— Машины сюда, быстро!

Подогнали три грузовых машины.

— Пулемёты сюда, немедленно!

Тащат сюда пулемёты.

— Отставить! Не те. Спаренные! Отставить! Не те. Счетверённые!

Были в роте такие противозенитные пулемёты.

Притащили сюда пулемёты.

— Грузи!

— Залезай!

— Крепи!

Укрепили на грузовиках счетверённые пулемёты. Получились, как встарь тачанки. Разница лишь в том — на моторной тяге.

Поставил Кочанов «тачанки» в укрытие. Выждал, когда в атаку пошли фашисты. Вот развернулись фашисты широким строем. Устремились вперёд на наших.

— Атакуй! — прокричал Кочанов.

Сорвались «тачанки» с

места. Рванулись врагам навстречу. Кругами пошли по полю. Заговорили огнём пулемёты. Дружно, в едином хоре. Сразу басят двенадцать.

Побежали назад фашисты.

Снова ходили они в атаку: три батальона на советскую роту. Устояла советская рота. Удержали рубеж солдаты. Отступили опять фашисты.

Довольны солдаты. Вспоминают лихую атаку. Вспоминают Кочанова.

— Вот тебе и усы как неделю бреет!

Узнал о бое полковник Горпищенко.

— Смелых люблю, умелых уважаю, — повторил он своё любимое. Однако сейчас же добавил: — А тех, кто и смел и умел, сыном своим считаю.

Обнял он крепко Кочанова.

Много смелых, много умелых. Много под Севастополем сынов у Горпищенко. Скажем прямо — семья большая.

ТРОЙКА

Окружили враги Севастополь. Блокирован город с суши. Путь к Севастополю только морем. Но и от моря отрезать город стремятся теперь фашисты. Над морем у Севастополя всё время патрулируют фашистские самолёты. Морские подходы к городу враги заминировали.

Особенно опасными были магнитные мины. Чтобы взорвалась обычная мина, корабль должен был её задеть или на неё наткнуться. Магнитная мина взрывалась на расстоянии. Лежит на дне моря или залива такая мина, ждёт, когда над этим местом пройдёт корабль. Только оказался корабль над миной — сразу страшный взрыв.

Таковыми минами и перего-

родили фашисты морские подступы к Севастополю.

Старший лейтенант Дмитрий Глухов вызвался пробить, проложить для наших судов проход через поле магнитных мин.

— Пробить?

— Проложить?

— Так точно! — по-армейски чеканит Глухов.

Старший лейтенант Глухов был командиром быстрого морского катера. Катер маленький, юркий, быстрый. Он как игрушка в руках у Глухова.

Пригласил как-то Глухов своих командиров к берегу Севастопольской бухты. Сел в свой катер. Как метеор по воде пронёсся.

— Понятно? — обратил-

ся к морским начальникам. Ничего никому не понятно.

Снова отчалил от берега Глухов. Включил во всю мощь моторы. Вспенил катер морскую воду, понёсся по водной глади. Глянешь сейчас на Глухова — словно тройка летит по морю.

Снова Глухов причалил к берегу.

— Понятно?

— Допустим, понятно, — отвечают ему командиры. Догадались они, в чём дело.

Предложил Глухов на своём быстроходном катере промчаться по минному полю. Уверял он, что мины хотя и взорвутся, но не заденут катер. Проскочит катер. Созда мины будут уже взрываться.

— Да я тут всё подсчитал, — уверяет Глухов. И командирам листок показывает. Цифры разные на листке. — Вот скорость катера, вот время, необходимое для взрыва мины. Вот расстояние, на которое за это время от места взрыва отойдёт катер, — перечисляет Глухов.

Смотрят командиры на цифры. Убедительно выглядят цифры. Так ведь это ж всё на бумаге...

— Всё верно, всё точно. Всё без ошибки, — уверяет начальство Глухов.

Посмотрели командиры на Глухова. Дали ему разрешение.

И вот катер дельфином метнулся в море. Смотрят за ним командиры. Прошёл катер совсем немного. И сразу страшный взрыв. Брызги вулканом рванулись к небу.

— Погибли?!

— Волной накрыты?!

Но вот осели, как листья, брызги.

— Живы!

— Целы! — вздохнули с облегчением на берегу.

Мчится катер стрелой вперёд. И снова взрыв. И снова к небу вода вулканом. За этим — третий, четвёртый, пятый... Одиннадцать взрывов качнули небо. Открылся проход через минное поле.

Развернулся катер. Помчался к берегу. Весел Глухов. Ликует Глухов. Посмотрите сейчас на Глухова. Словно на тройке летит по морю!

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАВЕЛИН

Северная часть Севастополя. Выход из бухты. Начало моря. Здесь у моря поднялась крепость. Это Константиновский равелин.

Любой корабль, входя в Севастополь, не обойдёт, не минует Константиновский равелин. Не минуешь его и при выходе. Константиновский равелин — как страж, как часовой у ворот Севастополя.

1942 год. Июнь. Фашисты предприняли новое, самое сильное наступление на город.

Овладели фашисты Северной стороной. Вышли к бухте, к морскому берегу. Лишь равелин дерётся.

Вместе со всеми в бою комиссар равелина Иван Кулинич. Азартен в бою Кулинич. Вот он стоит на виду у моря. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крест-накрест схвачен.

Сражается равелин. Волком вцепились в него фашисты. Снаряд, как молот, дробит округу.

Не сдаётся Константиновский равелин.

Бомбят равелин самолёты. Танки чуть ли не стены лбами бьют.

Всё меньше и меньше в живых героев. И всё же стоят герои. Прикрывают отход своих. В эти дни корабли Черноморского флота вывозили из города раненых. Сдать равелин фашистам — значит отрезать нашим судам путь из бухты в открытое море. Прдержались герои до нужного срока. Не подпустили фашистов к берегу. Ушли без потерь корабли из бухты.

Ушли корабли. Опустела бухта. Долг до конца исполнен. Прибыл теперь приказ, чтобы и сами герои покинули равелин. Простились матросы с крепостью. Все ушли. Лишь один остался — комиссар равелина Иван Кулинич. Взорвать равелин, уничто-

жить запас снарядов — с этой целью и задержался теперь Кулинич. Отправил минёров:

— Я сам! Я сам!

Вот он стоит на виду у неба. Китель моряцкий в дыму, в ожогах. Лоб бинтами крестнакрест схвачен.

Вновь атакуют фашисты крепость. Не отвечает фашистам крепость. Осмелели фашисты:

— Форвертс! Вперёд!

Ворвались фашисты в крепость. Видят — стоит комиссар: китель моряцкий в дыму, в ожогах...

— Комиссар?

— Комиссар!

Устремились к нему фашисты. Рты исказились в по-

бедном крике. Предпоследний, последний шаг.

— Получайте,—тихо сказал Кулинич. Повернул механизм подрывной машины. И в ту же секунду поднял землю страшный взрыв. Взлетели фашисты к небу.

Погиб комиссар Кулинич.

Мстили фашисты потом равелину. Хотели сровнять с землёй. Шипели мины. Рвались запалы. Но он стоял. Вскипало море. Гудели скалы. Но он стоял.

То кровь героев скрепила стены. То подвиг смелых жил в этих стенах.

Он и нынче стоит у моря — страницей славы, страницей боли — Константиновский равелин.

МАТРОССКОЕ СЕРДЦЕ

В июне 1942 года наши войска оставили Севастополь.

Прощался матрос с Севастополем. Поклонился он морю и солнцу. Бухте Северной, бухте Южной. Простился с Приморским бульваром, с Графской пристанью. Прощайте, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона.

Прощался матрос с Севастополем. Сердце в волнах оставил. Клятву вернуться дал.

Бросала судьба по фронтам матроса. Вдали от моря с врагом сражался.

Вспоминал Севастополь. Море и солнце. Графскую пристань, бульвар Приморский. Как там курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона?

— Я вернусь в Севастополь! Я вернусь в Севастополь!

Лют, беспощаден в боях матрос.

Бывало, друзья к матросу:

— Ты что же, сердца, никак, лишился?

Отвечает друзьям матрос:

— Нет сердца — в волнах оставил.

Нелёгкие годы провёл матрос. Ранен, контужен, увечен, калечен, снарядами сечен, минами мечен.

Но жив, не убит матрос.

— Я вернусь в Севастополь!

Я вернусь в Севастополь!

Вяз в болотах, тонул на переправах. Дожди исхлестали. Кожу сдирал мороз.

Устоял, не погиб матрос.

До Волги дошёл матрос. От Волги шагал матрос. Дрался под Курском. Путь пробивал к Днепру. Славу матросскую нёс, как факел.

Слово сдержал матрос. Вернулся в родной Севастополь.

8 апреля 1944 года, опрокинув фашистов, советские части ворвались в Крым. А месяц спустя, 9 мая, штурмом вошли в Севастополь и фашистов сбросили в море.

Вернулся матрос в Севастополь.

— Здравствуйте! — крикнул он морю и солнцу.

— Здравствуйте! — крикнул он бухте Северной, бухте Южной.

— Здравствуйте! — крикнул бульвару Приморскому, Графской пристани.

— Привет вам, курган Малахов, Карантинная бухта, Корабельная сторона!

Слово сдержал матрос. Вышел он к морю. На флагштоке у Графской пристани бескозырку, как флаг, повесил.

Отдали волны матросское сердце. Трепетно вынесли на руках.

Сергей Алексеев

РОДНОЙ СЕВАСТОПОЛЬ

Заря засияла над крымской землёю,
Над морем рассеялся сумрак ночной,
Белеет на взморье над синей волною
Краса Черноморья — наш город-герой.

Лазурные бухты, жемчужные горы,
Высокий, далёкий огонь маяка...
Эх, Чёрное море, широкое море,
Родной Севастополь — любовь моряка!

Здесь кровью святою омыты утёсы.
Здесь славой овеян бетон батарей.
Здесь курс на бессмертье держали матросы
В боях за свободу Отчизны своей.

Лазурные бухты, жемчужные горы,
Высокий, далёкий огонь маяка...
Эх, Чёрное море, широкое море,
Родной Севастополь — любовь моряка!

Идут корабли в черноморском просторе,
Матросская песня над морем звенит:
— Ты наше навеки, широкое море,
Свободу твою черноморец хранит.

Лазурные бухты, жемчужные горы,
Высокий, далёкий огонь маяка...
Эх, Чёрное море, широкое море,
Родной Севастополь — любовь моряка!

Сергей Алымов

ГОРОДСКАЯ БУЛОЧКА

Быль.

Шла я в школу на читательскую конференцию.

Весеннее солнце обожгло сугробы, они спеклись, почернели; на асфальтовых подсохших дорожках суетились воробьи, а в школьном саду старшеклассники белили стволы яблонь.

Вошла в школу в праздничном настроении. Сняла пальто и, вешая его на крюк, увидела урну с мусором, из которой торчала... надкусанная булочка. Весь праздничный настрой как ветром сдуло. Лестница на пятый этаж в актовый зал показалась мне бесконечно длинной.

В зале собрались пионеры. В белоснежных рубашках, с алыми галстуками, нетерпе-

ливые, подвижные, они переговаривались, шутили. И ментально смолкли, когда мы с библиотекарем вошли в зал.

Долго я не могла начать говорить. Вглядывалась в лица ребят. Глаза у всех были ясны, широко раскрыты и безмятежны. А передо мною в памяти возникло лицо Катеньки...

И я начала свой разговор об этой девочке, с которой познакомилась в поезде в дни войны в начале 1944 года... Затемнённый Мурманск, почти полностью разрушенный вражескими бомбами, запах гари, мрачный вокзал, силуэт поезда с наглухо зашторенными окнами.

Поезд шёл из Мурманска в Москву.

Моим соседом по купе оказался морской офицер, на чёрном кителе поблёскивали ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны, медали; на правой стороне груди нашита продолговатая золотистая полоска — знак тяжёлого ранения в бою. Рядом с ним сидела девочка лет семи-восьми. Я спросила, как её зовут, она молча прильнула лицом к руке отца.

— Катенька, — ответил за неё капитан. — Моя Катенька, — повторил он с грустью.

Проводница принесла чай. Позвякивание ложек в стаканах словно вернуло девочку к жизни. Она рассмеялась и стала тормошить отца:

— Папочка, давай скорей, скорей!

Капитан снял с верхней полки чемодан, вынул хлеб, колбасу, сыр. Все продукты были аккуратно завернуты и тщательно уложены в чемодане, как это умеют делать только моряки. Я тоже вынула из сумки съестные припасы, и мы принялись за ужин. Капитан не спеша отрезал ломтики хлеба. Девочка тоненькими прозрачными пальцами торопливо собирала крошки. Вагон дёрнуло, и они просыпались на подол. Катенька внимательно и со-

средоточенно искала каждую крошечку и клала в рот. Ела в какой-то спешке, почти давась, но вдруг сникла и жалобно произнесла:

— Ой, не могу больше, а всё хочется съесть.

Она несколько раз пыривалась достать со дна выпитого стакана лимон, но отец взглядом останавливал её.

— А теперь спать! — решительно сказал он. — Платье и ботинки не снимай.

— Хорошо, — покорно согласилась Катенька, — только вы выйдите, пожалуйста, в коридор.

Мы вышли. Капитан задвинул дверь, выбил щелчком сигарету из пачки, закурил, глубоко затянулся и выдохнул кольца дыма.

— Ах, Катенька, Катенька... Сколько ей пришлось пережить! Я с первого дня войны на подводной лодке, а жена с детьми и больной бабушкой остались в Ленинграде. — Капитан несколько раз подряд пыхнул сигаретой и, заминая её в пепельнице, глухо сказал: — Все умерли от голода. Катенька уцелела. Привезли её ко мне в Мурманск. Отхаживали несколько месяцев. Теперь она почти здорова, но что-то в ней надломилось. Не верит, что хлеба всегда будет вдоволь, и делает запасы, как белка. Вот посмотрите...

Он осторожно отодвинул

дверь, подошёл к спящей дочке, отвернул угол подушки. На простыне лежали красные полукружия корочек от сыра, смятые яичные скорлупки, кожура от лимонов, и к расслабленной ото сна ладошке прилип кусочек сахара.

Отец подоткнул со всех сторон одеяло и сел.

— И во сне бредит хлебом. Ей всё кажется, что кто-то злой и чёрный отнимет хлеб... — Капитан посмотрел на часы. — Скоро приблизимся к линии фронта.

Поезд, прогремев по мосту, стал замедлять х́д, а проводница попросила пассажиров покинуть вагоны и спуститься слева по ходу поезда под откос.

Катенька мигом села на постели и, засовывая за пазуху лимонную кожуру, скорлупки, заученно повторяла:

— Тревога... Артобстрел... Обстреливают наш квадрат...

В вагоне погас свет. Мы ощупью пробирались к выходу.

В чёрной ночи глухо, как филин, ухали артиллерийские выстрелы. По небу вспугнутыми птицами летели облака, и в них ныряла луна, беспокойно глядя на землю.

Капитан прыгнул с подножки, расставил руки и хотел уже схватить дочку, но она вдруг метнулась с площадки обратно в чёрную

пасть вагона. Отец поспешил за ней.

Вскоре они спустились вниз под откос. У Катеньки в руках белел свёрток.

Отец расстелил на снегу полу шинели. Катенька положила свёрток и легла на него, распластав руки.

Снаряды падали где-то справа. Немцы, очевидно, обстреливали мост, который мы уже миновали. От взрывов вздрагивала земля, и от неё пахло талым снегом и пылью, и от этого запаха кружилась голова, и нестерпимая боль и нежность к этой страдавшей земле, перепаханной снарядами, бомбами, сжимали сердце.

Один снаряд упал далеко позади нас.

Катенька подтянула колени, собралась вся в комок и шептала:

— Не бойся, не бойся... Всё скоро кончится. Они будут обстреливать другой квадрат.

Ещё один взрыв, ещё... И наступила тишина.

Мы долго лежали, пока послышался свисток начальника поезда и его команда:

— Пассажиры, по местам! Поезд продолжает свой путь.

Люди, отряхивая мокрый снег, поднимались по ступенькам в вагоны. Поезд тронулся, замигали под потолком синие лампочки.

Катенька села на постели, осмотрела свой свёрток, развернула его, вынула кусок хлеба и радостно зашептала:

— Цел! Я же говорила, чтобы не боялся. Цел!

Она аккуратно, по-отцовски, снова завернула хлеб в бумагу и сунула под одеяло...

Мы сидели с капитаном и смотрели на спящую девочку.

Поезд продолжал свой путь.

Вот и всё...

Я кончила свой рассказ.

В актовом зале было очень тихо.

Я расстегнула портфель и

вынула из него обыкновенную городскую булочку с надкусанным концом.

В зале беспокойно зашумели. Какая-то девчушка стала пробираться через ряды сидящих. Она выбралась в проход и, стуча башмаками, побежала к выходу. Ребята недоумевающим взглядом провожали её. Девочка распахнула дверь и с плачем скрылась в коридоре.

В зале стало тихо.

Маленькая городская булочка с надкусанным концом лежала на столе.

3. Воскресенская

МАРТ

Отшумели все метели
И морозы не трещат.
С крыш закапали капли,
И сосульки в ряд висят.
Веселее и теплее
Стали мартовские дни.
В нашем садике в аллеях
Уж проталины видны.
Звонко тинькает синица
Возле нашего окна. . .
Скоро в дверь к нам постучится
Настоящая весна!

ШУМИТ НА РЕЧКЕ ЛЕДОХОД

Шумит на речке ледоход,
В саду хлопочет садовод.
Забавно чибисы кричат,
Ворона кормит воронят.
Резвится тёплый ветерок,
Проснулся первый мотылёк.
И песня зяблика слышна:
— Пришла весна, пришла весна!

В. Алфёров

* * *

Весна
торопилась на речку,
чтобы скользить по каточку.
Ступила на твёрдые льдины —
открылись
речные глубины. . .

Весна
поспешила к поляне
снегу набрать на ладони,
пушинок-снежинок нежных!
И открылся
нежный
подснежник.

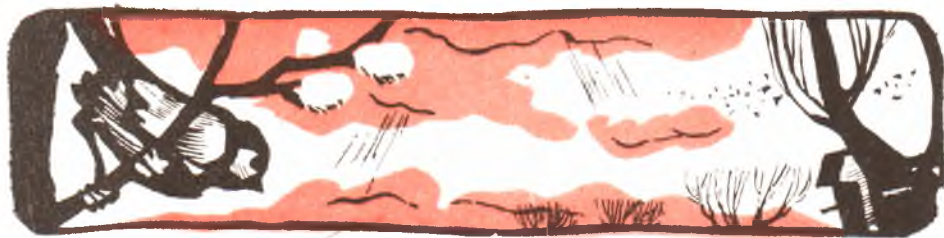
УТРЕННЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

Кто уже открыл глаза,
пусть скорей берётся за. . .
мочалку,
полотенце,
за чашку,
ломоть хлеба. . .

И за блюдо
надо браться,
и за чайник со стола,
и скорей, скорее, братцы,
надо браться
за дела!

Э. Мошковская

СИНИЕ ТЕНИ

Люблю я первые, полные света и синих теней весенние дни, когда по-особенному свеж и чист воздух. И кажется, что весна вот тут, где-то рядышком. Наконец-то люди начинают сбрасывать с крыш домов и сараев толстый слой снега — тепло не за горами. И, несмотря на холодный ещё месяц, как-то особенно, по-весеннему звонко и весело тенькает капель. На дворе появились искрящиеся лужицы. К ним со всех сторон с весёлым чириканьем слетаются взъерошенные, с грязными грудками воробы. Забияки радуются свету и воде, купаются. . . Крупные брызги летят во все стороны, а воробышки от этого ещё веселее чирикают, будто выкрикивают: «А у нас весна! Уже весна!» — и ещё дружнее ныряют, забыв про студёный день, который хоть и выдался тёплым, но ещё по-зимнему короток. Не успело солнце подняться над лесом, как тут же раздумавшимся яблочком закатилось за горизонт.

Дунул северный ветер. Зарябились лужицы. Заледенели. Воробышки притихли; пытаются сбросить с пёрышек водяной груз, а капли застыли и держатся на перьях. Хотят взлететь, а крылышки будто кто подрезал. Скачут птички на озябших ножках серыми комочками по колючему снегу. Защиты ищут. . .

ПОКЛОНЯЮСЬ КРАСОТЕ

В майские утренние часы у нас под Загорском я часто хожу на гору Поклонную встречать восход солнца. Сядешь в тени под густо усеянной белыми цветами черёмухой и

ждёшь, когда солнце поднимется над лесом. Вот и оно, огромное, яркое, всплыло из-за леса и до самого дна высветило сонный пруд. Водоросли, зелёные, мохнатые, как борода сказочного водяного, тянутся по дну. Отяжелевшие ветки черёмухи низко клонятся к самой воде. Черёмуховый дух напитал всю округу.

Тишина. Лишь от случайно упавшего лепестка вздрогнет гладкая поверхность пруда и заколеблется водяная гладь чуть заметной рябью.

А из прибрежных кустов летит и летит несмолкаемая соловьиная песня. Как бы помогая солисту, из тёмной гущи леса таинственно откликается кукушка:

«Ку-ку, ку-ку!»

Заметнее просыпается подводное царство. Из-под ила, будто из-под ночного одеяла, медленно выплывает маленькая рыбёшка бычок. Встанет на месте и быстро-быстро шевелит прозрачными, чуть заметными плавниками. Будто, хитрюга этакий, утренней гимнастикой занимается...

А вокруг всё светлее и светлее, и больше стало появляться голосов, звуков разных. Насладившись коротким миготом утреннего рассвета, иду я к полустанку. Вот ведь и пять, и шесть веков назад люди так же сидели над древним прудом, над ручейком, называли тогда его святым источником. И проходили мимо, клали земной поклон. От этого родилось в народе название горы — Поклонная. Я же и теперь поклоняюсь неумирающей красоте этих мест.

А. В. Дорохов

8 МАРТА —
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЖЕНСКИЙ ДЕНЬ

МАМА

По-русски «мама», по-грузински «нана»,
А по-аварски ласково, — «баба́».
Из тысяч слов земли и океана
У этого — особая судьба.

Став первым словом в год наш колыбельный,
Оно порой входило в дымный круг
И на устах солдата в час смертельный
Последним зовом становилось вдруг.

На это слово не ложатся тени,
И в тишине, наверно, потому
Слова другие, преклонив колени,
Желают исповедаться ему.

Родник, услугу оказав кувшину,
Лепечет это слово оттого,
Что вспоминает горную вершину —
Она прослыла матерью его.

И молния прорежет тучу снова,
И я услышу, за дождём следя,
Как, впитываясь в землю, это слово
Вызванивают капельки дождя.

Тайком вздохну, о чём-нибудь горюя,
И, скрыв слезу при ясном свете дня,
— Не беспокойся, — маме говорю я, —
Всё хорошо, родная, у меня.

Тревожится за сына постоянно,
Святой любви великая раба.

По-русски «мама», по-грузински «нана»
А по-аварски ласково, — «баба́».

Расул Гамзатов

ДОБРОТА

В доме
Добрыми делами
Занята,
Тихо ходит
По квартире
Доброта.
Утро доброе
У нас,
Добрый день
И добрый час,
Добрый вечер,
Ночь добра,

было

Доброе вчера.
И откуда,
Спросишь ты,
В доме
Столько доброты,

что

От этой доброты
Приживаются
Цветы,
Рыбки,
Ёжики,
Птенцы.
Я тебе
Отвечу прямо:
Это
Мама, мама, мама!

Л. Николаенко

БАБУШКИНА ВЕШАЛКА

Ну что за беда! В коридоре всего одна вешалка, да и та высоко прибита. Трудно Васиной бабушке до неё дотянуться. Разве что на табуретку взобраться. Но легко ли бабушке в её старые-то годы по табуреткам лазить! Попробовал папа как-то раз прибить вешалку пониже — снова незадача: его и мамино пальто полами паркет в коридоре подметают.

Конечно, когда папа или мама дома, тогда дело проще: они всегда помогают бабушке раздеваться. Но и мама и папа ходят на работу, а Вася — в школу: он уже учится во втором классе. Уйдёт бабушка в магазин, вернётся, а до вешалки дотянуться не может. Так и валяется бабушкино пальто на сундуке, в коридоре.

И вот решил Вася бабушке помочь. Раздобыл он дощечку, ножиком со всех сторон обстругал, чтобы бабушка себе случайно руку не занозила, отрезал от старой палки два кругляша и давай мастерить что-то.

— Что это ты, Васенька, делаешь? — спрашивает бабушка.

А Вася сопит, не отвечает — работой занят.

Долго бился Вася, чтобы кругляшки-колышки к дощечке прикрепить. И так прилаживался и эдак — не получается. Наконец придумал. Вбил сначала в дощечку два гвоздика. Вылезли они с другой стороны. Насадил на них Вася

колышки и молотком постучал. Попробовал — крепко держатся.

Посмотрела бабушка сквозь очки и сказала:

— Не иначе, Васенька, ты пароход вздумал смастерить! С двумя трубами!..

Взглянул Вася — и правда: дощечка с колышками стала на пароход похожа. Только нужно её с обеих сторон заострить, чтобы вышли нос и корма...

Засопел Вася ещё громче — задумался. А не лучше ли в самом деле вместо вешалки смастерить пароход? Зимой его можно будет пускать в ванной. А летом — в ручейке, что течёт недалеко от забора...

И вдруг словно кто-то прошептал у него над ухом: «А как же вешалка? Так и будет бабушкино пальто в коридоре на сундуке валяться?»

Встряхнул Вася головой, чтобы отогнать прочь дурные мысли, и вбил в дощечку ещё два гвоздика. Если их загнуть, то получатся колечки, чтобы вешалку на стенку повесить. Он уже и молотком размахнулся, чтобы гвоздики загнуть, и опять задумался. Вот если таких гвоздиков подряд много-много в дощечку вбить, а потом связать их толстой ниткой, то выйдет загородка, как на настоящем пароходе, чтобы никто из пассажиров с палубы в воду не свалился.

Но снова зазвучал над ухом у Васи неугомонный голос: «А как же бабушкина вешалка?» И ударил мальчик молотком раз и другой. И ещё разок ударил, чтобы оба гвоздика в колечки загнуть.

«Что же, это ведь ничего, что колечки, — тотчас же подумал Вася. — Ещё два колечка загнуть с другой стороны — будут у парохода по бокам висеть спасательные круги...» А голос опять, так и шепчет: «Что же ты, Вася? Будет у тебя пароход. Зато не будет у бабушки вешалки...»

Нахмурился Вася, выбрал два гвоздя подлиннее, побежал в коридор, взобрался на табуретку, вколотил их в стенку и повесил дощечку за колечки.

Вышла из соседней комнаты бабушка, очки надела.

— Ой, Васенька! Да ведь это, никак, вешалка...

— Конечно, бабушка. Вешалка... А пароход я ещё сделаю...

Взяла бабушка своё пальто и повесила его на деревянный колышек.

— Удобно-то как! Вот спасибо тебе, внучек!

А. Соколовский

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

МАЛЬЧИШКИ

На лбу бывали шишки,
Под глазом фонари.*.
Поскольку мы — мальчишки,
Мы все — богатыри.

Царапины, занозы...
Всего страшнее — йод!
(Тут, не стесняясь, слёзы
Наш полководец льёт.)

Пусть голова в зелёнке
И в пластырях нога,
Но есть ещё силёнки,
Чтоб разгромить врага!

ВЕСЕННИМ УТРОМ

Всё жду, когда на улицу отпустят,
Кручусь, верчусь у взрослых под ногами,
И наконец не просто отпускают,
А выгоняют из дому меня.
Беда! Мороз весну остановил!
Лопаткой лёд ломаю. Каблуком
Бужу ручьи, освобождаю лужи,
Да так, что брызги ржавые летят!
И весь в грязи, промокший и голодный,
Иду домой. Стою в углу, как веник.

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

ПРОЩАНИЕ С ДРУГОМ

Он сбежал у меня на глазах.
Я его провожаю в слезах.
Мы с ежом замечательно жили,
Уважали друг дружку, дружили.
Он с ладошки лизал молоко.
Позволял он потрогать брюшко.
У него была милая рожица.
Не любил он колоться и ёжиться.
Но открытой
Оставили дверь,
И сердитый
Бежит он теперь.
Как чужой, и шипит он и колется.
Проводил я его до околицы.
И в колючей траве он исчез,
И счастливый отправился в лес.

НА ДЕРЕВЕ

Сажу на самой верхней ветке,
И чудится, что я в разведке
Или на мачте корабля,
Готовый закричать: «Земля!»
А ветер дерево качает.
Никто меня не замечает.
А я забрался выше всех
И вижу всех,
И слышу всех!

Валентин Берестов

ЗЕЛЕНАЯ ТУЧКА

Майским утром шёл я вдоль левого берега Рузы с удочкой и большой консервной банкой: она заменяла мне ведро. В неё бросал я плотичек и окуньков, которые изредка попадались на быстринке, возле травы.

В узенькой протоке, где воды было по колено, заметил я стайку подустов. Они тыкались носами в щели между камнями, выискивая личинок, и пускали «зайчиков», когда переворачивались серебристыми боками в сторону яркого солнца. Мне очень захотелось поймать хоть одну длиннорылую рыбку с блёклыми оранжевыми плавниками и чёрным хвостом. Но я сплеховал: резко взмахнул удилищем, тень упала на стайку, и она тотчас же скрылась в глубине, под кустами.

Утренняя заря закончилась. Надо было возвращаться домой с плохим уловом. Но не хотелось.

Весна шла с зелёным шумом свежей листвы, с теплом и ароматами первых цветов. Слева и справа от узкой тропы в берёзовой рощице все прогалины были затканы золотом гусиного лука, голубыми пятнами пролесок, розовыми хохлатками. В редком ельничке синела медуница, по крутому склону были рассыпаны белые звёздочки анемон, у самой воды желтели тугие бутоны калужницы.

В такую пору весны, давным-давно, бегал я на рыбалку босиком, придерживая старые штаны, которые еле держались на одной пуговице. А как вспомнил о прошлом, захотелось пережить хоть каплю того, что было рыбацким счастьем в детстве... Пескарь! Вёрткий, плотный, желтоватопятнистый, с какими-то задумчивыми глазами на тупом рыльце, украшенном прозрачными усиками...

«Поискем его здесь», — решил я и стал приглядывать место на реке, предвкушая чудесную рыбалку детских лет:

закинул червяка за камень, клюнуло, подсек, пескарь в кулаке!

Тропа вывела меня на опушку, где длинной шеренгой стояли новенькие дома, а возле них напропалую свистели и трещали скворушки. А по всему отвесному берегу, выше домов с зелёными и голубыми наличниками на окнах, белым навесом раскинулась цветущая черёмуха — просто сказочный терем. И в нём громко хлопотала шумная колония дроздов.

Я пристроился на шатких мостках через Рузу, остро пахнущих свежими сосновыми досками, и превратился в озорного мальчишку, который дрожащей рукой снимает с крючка мокрого, трепещущего пескаря и жадно глядит, куда бы снова закинуть насадку.

Рыбалка так захватила меня, что я не вдруг заметил, как умолкли дрозды и скворцы, острый ветер колыхнул кусты черёмухи и седой рябью промчался по реке.

Из-за леса быстро напоззло дымчатое дождевое облако. Дружно зашумели одинокие присадистые сосны, закачались три берёзы-сестрички над обрывом у просёлочной дороги. И небольшая зелёная тучка, клубясь, надвинулась ко мне из кустов черёмухи, изредка касаясь воды. И мне вдруг почудилось, что я задыхаюсь в теплице, где от влажной духоты и одуряющих запахов перехватывает в горле.

Тучка так окутала меня, что скрыла из глаз дома, берега, гребёнку леса. И сейчас же стеной навалился спорый, тёплый дождик. Я побежал по мосткам, перевёл дух у первого же крыльца и оглянулся. Что за диво? Снова пришёл рассвет: цветной, зелёной тучки как не бывало! Вода в реке кипела пузырями от крупных капель дождя, вдоль берегов сползала седая зелень, покачиваясь на волне.

Редкую картину удалось подсмотреть мне: ветер сбил в густую тучку пыльцу цветущей черёмухи, дождём прижало её к воде. И зеленоватой мутью угнало по течению...

А весна не дремала. Короткий дождик закончился; вдали, над лугами, пробились в земле лучи солнца, вспыхнула крутая, высокая радуга. Засвистели, по-соловьиному залились трелями скворушки и дрозды.

Я снова выбрался к мосткам. Пескари, недавно перепуганные ветром, дождём и тучкой, словно того и ждали, что я появлюсь перед ними с удочкой и подкину им червяка. И пошла весёлая рыбалка, как в том далёком, давнем детстве!..

Вл. Архангельский

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

ВСЕМ ХОРОШО!

Всем хорошо,
Если мир на земле:
И людям,
И птицам,
И даже пчеле...

Раннее утро.
Скрипит коростель.
В клевер зарылся
Ликующий шмель.

Сделал свой первый
Неловкий шажок
Рыжий лосёнок
У маминых ног.

В луже болотной
Среди камыша
Лягушка
От счастья
Сидит не дыша.

Песню кузнечик
Завёл в ковыле...
Как хорошо,
Если мир на земле!

Е. Кай

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

ПЛАСТ

Раньше Васятки Берёзина пришёл я в поле, чтобы поглядеть, как широкоплечий, с могучей грудью и руками богатыря тракторист поднимет первый пласт.

Тракторный гул накатывался со стороны деревни, и как бы пропущенные через него глуше слышались трели жаворонков; чибис то взмывал высоко-высоко в голубое небо и широко плескал своими крыльями, то складывал их и комом, отвесно, падал к земле, но у самой жёсткой, прошлогодней стерни успевал-таки развернуть крылья и крикнуть: «Чи вы, нивы? . . Чи вы, нивы? . .» — и опять торопился в вышину, беспредельно залитую солнцем.

Васятка вывел свой трактор на исходную позицию и, чуть помешкав — кто же из трактористов и вообще людей деревенских не волнуется перед первым пластом! — двинулся вперёд. Взревел дизель, резиновые рубцы колёс обернулись раз, обернулись два, и четырёххлемешный плуг напористо вошёл в землю и вывернул первый пласт. Вернее, четыре пласта. Четыре чёрных, только что поднятых крутых волны. Васятка выглянул из кабины, кепкой вытер лоб. Он увидел пласты и уловил хмельной запах свежей земли, солнца, металла. Все запахи смешались, сгустились и сразу породнили его, хлебопашца, с землёй.

Что он чувствовал? Радость и нетерпение — ведь разлука между ними была такой долгой. А может, он понимал сердцем, руками, двигавшими рычаги машины, всем своим существом, что пашет не просто поле, не просто землю, а земной шар, пашет на виду у всех людей, чтобы дать жизнь, и радость, и счастье. Тут будешь стараться! Крайний пласт лёг на носки моих кирзовых сапог, как в живую воду окунулся я в запахи пашни.

— При-вет! С почином! — крикнул я.

Но Василий не остановился, не сбавил ход — видно, не слышал. Он жил первым пластом. Чтобы помнить его долго-долго, чтобы снился, чтобы звал к работе.

МАМА И СОЛНЦЕ

Проснулись глаза —
Я встаю.

Мне не трудно.
— Мама и солнце,
Доброе утро!

А на пороге
Весёлый олень,
Друг быстроногий
По имени День.

Скачем и прыгаем,
Плаваем, пляшем,
Дождик прольётся —
Нам дождик не страшен.

Тёплые лужи,
Ноги босые,
Заросли трав
И чащобы лесные.
Тал, мать-и-мачеха,
Ряска и хвощ.

А дома нас ждёт
Удивительный борщ.
— Спасибо, мама!
День-дилли-день,
Длинноногая тень,
Что пригорюнился,
Друг мой олень?

Что ты услышал?
Чей это рог?
Вздрогнул и мчит
Без пути, без дорог.

Вечер — не вечен,
Любит он сказки.
Сны к нему в гости
Летят на салазках.

Землю покачивают поезда
— Что это, мама?
— Упала звезда.
Спи.
Утро вечера мудренее.

В. Бахревский

ПАРНИЧОК ПОД СНЕГОМ

В лесу ещё пусто, голо, ещё почти повсюду лежит снег, но весна уже пришла! Это чувствуется во всём и даже в том, что появились уже первые цветы. Точнее, первый цветок. Там, где посильнее пригревает солнышко и где сошёл уже снег, на серой или бурой земле сверкают, как маленькие яркие лампочки, жёлтые цветочки мать-и-мачехи. Они немножко похожи на цветки одуванчика — такие же жёлтенькие, только гораздо меньше. Поэтому и не спутаешь их с одуванчиком. Не спутаешь ещё и потому, что у одуванчика сначала появляются листья, а потом уж цветочки, у мать-и-мачехи же — наоборот: сначала цветочки, а потом уж листья. Хотя название это растение получило как раз благодаря листьям. Верхняя часть листа у мать-и-мачехи гладкая и всегда прохладная. Приложишь к щеке — холодновато. Это — мачеха, говорили раньше в народе. А нижняя сторона листа покрыта мягким пушком и всегда тёплая — это родная мать. И хоть мачеха вовсе не обязательно бывает злая и холодная, так уж издавна повелось думать и говорить. Поэтому так и называли это растение.

Есть у него и другое название, оно тоже дано растению благодаря его листьям. Издавна из листьев мать-и-мачехи в народе готовили лекарство против кашля. Поэтому учёные называли мать-и-мачеху «туссилаго», от латинского слова «туссис» — «кашель».

Но меня весной в лесу интересует мать-и-мачеха совсем по другой причине. Тот, кто бывал в лесу ранней весной, может быть, задумывался: когда же это растеньице успело набрать силы, расцвести, если ещё так холодно, если ещё вокруг лежит снег?

Не знаю как другие, а я часто задумывался над этим и удивлялся. Теперь-то я знаю это и могу поделиться с теми, кто тоже хочет узнать. Оказывается, мать-и-мачеха набрала силы и даже расцвела под снегом. Кто захочет, может в этом легко убедиться сам.

Мать-и-мачеха обычно растёт по откосам, по берегам рек, вдоль канав. Вот тут-то и надо весной раскопать снег. Он сейчас уже не глубокий, и расчистить место ничего не стоит. И вот уже из ямки в снегу глянул весёлый жёлтый глазок. Здравствуй! Как же ты вырос под снегом? Цветок, конечно, молчит. Но можно самому выяснить это. Для это-

го надо чуть в стороне опять раскопать снег. Но теперь уже осторожно, медленно. Вот снят последний слой снега, и что-то слабо треснуло. Ага, это тоненькая корочка льда. А под ней, в небольшом пустом пространстве, — цветок. Он рос как бы под ледяным куполом, который сейчас сломался. Получается, что мать-и-мачеха растёт как бы в парничке.

Этот парничок, конечно, никто не устраивал для мать-и-мачехи, растеньице само устроило его себе. Растение дышит, образует тепло. От этого тепла снег вокруг подтаивает. Помогают растению и солнечные лучи, которые пробиваются сквозь неглубокий снег и участвуют в строительстве парничка.

Так в этом парничке и растёт мать-и-мачеха, дожждётся, пока снег растает и она сможет украсить собой ещё хмурым весенний лес.

Юрий Дмитриев

ХОХОТУН

Сказка

Родились у Зайчихи зайчата. Как только научились они быстро бегать, начала мать учить их грамоте. Повела она их по лесу и стала с деревьями знакомить.

— Вот, детки, растёт ель. Она всегда зелёная. А это — берёза. Осенью у неё листья опадают, а весной новые вырастают. Это дерево называется дубом. Это клён... Не смешивайте ель с пихтой, а сосну — с кедром. Они похожи друг на друга...

Все зайчата слушают объяснения матери и разглядыва-

вают деревья. И только один зайчонок не слушает. Он гоняется за бабочками и громко хохочет. И прозвали его братя Хохотуном.

А Зайчиха-мать уже рассказывает, что зайцы могут есть, а чего совсем в рот не должны брать.

— Очень вкусны клевер и пырей. Можете грызть молодые веточки ивы, берёзы, осины. Не ешьте только белену, дурман, болиголов... От них можно заболеть и даже раскуска лишиться. И другие ядовитые растения встречаются здесь.

Все зайчата слушают мать и травы рассматривают. А Хохотун не слушает. Гоняется он за жуками и громко хохочет.

Начала Зайчиха-мать о звериных следах рассказывать.

— Здесь пробежала белочка. Запомните её следочки. Они маленькие, потому что белка меньше зайца. Ест она орехи, семена елей и сосен и грибы. Вот следы глухаря. А вот следы оленя. Следы большие. И сам олень большой. Но вы его не бойтесь: он зайцев не трогает. А бойтесь лисицы и волка. Никогда не попадайтесь на глаза этим зверям: сразу съедят! Вот эти следы лисьи, а вот эти — волчьи. Запоминайте, детки...

Все зайчата слушают мать и следы зверей рассматривают. А Хохотун не слушает. Гоняется он за кузнечиками и громко хохочет.

Когда зайчата подросли, мать им сказала:

— Теперь вы, детки, уже большие. Живите самостоятельно, кому где хочется.

Разбежались зайчата по лесу и стали жить каждый по себе, кто где пожелал. Зажили они хорошо! Но... не все. Хохотун не мог прожить больше трёх дней.

Весь первый день он гонялся за бабочками, жуками и кузнечиками и хохотал на весь лес. На второй день, проголодавшись, он наелся ядовитой травы и без памяти свалился на волчью тропу. А на третий день на него напали волки.

Вл. Калошин

ПРОЩАЙТЕ,
МАРСИАНЕ!

В Центре дальней космической связи во время полёта советских автоматических станций «Марс-2» и «Марс-3» я разговаривал с одним из астрономов — специалистом по Марсу, этой загадочной красной планете. Зашла речь и о «каналах», которые много раз наблюдали с Земли астрономы.

— Когда на фотографии я увидел цепочку кратеров, —

признался он, — мне никак не верилось, что это те самые «каналы». Так и живёт в сознании: реальные кратеры и легендарные «каналы», угрюмый пейзаж Марса, который вырисовывает воображение учёного, и прекрасная Аэли-та. Они сосуществуют вместе, но когда принимаем сигналы от «Марса-2» и «Марса-3», всё-таки мы представляем эту планету без марсиан. . .

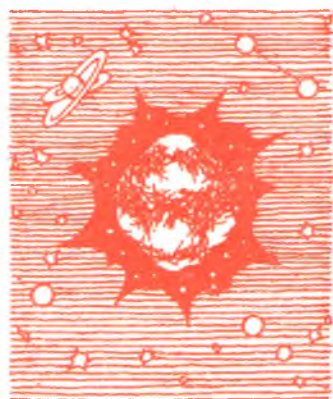
Сегодня да. Но ещё шестьдесят лет назад очень почтенный учёный профессор В. Мейер, проанализировав все данные науки того времени, утверждал:

«Таким образом, мы приходим наконец к убеждению, которое кажется нам неизбежным, что только разумные существа могли создать прямо или косвенно эти каналы Марса. И далее: судя по тому, что сеть дорог покрывает всю планету по единому стройному плану, мы приходим к убеждению, что существа, работу которых мы видим на расстоянии, отделяющем мировые тела, должны обладать высокой степенью разумности».

Когда итальянский астроном И. Скиапарелли в 1877 году увидел чёткие прямые линии, пересекающие марсианскую сушу и соединяющие моря, он не догадывался, что его открытие — начало «великого нашествия марсиан». Учёный взял лист бумаги и, поглядывая в окуляр телескопа, перенёс на неё всё увиденное. Как добросовестный наблюдатель он сообщил своим коллегам о новых данных. Скиапарелли не подозревал, что этот рисунок и обессмертит его имя, и всколыхнёт не только научный мир.

Первая реакция была довольно спокойной.

— Это марсианские реки, — решили астрономы.

— Но почему нет изгибов? — возражали другие.

— Ошибка в наблюдениях, — сделали вывод третьи.

Не многим удалось вновь увидеть «каналы», но те счастливицы, у которых была хорошая аппаратура, сразу же подтвердили: Скиапарелли

прав, «каналы» практически изгибов не имеют. . .

Гипотеза о марсианских реках сразу поблёкла.

А «каналы» продолжали удивлять исследователей. Чем подробнее становились карты, тем ожесточённее споры. А потом они почти прекратились: большинство учёных пришло к единому мнению: такую систему соединений морей на Марсе могли создать только разумные существа. «Каналы» острова Эллады и Тумазии, безусловно, подтверждали этот вывод.

Остров Эллады пересечён двумя «каналами». Один проходит с севера на юг, другой — с запада на восток. Они пересекаются под прямым углом в центре острова.

В одной из областей Марса находится Солнечное озеро. Оно соединяется на юге с морем, а на север уходит два «канала», по которым из озера можно попасть в другую «канальную систему». Трудно придумать более рациональное сообщение между Солнечным озером и марсианским океаном!

Итак, деятельность разумных существ. Но какими же они должны быть сильными, чтобы создать эти каналы! Ведь ширина одних почти такая же, как у Балтийского моря, а самые узкие из них превышают Амазонку в её дельте.

Пожалуй, именно гранди-

озность этих сооружений и вызвала сомнения у некоторых учёных, которые решили обосновать естественное происхождение «каналов». Они попытались доказать, что это могут быть гигантские трещины или цепи гор. Но доводов у «антиканальщиков» было намного меньше, чем у их противников. И они проиграли. Люди страстно желали, чтобы где-то рядом теплилась жизнь, чтобы не быть столь одинокими в космическом пространстве. Так желаемое превратилось в действительность.

О Марсе мы впервые узнаём не на уроках астрономии, а по научно-фантастическим романам. Марсиане входят в нашу жизнь вместе с Дон-Кихотом и Онегиным, Уленшпигелем и Буратино. Эти герои книг — для нас живые люди. Марсиане не исключение. И позже, когда мы входим в большой мир науки, разумные существа иных планет незримо живут в нашем сознании. А как только появляются магические слова «белые пятна в астрономии», воображение настойчиво подсказывает: «А может быть, они?»

Правда, постепенно облик марсианина становится более расплывчатым. Чем больше мы узнаём о Вселенной, тем меньше остаётся места для строителей «каналов». И хотя по-прежнему разглядеть в телескопы чего-либо на Марсе

очень трудно, новейшие методы исследований показывают: Марс — очень суровая планета, на ней не может быть высокоорганизованной жизни. Таким образом, марсиан не существует...

Но всего лишь десять лет назад всё-таки находились авторитетные учёные, которые выступали «за». Мне довелось беседовать с ныне покойным президентом АН БССР Василием Феофиловичем Купревичем.

— Марс образовался на несколько сотен миллионов или миллиардов лет раньше Земли, — сказал он. — Я думаю, что естественные условия планеты позволили развиваться на ней сложному комплексу растений и животных, включая разумные существа. Причём марсиане, если они не погибли в результате какой-нибудь катастрофы, находятся на этапе развития, сравнимом с человеком. Оче-

видно, довольно длительное время марсиане вели на своей планете большие преобразовательные работы...

Наверное, Василий Феофилович был последним из учёных, который отстаивал существование марсиан. Последним, потому что вскоре к красной планете полетели автоматические станции. Фотографии, переданные автоматическими станциями, поставили последнюю точку в многолетнем споре: «каналы» оказались цепочками кратеров, перечерчивающими эту пустынную планету.

... После одного из сеансов связи с «Марсом-3» я спросил у знакомого астронома:

— Стоят ли на станциях приборы, которые будут вести поиски признаков жизни на Марсе?

— Мы же не писатели-фантасты, — улыбнулся он, — на станциях аппаратура, которая нужна для исследований реального, а не вымышленного Марса.

— И не жалко их?

— Марсиан, что ли? — переспросил учёный. — Обидно чувствовать себя одинокими в Солнечной системе, но это действительность.

— Неужели там нет, ну, ничего живого, цветочка какого-нибудь или муравья?

— Нет... По крайней мере, я так считаю...

Конечно, он прав, мы знаем это. Ведь Марс — некое подобие Луны, пустынной и безжизненной. Первым марсианином стал спускаемый аппарат советской станции

«Марс-3», и мы его сделали своими руками.

Владимир Губарев

**Центр дальней
космической связи**

СПУТНИК

Мы утром, пока ещё смутно,
Увидеть сегодня могли,
Как движется маленький спутник —
Товарищ огромной Земли.

Хоть он и действительно малый,
Но нашею жизнью живёт.
Он нам посылает сигналы,
И их принимает народ.

Эпоха дерзаний и странствий,
Ты стала сильнее с тех пор,
Когда в межпланетном пространстве
Душевный пошёл разговор.

Победа советского строя —
Путь в дальнее небо открыт,
Об этом звезда со звездой
По-русски сейчас говорит.

Ярослав Смеляков

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ

В столичном шуме и в тиши селений
Я слышал — люди часто говорят:
«Ах, если б мог он, если встал бы Ленин,
Как был бы он успехам нашим рад!»

Михаил Исаковский

ГОРСТЬ ЗЕМЛИ

Солнце вынырнуло из-за горизонта, багровое и большое, и пески заалели, точно обрызганные кровью. Что-то тревожное, угрожающее почудилось мне в этом пейзаже. Я живо представила себе, как

пятьдесят с лишком лет назад английские интервенты привезли сюда двадцать шесть бакинских комиссаров, двадцать шесть большевиков-ленинцев, измученных, но непокорившихся, твёрдых духом.

Здесь, на двести седьмой версте, на перегоне между Ахча-Куймой и Перевалом, пятьдесят шесть лет назад прогремели выстрелы.

Вот он, вечный памятник им, гордый, торжественный и простой. А вокруг — люди, сотни людей в красных галстуках. Из разных городов и сёл съехались они сюда.

Нас, бакинских пионеров, сорок человек. Из рук в руки бережно передаём мы небольшую шахтёрскую лампу. В ней светится огонёк. Это частица того огня, что навечно зажжён в память героев-комиссаров в нашем городе. Мы передаём его пионерам из Ашхабада. Пусть и у них никогда не гаснет этот священный огонь.

По очереди подходим к памятнику и застываем в почёт-

ном карауле. Отсюда, с возвышения, далеко во все стороны видна пустыня. Она и та же, что была тогда, в тревожном восемнадцатом, и совсем другая. Новая жизнь, новые люди живут здесь. Да и само слово «пустыня» значит в наши дни совсем не то, что раньше. Пески те же, но среди барханов выросли белые города, встали буровые вышки, их прорезали дороги и линии электропередач. Всеми богатствами своими воздаёт этот край людям за их великий труд. И всё это — тоже памятник им, коммунистам, героям, отдавшим жизнь за счастье людей, за справедливость, за ленинскую правду.

Там, у памятника, я насыпала в пилотку горсть земли. Может быть, сюда, в этот песок, упала капля крови одного из двадцати шести расстрелянных. Сейчас земля эта в пионерской пилотке лежит под стеклом в нашем школьном музее среди других бесценных экспонатов: старых газет, документов, оружия. . .

Горсть рыжеватой земли. . . Я не могу смотреть на неё без волнения. Мне кажется, что она рассказывает о трагических великих днях.

Ира Виценно.

Г. Баку, Азербайджанская ССР

НАШ МОЛОДОЙ ГОРОД ОКТЯБРЬСКИЙ

Наш город стоит на берегу реки Ик. Эта река небольшая. Когда едешь через Ик по мосту, то, как бы ты быстро ни ехал, всё равно это займёт не меньше двух часов. Никто из приезжих сначала не верит, а потом узнают, что по реке проходит граница времени: сидишь на левом берегу — одно время, сидишь на правом — на два часа больше. Такая река есть не в каждом городе.

Город наш очень молодой, ему всего двадцать четыре года, но он очень красивый. В нём нет кривых и косых улиц, маленьких, покосившихся домишек, какие бывают в старых городах. Улицы в нём прямые, как стрела. В нашем городе никто не сможет заблудиться. Раньше на месте нашего города не было ничего, просто степь и овраги.

На пионерском сборе вожаемая рассказывала нам, что таких новых городов очень много теперь в нашей стране. А рядом с ними огромные электростанции, химические заводы, металлургические комбинаты. И мы думали и говорили о том, что, когда вырастет такой новый город, как наш, страна наша становится ещё сильнее. И если бы Владимир Ильич Ленин увидел

все эти новые города, заводы, электростанции, он бы очень порадовался.

Самое главное в нашем городе — это добыча нефти. Октябрьский потому и вырос на пустом месте так быстро, что здесь были найдены огромные месторождения нефти. Нефть — очень важная вещь в жизни страны. Те, кто не имеет с этим дела, может быть, даже не представляют, как нужна нефть, но в нашем городе об этом знают все. Когда находят нефть, она бьёт из скважины фонтаном. А когда уже напор становится меньше, у скважины работают насосы, которые откачивают нефть. На каждом таком месте стоит нефтяная вышка. У нас в городе этих вышек очень много, а за городом ещё больше. Куда ни глянешь, куда ни пойдёшь — везде вышки. Вечером на вышках загораются огни, и если подлететь в это время к Октябрьскому на самолёте (у нас есть свой аэродром), то сверху может показаться, будто город волшебный. Только мы, к сожалению, ещё не летали на самолёте. Это нам рассказали другие ребята.

*Саша Монов, Вова Максимов,
Венера Хасаева.*

Г. Октябрьский, Башкирская АССР

НА БЕРЕГУ ОКЕАНА

Мы живём на самом берегу Великого Тихого океана. Наш адрес короткий: Камчатка, село Жупаново. Прежде от Москвы до нас приходилось добираться не один месяц. А теперь «Ил-18» за тринадцать часов домчит вас до Петропавловска - Камчатского, и вертолёт или местный самолёт за сорок минут доставит в посёлок. А летом можно доплыть ещё и на пароходке. И зимой и летом гудит прибоем океан. В отлив он тихий, журчащий. А в прилив бьётся о скалы и шипит пеной, рассыпается брызгами. Во время шторма огромные волны вышвыривают на берег целые деревья и обломки скал.

Зимой метёт такая пурга — от дома до школы не дойдёшь, заблудишься. Домá заносит по крыши. Приходится утром откапываться, чтобы выйти на улицу. И если ветер улёгся, мы надеваем лыжи, иначе на урок опоздаешь.

А вообще зимой у нас ездят на собаках. Без них тут пропадёшь: снег глубокий, рыхлый. Лошадь проваливается по грудь. А собакам ничего! Весело бегут.

Дорог у нас нет — кругом сопки, вулканы, обрывы, непроходимый кустарник, лес.

Не подумайте, что у нас глушь. В нашем посёлке большой рыбокомбинат. Может

быть, вы покупали консервы с маркой «Жупаново»? Их у нас делают. Отцы многих наших ребят уходят на рыбный промысел в океан, а остальные взрослые работают на рыбокомбинате. Есть у нас клуб, там через день показывают новые фильмы. Есть почта, парикмахерская, ателье, кафе, разные магазины. Самолёты привозят нам письма и посылки, продукты, даже холодильники, мебель, радиоприёмники...

И вот ещё чем замечателен наш посёлок: он расположен на границе с Кроноцким государственным заповедником. Это самый большой в Советском Союзе заповедник. И одна из его достопримечательностей — роща Пихты грациозной. Такой пихты нет больше на всей Камчатке. Не растёт. Учёные считают, что она тут сохранилась ещё с доледникового периода. Поэтому сотрудники заповедника охраняют пихту и изучают её. А мы им помогали. Сажали у себя на пришкольном участке такие пихты и следили, как они прививаются. Это очень важно для науки. И для нас важно. Мы знаем: во всех городах и сёлах ребята сажают деревья. Нам приятно, что и мы в общем строю и мы участвуем в экспедиции «Заветам Ленина верны».

Оля Олешкова.
Камчатка

Л Е Н И Н

Пылают звёзды на Кремле.
Их свет горяч и неизменен.
Для всех людей на всей земле
Звучит надеждой слово Л е н и н.

Когда приходит в первый класс
Простой веснушчатый мальчишка,
Он это слово первый раз
Читает в самой первой книжке.

Войдёт он в мир труда и света,
И нет того пути светлей.
Он будет ленинцем — а это
Всего прекрасней на земле.

М. Дудин

ДЕНЬ НАСТАЛ ВЕСЁЛЫЙ МАЯ

Владимир Ильич поднялся рано и тихонько, чтобы не разбудить Надежду Константиновну с Марией Ильиничной, прошёл в кухню. Костюм на нём был сегодня старенький, штиблеты поношенные. И галстук не повязан.

На кухне повсюду кипел чайник, в кастрюльке дышала горячим паром картошка. Хозяйство Ульяновых в кремлёвской квартире вела Саня, двоюродная сестра рабочего Ивана Васильевича Бабушкина, которого царские жандармы расстреляли в 1906 году.

— Владимир Ильич, неужто и вправду собрались? — удивилась Саня.

— А это что? — спросил Владимир Ильич с лукавыми огоньками в глазах. Показал чайник на плите и кастрюлю. — Это что? Кто завтрак мне пораньше приготовил сегодня? Спасибо, Саня. Садитесь, вместе позавтракаем.

И с аппетитом принялся завтракать, а Саня, наливая в стакан ему крепкого чая, всё дивилась:

— Вроде дело-то не по вас, Владимир Ильич. Ваша забота умом раскидывать.

— А если Советскому государству надо, чтобы и руками денёк поработать? — весело улыбнулся Владимир Ильич.

Живо покончил с завтра-

ком и вышел из дому. Утро было свежее, чистое. Лёгкий ветерок шевелил ярко-зелёные листья деревьев. Белые облачка бродили в голубом небе.

В Кремле было не по-обычному оживлённо илюдно. На обширной кремлёвской площади строились отряды курсантов — они жили и учились в Кремле. Были тут и сотрудники Совнаркома и ВЦИКа.

Было Первое мая.

Партия обратилась к народу с призывом организовать сегодня вместо праздничных демонстраций субботник.

Год назад рабочие Московско-Казанской железной дороги в субботу, после рабочего дня, не ушли домой. Остались в мастерских. Отремонтировали четыре паровоза и шестнадцать вагонов бесплатно. Ленин написал о первом рабочем субботнике статью под названием «Великий почин». Ленин назвал коммунистической эту бесплатную, по доброй воле, работу.

И вот в праздничный день Первого мая 1920 года был объявлен Всероссийский субботник. Во всех уголках нашей огромной России люди выходили на улицы или в цеха на заводах и сообща делали для общей пользы что-нибудь важное.

Кремлёвские курсанты выстроились недалеко от казармы, у древней царь-пушки.

Бронзовая царь-пушка стоит на чугунном лафете. Возле сложены чугунные ядра. Из царь-пушки никогда не стреляли, старинные мастера-оружейники отлили её всем на удивление, а врагам на страх. И поставили навечно в Кремле.

Курсанты выстроились, и начальник курсов объяснил, что надо делать. Очистить кремлёвскую площадь от брёвен, досок и всякого хлама. Привести Кремль в образцовый порядок.

— Есть привести Кремль в образцовый порядок! — согласно отозвались курсанты.

В это время подошёл Владимир Ильич. Подошёл своей быстрой походкой, в стареньком пиджаке и кепке, серьёзный, и весь в каком-то подъёме, с радостным блеском в глазах.

— Поступаю в ваше распоряжение! — вытянувшись по-военному, отпраповтовал Владимир Ильич командиру. — Прошу принять меня в расчёт для участия в субботнике.

— Займите место на правом фланге, — сказал командир.

Часы на кремлёвской башне отзвонили время серебряным звоном. Грянули медные трубы оркестра.

— Приступить к работе! — раздалась команда. Повторилась по отрядам.

Весело приступили люди к работе. Музыка веселила, сол-

нечный день. И что Ленин вместе с ними работает, очень было курсантам приятно.

Брёвна были тяжёлые. Таскали одно бревно вшестером. Скоро курсанты заметили: Владимир Ильич всё старается с толстого конца бревно захватить.

— Не годится так, — решили курсанты. — Надорвётся Владимир Ильич.

— Товарищ Ленин, — сказал один, — не можем мы, товарищ Ленин, чтобы вы тяжести такие таскали!

— Вы же таскаете. А мне отчего нельзя? — возразил Владимир Ильич.

И спокойно к следующему бревну пошагал.

— Ступайте лучше, Владимир Ильич. Мы без вас здесь управимся, — попевая за ним, уговаривал курсант.

— Нет уж, нет уж, не провожайивайте. Всё равно не уйду.

— Да ведь вам пятьдесят годиков стукнуло, Владимир Ильич!

Выпалил такое курсант и смутился. Уж очень попросту они держатся с Лениным, будто с ровесником, своим братом, рабочим парнем.

Владимир Ильич обернулся, погрозил пальцем, смеясь:

— Если я вас старше, молодой человек, так извольте со мной не спорить.

Вспомнился Владимиру Ильичу другой май, когда они

с Надеждой Константиновной были в Шушенской ссылке. Ещё были там ссыльные — финн Оскар Энгберг и поляк Ян Проминский. Втайне от урядников соорудили они красный флажок и Первого мая собрались на лугу. Пели:

День настал весёлый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь раздайся удалая,
Забастуем в этот день!

И мечтали там, в ссылке, о будущем...

Вот оно, будущее. Народ свободный, трудится для себя. Красная Армия на фронтах перешла в наступление. Скоро разобьём интервентов и контрреволюцию, вышвырнем вон навсегда.

... Владимир Ильич вернулся с субботника в мокрой от пота рубашке. У одного штиблета оторвалась подошва.

— На тебя обуви не нападёшь, — сказала Надежда Константиновна.

И пошла доставать Владимиру Ильичу свежее бельё. А он, усталый и довольный, мылся в кухне под краном, отфыркивался, мотал головой, брызги летели в стороны.

Потом Надежда Константиновна приколотла Владимиру Ильичу к пиджаку красную ленточку, и он поехал на Театральную площадь на закладку памятника Карлу Марксу и сказал там революционную

речь. И ещё в этот день закладывали памятник «Освобождённому труду». Владимир Ильич и там речь говорил.

А вечером выступил на митингах в одном, втором, третьем районе. И поехал в рабочий дворец. В этот день Первого мая 1920 года в Москве открывался рабочий дворец.

Владимир Ильич радовался сегодняшней согласной работе на Всероссийском субботнике. Новым памятникам радовался. Новой культуре.

Руки и ноги гудели у Владимира Ильича от усталости. И было хорошо-хорошо.

Мария Прилежаева

СТРОЙКИ 9-й ПЯТИЛЕТКИ

ГОРОД НА КАМЕ

Был на реке Каме, на её левом берегу, незначительный деревянный городок Набережные Челны. Не то что на карте мира — на карте нашей Родины даже он не был помечен: мал.

Стране нужны автомобили, и в первую очередь большегрузные: перевозить хлеб, лес, строительные материалы. Необходимо строить большой автомобильный завод. Где?

— Строить надо в Набережных Челнах, — сказали учёные. — Здесь людям хорошо жить, природа богатая: река Кама, леса, луга, озёра.

— А кому строить?

Ясно кому — комсомольцам. Они молоды и сильны. Отцы, что в тридцатые годы построили город Комсомольск-на-Амуре, научили их не бояться трудностей.

На Каму приехали комсомольцы — русские, украинцы, белорусы, казахи. . . Пятьдесят национальностей работает здесь на самой большой в мире стройке — на строительстве КамАЗа — Камского автомобильного завода.

Среди чистого поля поднялись заводские корпуса и высокие, как в Москве, жилые дома.

В будущем году рабочие КамАЗа дадут стране свой первый автомобиль.

Город Набережные Челны, о котором несколько лет назад мало кто знал, появился на карте мира.

С. Романовский

**На строительстве Камского автозавода.
г. Набережные Челны, Татарская АССР.**

**Опытные образцы самосвалов
«КамАЗ-5510» и «КамАЗ-55102».**

**Только такая высокая и крепкая плотина
смогла остановить Енисей. Далеко вверх
по его долине поднялись воды
Красноярского моря.**

**Длинный и светлый
машинный зал — «сердце»
электростанции. Могучие
турбины здесь работают
день и ночь.**

КРАСНОЯРСКАЯ ГЭС

Великая сибирская река Енисей с юга на север протекает через всю Сибирь и впадает в холодное Карское море. Красив Енисей, богатырь-река, самая полноводная и одна из самых длинных в нашей стране!

Шумят вековые дремучие леса, в воду обрываются крутые скалы; стремителен бег могучего Енисея... Казалось, нет такой силы, чтоб могла остановить его.

Но... Ты видишь на фотографии плотину. Она перегородила Енисей близ города Красноярска. От подошвы до верха её высота сто метров. Построить такую плотину было очень трудно. На фотографии плотина ещё не достроена. Ещё идут у её подошвы различные работы. Проходит испытание водосливов.

Плотина остановила бурный Енисей. Уровень воды начал подниматься всё выше и выше, и наконец перед плотиной разлилось большое, глубокое море.

Зачем нужна такая плотина? Люди остановили Енисей для того, чтобы заставить его работать. Возле плотины построено здание электростанции с двенадцатью мощными турбинами. С большой высоты на них подаётся сильным потоком вода.

Красноярская ГЭС — самая мощная в нашей стране. Она вырабатывает очень много электроэнергии, которая так нужна заводам, фабрикам, колхозам. . . Да и нам с тобой трудно было бы обойтись без электричества.

В 1973 году Красноярская ГЭС была пущена на полную мощность.

Г. Ганейзер

Телефоны, кнопки, маленькие рычажки, разноцветные лампочки. . . Из этого зала идёт управление всей жизнью электростанции.

ВОСПОМИНАНИЕ

Рассказ

Мать девочки заснула, а девочка ходила по вагону и разговаривала с пассажирами. Вот она подошла и ко мне.

Я стоял возле окна.

Волосы девочки осветились светом дня. За окном летело огромное пространство Казахстана, летело на юг, так как мы поднимались к северу.

— Это что? — спросила девочка.

— О чём ты спрашиваешь?

— Вот. . .

Она упёрла палец в стекло, указывая на бегущие вместе с горизонтом очертания строений.

— Станция.

— Станция?

— Да. Мы сейчас к ней подъедем.

— Надо будить маму?

— Не знаю. . . А зачем её будить?

Оказалось, что мать обещала купить ей яблоко. Такой же свет дня освещал волосы матери, спавшей у противоположного окна.

— Не надо будить маму, — сказал я, — я тебе куплю яблоко.

— Хорошо.

— Вы возвращаетесь в Москву?

— Да. . . С мамой. . .

— Папа на войне?

— На войне. Он капитан артиллерии. . . Сейчас я вам покажу.

Она показала мне фотографическую карточку, которую вынула из маленького портфельчика, лежавшего возле мамы. На карточке они были сняты вдвоём — капитан артиллерии и его дочь. Я думал, что увижу именно капитана артиллерии, но увидел молодого человека в белой рубашке, как видно только что остригшегося. Девочка представляла собой сплошную улыбку, как это почти всегда случается с младенцами, когда их фотографируют.

— Вот видите, — сказала девочка.

Было ещё и третье изображение на фотографии: набалдашник тросточки, высунувшийся между головой девочки и локтем молодого человека. И было понятно, что, перед тем как аппарат щёлкнул, женщина, которая сейчас спала в потоке света, весело спросила молодого человека:

— А зачем тросточка?

И молодой человек весело ответил:

— Пускай!

И тросточка осталась. Я также представил себе, что было, когда они получили карточку у фотографа. Вероятно, они перешли через улицу и поднялись по ступенькам на бульвар. Там они сели на скамью и, несколько стесняясь прохожих, стали рассматривать карточку. И, наверное, кто-то из них сказал:

«Смотри, и тросточка получилась».

Потом они пошли по бульвару, причём дочку, возможно, нёс отец. Молодому парню приятно сознавать, что он уже отец ребёнка, и он отнимает голубой свёрток у матери и несёт сам. Вот мать перешла через весеннюю лужу, отражающую розовые дома, и, протянув руку в радужной варежке, ждёт мужа, который, ступая с кирпича на кирпич, смотрит на личико ребёнка, вороша вокруг него кружева. . .

Я расхвалил карточку, и девочка спрятала её обратно в портфельчик. Она вернулась к окну и спросила, правда ли то, что я куплю ей яблоко. Я сказал, что сделаю это обязательно. Потом я испытывал счастье, которое охватывает человека, когда он ведёт ребёнка за руку. Это счастье продолжалось, пока мы выходили из вагона, и чуть было не исчезло, когда мы очутились на перроне: девочке захотелось побежать. Нет, я не отпустил её. Я сказал, что нельзя девочке бегать по перрону, и маленькая недовольная ручка осталась в моей.

Едва мы отошли от вагона, как девочке показалось, что она видит по ту сторону поезда ведро с красными яблоками. Мы поднялись на площадку чужого вагона и спустились по ту сторону.

— Никакого ведра нет, — сказала девочка.

Мы отправились к голове поезда и, когда обогнули паровоз, увидели огромную толпу. Тут были и пассажиры нашего поезда, и железнодорожники, и местные жители. В толпе был виден листок — не больше тех, на которых пишут объявления. Но это был печатный листок с чернеющим заголовком, это была газета. Не знаю, держал ли его кто-

либо в руках или он был приклеен к стене, — во всяком случае, этот листок как бы стоял в толпе, и его все видели. Он был окружён толпой, станцией, цистернами, горизонтом — маленький, неподвижный листок, рядом с которым стоял матрос, громко читавший то, что на листке было напечатано. Чёрная шинель, надетая внакидку, сползла с плеча матроса, открыв голубые полосы тельника и марлю бинта. Матрос читал сообщение о капитуляции германской армии. Я не знал, почему эта честь досталась именно матросу. Может быть, самый вид матроса, особенно величественный среди серых просторов этого края, заставил толпу расступиться и пропустить его к листку. Может быть, кто-либо вручил листок матросу, решив, что торжественная весть должна прозвучать из уст как раз этого героя, принадлежавшего к легендарному отряду советского воинства. Как бы там ни было, но все собравшиеся, видно, согласились с правильностью того, что сообщение читает именно этот юноша с рассыпавшимися по плечам лентами. Никто его не перебивал, никто не теснился вокруг него, только стоявшая возле него старая женщина, покрытая копотью мастерских, из которых только что вышла, легонько прикасалась кончиками пальцев к рукаву его шинели, как бы желая спросить:

— Там так написано, сынок? Правда? Так написано?

— Вот теперь надо разбудить маму! — сказал я. — Бежим!

И мы побежали по перрону. Девочка опередила меня, и я видел издали, как она карабкалась на площадку. Не успел я подбежать к вагону, как девочка опять появилась на площадке:

— Нету мамы!

— Она там!

И мы побежали обратно. Теперь толпа гудела, и над ней взлетали шапки.

— Вот мама! — закричала девочка и стрелой понеслась к толпе; тотчас же от толпы отделилось светлое пятно, ставшее через секунду фигурой женщины, распростёршей объятия.

Потом мать прошла мимо меня с дочкой на руках. Она держала её лицом к себе, скрестив руки на её икрах. Тяжесть ноши заставила её идти несколько откинувшись, и поэтому я видел её лицо особенно открытым. Оно сияло и улыбалось среди пляшущих розанов платка, и я подумал о том, как прекрасна сама победа, если только отблеск её так чарующ.

Когда поезд отправился, в нашем вагоне оказались пассажиры из других вагонов. Как видно, взволнованные люди, начавшие разговор в одном месте, переходили в другое, сами того не замечая. До позднего вечера поезд представлял собой движущийся митинг. Вот в нашем вагоне появились три молодых офицера.

— Плачет, — сказал один из них.

Мать девочки плакала.

— Спроси, почему, — сказал другой.

— Ну как это почему! — сказал третий. — От радости.

Тут девочка спросила:

— Почему ты плачешь?

И мать сказала:

— От радости.

— Вот видишь, — сказал третий офицер и улыбнулся плачущей.

И она ему улыбнулась сквозь слёзы.

Тут появилась свеча, которую кто-то поставил на край полки. Замерцали ордена офицеров.

— Как зовут? — спросил первый офицер.

— Меня? — спросила мать.

— Нет, дочку. . .

— Галя. . .

— А вас? . .

— Таня.

— Ну, поздравляю вас с победой! — сказал офицер.

Он шагнул из полумрака и обеих разом обнял и прижал к груди. Чтобы обнять их, он нагнулся, так как они сидели. Обняв, разогнулся и одёрнул гимнастёрку. Звезда ордена Отечественной войны поблёскивала на его груди снежными огоньками.

— Галя и Таня! — сказал он. — Ах вы, дорогие мои!

Продолжая смотреть на них, он отступил к стене и прислонился. И если бы в вагон не влетели огни приближающейся станции, на которой ему нужно было сойти, то, я думаю, он простоял бы так невесть сколько, дивясь тому, как прекрасны русские имена, и русские лица, и всё то родное, за что он сражался.

Юрий Олеша

СЛОВО ОТЦА

Мы здесь с тобой
 не потому, что дата.
Как злой осколок,
 память жжёт в груди.
К могиле
 Неизвестного солдата
Ты в праздники
 и в будни приходи.
Он защитил тебя
 на поле боя.
Упал,
 ни шагу не ступив
назад.
И имя есть
 у этого героя,
Он тёзка твой,
 его зовут —
СОЛДАТ!

Владимир Нурасов

ВОЗДУШНЫЙ БАРАШЕК

Охотники прозвали бекаса воздушным барашком.

И это меня всегда удивляло. Ведь бекас на барашка не похож. У барашка шерсть курчавая и рога, а у бекаса гладкие рябые пёрышки и торчит длинный клюв.

Но вот однажды я иду по болоту и вдруг слышу:

«Бе-е-е-е...»

Что такое? Баран вроде блеет. Огляделся — не видно барана: кочки, прошлогодний камыш. И вдруг снова:

«Бе-е-е-е...»

И вдруг я понял, что баран блеет где-то на небе. Гляжу — вижу облако, курчавое, похожее на белого барана.

«Неужели, — думаю, — это облако вдруг блеет?!»

А под облаком, высоко в небе, летает маленькая птичка.

«Бекас! — сообразил я. — Так вот почему он барашек. Он блеет».

Но бекас летает с закрытым ртом. Откуда же берутся такие бараньи звуки?

Как следует приглядевшись, я сообразил, как это получается.

Вот бекас летит спокойно и не блеет. Потом вдруг стремительно ныряет вниз, и пёрышки на его крыльях и хвосте начинают стремительно трепетать: бе-е-е-е...

У бекаса поющие перья!

Какая замечательная птица — бекас! Маленькая, длинноносая, живёт на болоте и блеет бараном.

Ю. Коваль

ЗЯБЛИК

Под ёлкой лежит ещё снег. Много снега — целый сугроб. В лесу холодно.

А на нижних ветках ёлки сидит зяблик. Он в голубой шапочке. У него оранжевые щёки, а грудь — красноватая.

Глядишь на эту яркую, по-летнему окрашенную птичку и волей-неволей думаешь: «Рановато прилетел, впереди ещё морозы, озябнет».

Но зяблик, видно, не слишком боится холодов. Зябнет, но поёт.

Его песня начинается россыпью мелодичных свистов, а заканчивается особенно красивой трелью, которую называют «росчерком». Действительно, кажется, что зяблик спел свою песню, а потом поставил подпись. Это, мол, я спел, зяблик.

По этому особому росчерку голос зяблика не спутаешь ни с кем.

Пенье зяблика охотники называют «боем»:

— Слышишь? Зяблик бьёт!

ХРЮКАЛКА

Весенним вечером, когда солнце спрячется за верхушки деревьев, неведомо откуда появляется над лесом странная длинноклювая птица.

Она летит низко над прозрачным ольшаником и внимательно оглядывает все просеки и поляны, будто ищет чего-то.

«Хорх... хорх... — доносится сверху хриплый голос. — Хорх...»

Раньше в деревне говорили, что это и не птица вовсе, а вроде бы чертёнок летает над лесом, разыскивает свои рожки, которые потерял.

Но это, конечно, не чертёнок. Это летает над лесом весенний вальдшнеп, разыскивает себе подругу.

У вальдшнепа вечерние глаза — большие и тёмные.

За хриплый голос вальдшнепа иногда называют — хрюкалка, а за длинный клюв — слонка.

А в одной деревне вальдшнепа называют ласково — валишень. Такое название мне нравится больше всего.

Ю. Коваль

ОХАПКА СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ

Ещё до знакомства

На доске из серого мрамора длинный список фамилий: Алексеенко, Арутюнян, Бездетный, Георгадзе, Гушго... Люди разных национальностей — украинец, армянин, русский, грузин, молдаванин. Они погибли при освобождении этого села Лапушна в годы Отечественной войны. Я стою в вестибюле школы у строгой серой доски, смотрю на аккуратный столбик фамилий, как в классном журнале.

Я приехала в Молдавию, чтобы написать о дружбе пионеров разных республик. И вот эта доска. Единство, солидарность, братство. Одна цель и один путь.

А село Лапушна большое, старинное, виноградное. Солнечная Молдавия — так называют эту республику, и она не обманывает: всюду солнце — на сером асфальте шоссе, на оранжевых и синих холмах. А может быть, не только из-за климата зовут её так? Очень уж приветливые и тёплые живут здесь люди, ну прямо солнечные!

Вот ребята пробежали по школьному коридору, ветерок подняли. Потом увидели незнакомого человека, остановились, постояли молча вместе со мной у мемориальной доски. Потом самый маленький и нетерпеливый, Жора Гуру, спросил:

— А вы к нам надолго приехали?

Так началось наше знакомство с ребятами Лапушны. Там есть тихая девочка с синими глазами. И забияка-мальчишка, который даже при директоре не может удержаться — толкает своих одноклассников, правда не сильно, но всё равно толкает, и за это ему попадает. Там ещё есть круглый отличник, сплошные пятёрки у человека и ни одной даже четвёрочки. И есть чемпион по настольному теннису среди четвёртых, пятых классов. Словом, как во всякой школе, есть свои знаменитости и свои обыкновенные хорошие люди.

Ребята рассказали мне, как красные следопыты нашли имена тех, кто защищал их село. Писали письма в раз-

Большое новоселье

ные города, обращались в военкоматы. И разыскивали героев, тех, кого надо помнить всегда. И теперь, после тех писем, у них много друзей — и тех, что живут по соседству, и тех, кто далеко. Когда люди рассказывают о своих друзьях, они и о себе рассказывают что-то главное. И письма, которые теперь приходят в школу села Лапушна, тоже какие-то очень тёплые, открытые, дружеские. Не просто письма, а письма друзей, где не надо всё расписывать с самого начала и скуку разводить, а хочется поделиться главным, самым интересным. Молдавские ребята разрешили мне рассказать об этих письмах другим ребятам.

Ада Конюченко подружилась летом с пятиклассницей с Украины Наташей Рябуха. Наташа живёт в Николаевской области.

«Дорогая Наташа! Я получила бандероль от тебя, мне понравились виды Николаева. Такой красивый твой город, по его улицам, наверное, можно бродить без конца.

А у нас большая-пребольшая новость. Наша школа справляет новоселье. Готово новое школьное здание, такое красивое, белое, просторное. Большой спортзал, своё кино. Представляешь? Даже описать не могу, какая у нас теперь школа. Мы все переселяемся, даже первоклассники помогают переезжать. Сколько всего надо переселить! Физические приборы, глобусы, таблицы, карты — всё, что в школе есть. А ещё такой закон новоселья: каждый человек приносит в новую школу цветок. Сколько же цветов будет в нашей школе!

Наш директор Иосиф Владимирович совсем сбился с ног — новоселье принесло ему больше всех хлопот, потому что он директор.

Теперь я кончаю письмо. Привет твоим маме и папе. Летом приезжай опять. Ада».

Роса на винограде

А это письмо Нина Карасик, девочка постарше, написала в Ленинград.

«Ребята! Вы уехали от нас, когда виноград ещё не созрел, только вишни поспели. А теперь у нас виноградная страда. У вас уже иней на крышах и на шпиле Петропавловской крепости. У нас — золотая тёплая осень. И все мы этой осенью работали на уборке урожая.

Утро. Машина подвозит нас в бригаду — на виноградник, на холмы. Утром прохладно, гроздья жёлтые, холодные, на каждой ягоде роса. Вот рассыпались наши ребята и девочки по винограднику. Наполняются понемногу корзины. В эту пору у нас корзина — особенная ценность. Задержалась где-нибудь в дороге машина с корзинами — бригадир сам не свой, и у всех настроение падает. Но у нас всё шло по графику: грузовики так и сновали туда-обратно, вниз-вверх. Корзины приезжали вовремя. Собираешь виноград почти автоматическими движениями, и радостно, что движения у тебя ловкие и точные... Тяжёлые кисти ложатся в корзину одна к одной. И рука чувствует налитость каждой грозди. А когда отъезжает грузовик с нашим виноградом, становится весело. Это

ты и твои товарищи сделали большую работу своими руками. Видишь результат своего труда. Здорово, правда?

У нас были и свои рекордсмены, как во взрослых бригадах. Мария Сырбу, Настя Визитиу. В день они собирали по триста килограммов винограда. Это очень много. Я потом тоже догнала их. А один наш мальчик, Георгий Брынза, собрал однажды больше пятисот кило — больше полутонны винограда! Но в другой раз такую цифру дать не мог, это у него был

рывок. Девочки терпеливее работают, у них результат более постоянный.

Мы с подругами часто вспоминаем, как хорошо жили летом в нашем лагере. Стояли на поляне разноцветные домики, и так весело было каждый вечер! И вас вспоминаем: как приехали к нам в лагерь незагорелые ребята.

— Вы откуда?

— Из Ленинграда. Будем работать в саду. Ещё будем ездить по Молдавии, собирать материалы о Пушкине, о том, как он жил в этих краях.

Очень вы нам показались тогда серьёзными, сдержанными. Северяне. А через день уже подружились, работали вместе, смуглыми стали, от молдаван не отличишь. И очень много мы вместе смея-

лись, всегда было хорошее настроение. Приезжайте ещё. Нина».

И ещё одно письмо

Самолёт приземлился во Внукове, это один из московских аэропортов. Два часа назад была Молдавия, солнце, жёлтые холмы, смуглые люди. А в Москве шёл дождь пополам со снегом, встречающие протягивали тем, кто прилетел, озябшие осенние цветы. Стало сразу холодно и немного грустно. Но я постаралась вспомнить ребят, с которыми познакомилась недавно. Тех, кто пел в темноватом дворе. Тех, кто ловко убирал тяжёлые виноградные грозди. Тех, кто стоял молча у строгой мраморной доски. Мы не так долго были с ними вместе. Но мы говорили о самом главном — о дружбе. А значит, сказали друг другу очень много.

Ребята Молдавии! Можно, я напишу вам письмо? Можно? Прекрасно. Вот моё письмо.

«Я буду вас вспоминать, если придёт одинокая минута. Буду рассказывать про вас моим московским друзьям. Даже попытаюсь спеть ваши прекрасные песни, которым вы меня так терпеливо учили. Конечно, я спою не так хорошо, как пели вы, но я буду стараться. Повешу на

стену моего дома картинку, которую вы мне подарили. На ней жёлтые холмы и голубые холмы. И совсем далёкие сиреневые холмы. А может быть, это тени. И всюду охапки солнечных лучей.

Людмила Матвеева

РЕКА И РУЧЕЁК

В. Данько

КАМЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

Птица, взметнувшись из-под ног, полетела к солнцу. Больно было смотреть, как она кружится, плавает в жёлтых лучах. Казалось, и солнце кувыркается в небе, а горы плавно раскачивают зеленеющие на террасах поля и луга, сплошь усеянные цветами. Хорошо летом в горах Дагестана!

Умурахим, Галя и Аминат бежали с горы по дороге, уводящей из селения. Дорога, огибая гору, поворачивала направо, а слева от неё были серые, нависшие козырьком скалы.

— Э-э-хэ-хэй! — закричала Умурахим, мчась на быст-

рых ногах впереди подруг. — Хэй! Почему это, когда бежишь под гору, ноги отстают от тебя?

— Ну и скажешь тоже, Умурахим! — рассмеялась Аминат. — Как же ноги могут отставать, когда ты на них бежишь?

А Галя расставила руки и бросилась за Умурахим. Но куда там! Умурахим не догнать, как ни лети. Гале вдруг показалось, что она и вправду летит. Впереди голова и руки, за ними плечи и грудь... А ноги, быстро перебирая по убегающей назад дороге, едва успевают за улетающим вперёд туловищем. Даже страш-

Ранняя осень в альпийских лугах.

**Косуля замерла в траве, вся осыпанная
солнечными зайчиками.**

но: не отстали бы вовсе!

Галя остановилась и сказала, повернувшись к Аминат:

— Ой, Аминат, а ноги-то и правда позади бегут!

— И у меня... А как ты думаешь, у тех людей тоже так было?

— Как — так? — Галя сразу поняла, о каких людях говорит Аминат.

— Как у нас. Сами впереди, а ноги отстают.

— Не знаю... У них всё было по-другому. Ни бумаги, ни карандашей — камнем на каменных стенах рисовали. И жили в пещерах...

— А зимой? — останавливаясь, спросила Умурахим. С этой Умурахим ничего не делается! Пробежала вперёд быстрее всех, вернулась назад бегом в гору — даже не запыхалась. — А зимой? Зимой в пещерах ужас как холодно!

— Они одевались в шкуры диких зверей, и костёр у них в пещере и днём и ночью горел.

— Это тебе мама рассказывала? — Аминат сорвала цветок и продела его стебель в Галину косу.

— Мама.

Галина мама преподаёт историю в Лабкомахинской школе.

— А куда же они делись, все эти люди? В пещерах никого нет. И темно. И страшно. Даже мальчики туда заходить

боятся. — Умурахим первая прыгнула в сухое теперь русло, лежащее под самыми скалами, и зашуршала по камням, устилавшим дно.

Она подождала, когда с откоса прыгнули Аминат и Галя, и опять спросила:

— Куда? Куда же они делись?

— Но жили-то они давным-давно. Тысячи лет назад. Наверное, все умерли...

— Как же так? Старики умирают. А дети?

— А я знаю, — сказала молчавшая всё время Аминат. — Эти люди жили-жили в скалах, а потом придумали строить дома, стали жить в аулах, а из пещер ушли. Бросили — и всё.

— Ах, так?! Угу, похоже.

Девочки остановились напротив скал. Серые камни были в глубоких-глубоких, длинных морщинах. Словно лица столетних стариков. Даже ещё морщинистее. Рисунки из-за этих морщин даже рассмотреть было трудно. Но всё-таки можно. Вот бежит горный козёл, за ним другой. А там — спины, спины... Над ними олени рога. А ног нет. Потому что камень в этом месте обвалился.

Умурахим заглянула в пещеру, но оттуда повеяло такой сыростью и холодом, что заходить туда не хотелось. Всё-таки она сделала два шага. Но тут Аминат крикнула:

— Умурахим! Куда ты? Не ходи! Не смей!

— Ладно. А где Галя?

Галя сидела под стеной, где были нарисованы бегущие животные, и перебирала рассыпанные камни.

— Что-нибудь нашла? — Аминат присела рядом.

— Да нет, ничего особенного.

— А я вчера на горе Сонга опять после дождя бусины нашла. Три голубых и одну красную. Вот.—Умурахим вынула бусины из кармана.

Когда девочки вернулись в селение, то, ещё не входя в него, с вершины выгнувшегося подковой хребта отыскивали свои дома. Умурахим жила ближе всех, на склоне. Их дом, как все другие, повернулся вниз, лицом к котловине. Дом Аминат стоял внизу. А Галин дом там, с краю, под высокой горой, на которой широкой буквой «П» вытянулась школа. Это дом для учителей.

Когда Галя уже одна шла домой по селению, она выбрала не самую короткую дорогу. Ей хотелось пополнить коллекцию камней, а, как назло, ничего не попадалось. Поравнявшись с дорогой, что вела к дому, Галя не повернула, пошла мимо старого кладбища. Она бродила по задворкам. Иногда поворачивала ногой какой-нибудь камень. Но все были неинтересные.

Сверкнёт в камне синяя грань, Галя поднимет его, а это — кусок ссохшейся глины, а в нём осколок обыкновенной бутылки.

Галя пошла домой и совсем почти перестала смотреть под ноги, как вдруг ей попался совсем гладкий камень величиной с ладонь. Плоскость камня была рябой от мелких знаков.

— Вот чудеса! — удивилась Галя. — Это же буквы!

А вдруг эту каменную записку оставили те самые люди, которые пришли сюда из пещер, которые рисовали на скалах? Что же они написали? Буквы к букве стояли тесно, строчка за строчкой. Галя поворачивала камень и так и эдак, но ничего прочитать не могла.

Она со всех ног кинулась домой:

— Мама! Умуджаган! Смотрите!

— Что это? — Навстречу Гале из своей квартиры вышла старшая пионервожатая Умуджаган Джамаладинова.

— Это письмо! Письмо от людей, у которых не было бумаги.

— Каменное письмо?

Загадочное каменное письмо, как ни хотелось этого Гале, прочесть никто не мог. В нём вообще не оказалось ни одной знакомой буквы. Ни даргинской, ни русской, ни латинской! Это была даже не

арабская вязь. Так сказали старики, читавшие Коран.

— Нужно показать это Казбулле Магометовичу Арсламбекову, — предложила Умуджаган.

— Да, лучше его истории не знает никто. О нашем крае он писал в газетах и журналах... — сказала Галина мама.

Как решили, так и сделали. Казбулла Магометович долго изучал знаки на камне. Потом он собрал ребят Лабкомахинской школы.

— Ребята! — Всегда спокойный Казбулла Магометович сейчас волновался. — Этот камень не простой. Знаки на нём — буквы давно забытого алфавита. Я прочитал много

книг. Таких букв никогда нигде не находили учёные. Это значит, что мы здесь, в Верхнем Лабкомахи, находимся у истоков тайны, которая скрывает жизнь целого народа, населявшего эти места в глубокой древности. Если Галя Исамбекова нашла этот камень, значит, где-то есть и другие камни с надписями. Может быть, целые каменные книги — много страниц с преданиями, легендами, историей этого народа...

— Это написали те люди, которые рисовали на скале? — раздался звонкий голос из задних рядов.

— Нет, люди в пещерах жили очень давно. Писать они не умели. Скорее всего, этот алфавит придумали те, что жили в крепости, на горе Сонга. Там вы находите бусины, черепки горшков, каких никогда не было в наших домах. Это тоже сохранилось с тех времён...

— Но там нет никакой крепости, — не выдержал кто-то из ребят, перебив Казбуллу Магометовича, — куда она делась?

— В древности люди в горах Дагестана жили не так спокойно и дружно, как мы, —

сказал Казбулла Магометович, — они часто воевали друг с другом. Крепости побеждённых разрушали, жителей уводили в рабство. Может, так случилось и с крепостью на горе Сонга. Ведь когда даргинцы пришли сюда, здесь никого не было. В разрушенных стенах крепости жили только дикие звери...

Долго говорили о Галиной находке и в тот день и потом. В даргинское селение Верхнее Лабкомахи приезжали учёные, Академия наук Дагестана послала сюда археологическую экспедицию. Экспедиция ищет под слоями насыпавшихся за тысячелетия пыли, песка остатки древних стен, другие предметы, которые помогут им разгадать тайны забытого народа. И конечно же, каменные книги, на страницах которых будет рассказано, как жили, с кем воевали люди под этим ярким солнцем, которое светит и теперь над горами Дагестана.

А Галя? А другие ребята? Теперь они ещё внимательнее разглядывают камни, и часто обыкновенная трещинка кажется им буквой. Но важно, что они ищут. Значит, найдут.

Наталья Юркова

В СЕКРЕТЕ

За кустами притаился ветер,
Тишина тревожная вокруг.
Ветер, как и я, лежит в секрете, —
Он мне помогает, словно друг.
Всколыхнулась ветка —
 я на страже.
Присмотрелся — вижу: соловей!
Даже на границе
 не прикажешь
Не летать пернатым
 меж ветвей.
Вдруг шуршанье. . .
 Кто-то полз умело,
Осторожно, тихо, не спеша.
Я в траве увидел порыжелой
Поясок безвредного ужа.
Я его заметил не случайно, —
Если службу чутко не вести,
Может враг тропкою этой
 тайной,
Как змея, незримо проползти.

Иван Жупанов

ДОЖДЬ

Ученик 3-го класса Лёнька Кашин сидит один дома и учит уроки. В открытую форточку врывается бойкое щебетание воробьёв. В высоком весеннем небе быстро плывут небольшие тучки. Только что светило тёплое майское солнышко, а сейчас пошёл дождь... Первый весенний.

В окно Лёнька видит, как стая воробьёв слетела с газона и, не переставая щебетать, укрылась в зелени недавно распустившихся тополей.

При виде первого весеннего дождика к Лёньке вдруг подступает радость. Он подходит к телефону и набирает номер своего приятеля Мишки, который живёт на другой улице.

— Алло! — кричит Лёнька. — Миш, это ты?

— Ну, я...

— Видал, какой дождичек шпарит... Весна!

— Что?! — удивлённо спрашивает Мишка.

— Дождь, говорю, идёт! — с радостным возбуждением кричит в трубку Лёнька.

— Ты спятил, что ли? Никакого дождя нет, светит солнце... Да ну тебя!.. Мне задачку решать надо.

Раздаются частые гудки.

— Чудак, — вешая трубку, говорит Лёнька и подходит к окну.

Весёлый дождик гуляет по двору, пузырит мелкие лужицы... Но вот из-за тучки золотой метёлкой брызнуло солнце... И дождя как не было. Рыжий пацан выбежал из дворовых ворот и, отыскав ручеёк, пустил в него наскоро сделанную бумажную лодочку.

Раздаётся телефонный звонок.

— Лёня... Это я, Мишка, — слышится в трубке.

— Ну?

— А ведь правда дождь...

— С приветиком! — отвечает Лёнька. — Давно уже солнце.

— Говорю ж тебе — пошёл дождь... Честное слово...

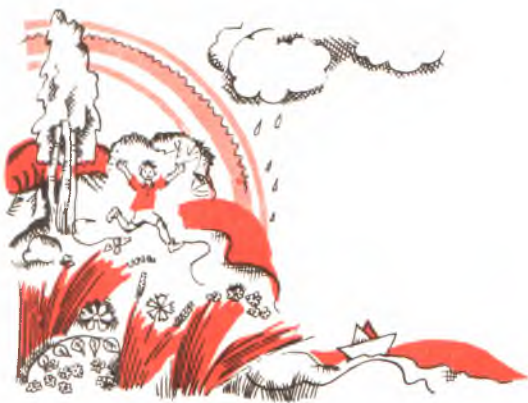
— Никакого дождя нет... Светит солнце.

— Да ну тебя!.. Не хочу я с тобой разговаривать...

Снова в трубке частые гудки.

А по городу на долгих ногах шагает весенний дождь. И ему нет никакого дела до того, что Мишка и Лёнька поссорились. Он шествует по московским улицам: по Солянке, по Арбату, по Трубной площади; шуршит по крышам домов, троллейбусов и гаражей; по зелёным, голубым, синим и тёмным зонтикам...

Алексей Глебов

Что делать после дождика?

— Что делать после дождика?

— По лужицам скакать!

— Что делать после дождика?

— Кораблики пускать!

— Что делать после дождика?

— На радуге качаться!

— Что делать после дождика?

— Да просто улыбаться!

В. Данько

ДЕРЕВЬЯ

ЛИПА

Пахнет липой!

Цветёт липа золотистыми цветами. Поют в ветвях липы золотистые иволги. Жужжат, собирая золотистый липовый мёд, пчёлы.

А когда приходит зима, мочат липовую кору в воде — делают золотистые рогожи.

ДУБ

Прямо против нашего домика стоит могучий столетний дуб. Листва на нём тёмно-зелёная, жёсткая. Кора — в глубоких трещинах. Раньше, говорит бабка, на нашем дубе жил Соловей-разбойник. А сейчас на него взлетают и сидят высоко на ветках до самого вечера важные индюки.

Костюмы на индюках муаровые, с серебряной оторочкой, ноги — в серых стальных сапожках, на носу — красные бородавки.

Любит тереться о наш дуб колхозный бык Папуас. Сам весь красный, рога — серебряные, железное кольцо в ноздрях.

ВЕТЛА

Листья у ветлы узкие, длинные, как язычок у гуся. Кусты ивняка над рекой — младшие братья ветлы. Из ивовых прутьев дед плетёт корзинки и верши для рыбной ловли.

Ещё ветлу называют лозой. Мы любим забираться на нашу большую лозу, заглядывать в грачиные гнёзда.

Ветла, говорит бабка, — самое лёгкое дерево. Из неё делают коромысла и дуги для лошадей.

Вот придёт зима, придёт праздник, запрягут лошадей в разноцветные санки, увижу я заиндеветую лошадиную морду под расписной дугой.

КЛЁН

У клёна листья точно тёплые гусиные лапы. Шуршат гусиные лапы на ветру, летят, жёлтые и оранжевые, в синем небе. Глядишь, к утру вся земля выстлана кленовыми листьями.

Это ночью летели дикие гуси, скажет бабка, побросали ненужные в пути шершавые лапки.

Сергей Козлов

ЧУДНОЙ ОСТРОВ

Рассказ

А ведь есть чудеса на свете... есть!

Вот как-то вышли мы в море апрельским утром. Был туман — в Беринговом море туманы часто бывают, а в апреле они иногда такие, что свою протянутую руку не видишь, — прохладно, сыро.

Сменившись с рулевой вахты, Мишка зашёл в кубрик озадаченный. Почёсывает затылок.

— Ребята, там что-то происходит...

Поднялись наверх — ничего не видно, только один туман, как в молоке продвигаемся.

— Ну и что? — спросил Мишку Сергей. — Туман как туман.

— А разве не слышишь? — сказал Мишка.

И верно. Откуда-то издалика и сверху — будто с облаков — доносился гул. Непонят-

ный, словно шум далёкого прибою или ворчанье какого-то великанского чудовища. Это чудовище гроыхало, пищало, ворчало, щёлкало зубами и шипело одновременно.

— Идти прежним курсом! — сказал капитан и улыбнулся.

Идём прежним курсом, непонятный этот гул нарастает. Теперь уже можно расслышать карканье, кваканье, рёв... И всё это над мачтами где-то.

— Братцы, что же это? — засуетился Мишка. Он здорово, наверно, испугался. — Товарищ капитан, что же это?

Капитан промолчал, ход сбавил до малого.

Теперь идём тихо-тихо, крадёмся по туману. А этот страшный гул уже оглушительным становится, поджилки затряслись не только у Мишки. Замерли все, ждём.

— Полундра! Скалы! — закричал с носа сейнера Кирка: они с Василием стояли вперёдсмотрящими.

— Ну вот и пришли, — сказал капитан и застопорил ход. — Это остров Верхотуров.

Перед нами были тёмные, скользкие, покрытые бородами водорослей у воды скалы. Они отвесной стеной уходили в туман, вода под ними была тёмная, стеклянно-прозрачная. Со дна до самой поверхности поднимались огромнейшие листья водорослей, будто лес рос на дне моря. Между этими большими языками листьев скользили какие-то тёмные тени. Эти тени прятались в подводные гроты. А над нами ревело чудовище. Оно ревело оглушительно, временами как тонущий пароход, — будто догадывалось, что мы здесь. Было жутко.

— Туман только у воды, — сказал капитан, — над мачтами тумана уже нет. К обеду разойдётся. Отдать якорь!

К обеду тумана не стало, и тут открылось — птичий базар!

Чайки, глупыши, бакланы, кайры, топорки, гагары, мартыны, баулы и морские голуби носились над скалами и между скал, кричали, ссорились, кувыркались... Ничего не поймёшь — один оглушительный рёв!

Мы собрались все на палубе и, очарованные и оглушённые, смотрели на этот базар.

Чайки парили над водой, чиркая крыльями иногда воду, бакланы — чёрные большие птицы с длинными шеями — стаями перелетали с места на место, топорки то и дело ныряли за едой, глупыши с криком гонялись друг за другом. А кайры — скал не видно было от их чёрных тел — играли в «баба масло выжимала». Они сидели, плотно прижавшись друг к другу, и, раскрыв клювы, оглушительно орали. А те, которым негде было усестись, чёрными тучами кружились над сидящими и падали прямо в серединку, выжимая крайних; крайние сыпались со скал, взлетали, а затем падали в общее месиво. Глупыши яростно — или радостно — бросались друг на друга, сцепливались клубками, крутясь колесом, падали к воде. Кричали при этом раздирающе. Над всем этим парили морские голуби и чёрными стрелами проносились гагары в вышине.

Мы спустили шлюпку, пошли вокруг острова, отыскивая место, где можно бы забраться на его вершину. В одном месте обнаружили узкое ущелье, разрезающее скалы. По нему-то и забрались наверх. Не так-то просто, кстати, было карабкаться по отвесным почти скалам.

Забрались наконец на плоскую, каменистую, ровную, как стол, вершину этого острова. Вокруг ковром лежали птичьи

яйца. Всяких размеров и всяких цветов. Одно у них только общее было — конусообразные они. Тут ещё одна, наверно, мудрость природы: такое яйцо ветер не сможет укатить с плоской вершины, оно будет кататься по кругу — и всё. Кое-где на «гнездах» сидели птицы. Мимо них проходить прямо страшно: они распускали крылья, открывали, хохля спины, клювы, кричали и клевали сапоги.

— Ну и базар!

Мы никак не могли прийти в себя от этого зрелища.

— Смотрите, смотрите! — закричал Мишка.

Там, куда он показывал рукой, глупыш выхватил из воды большущую рыбину и, горбясь, нёс её над водой. Рыбина отчаянно извивалась, вот-вот вырвется. А он так бешено махал крыльями, так тужился от этой непосильной ноши, что, думалось, вот-вот из него дух вон. К нему кинулись ещё два глупыша, стали отнимать рыбину, он взмыл вверх — и какое же это было усилие! Они — за ним, догнали, сцепились — рыбина, вырвавшись, радостно заизвивалась к воде, — заорали и вертящимся клубком, от которого летел пух, закувыркались вниз. У самой воды разлетелись и как ни в чём не бывало плавно замахали крыльями, молча озираясь по сторонам.

— Не обошлось без ссоры, — засмеялся Сергей.

Пробрались на другую сторону острова. Там под скалами на песчаной косе, клином уходящей в море, грелось стадо сивучей. Это был их «пляж». Позы «загорающих» самые живописные. Только один из них, самый большой — вожак, наверно, потому что он был не тёмный, как все они, и даже не рыжеватый, а седой весь, — не загорал. Он стоял на самом возвышенном месте, опершись на передние лапы, и поворачивал из стороны в сторону свой усатый нос. Заметив нас, заревел, как пароход. Всё стадо волнисто задвигалось в воду. Там они разделились по трое, четверо — семьями, видно, — и прогуливались возле косы, ждали, когда мы уйдём.

Нерпы же никакого внимания на нас не обратили. Они ныряли, фыркали, прислушивались к шуму, гонялись друг за другом.

— Да-а, — сказал Мишка, почёсывая затылок, — чудной остров.

— Чудной, — добавил Василий.

Мы долго стояли на вершине. Не хотелось расставаться с этими шумными и, на мой взгляд, очень милыми жителями этого острова.

Николай Рыжих

Дорогие ребята!

В апреле 1974 года в Москве, в Кремлёвском Дворце съездов, собрался XVII съезд Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодёжи.

Этот съезд знаменателен тем, что собрался в канун исторической даты в жизни комсомола: в июле 1974 года исполнилось 50 лет с того дня, как наш славный комсомол носит имя Владимира Ильича Ленина. И, оглядывая пройденный комсомолом путь, его славные дела в наши дни, его большую работу на всех фронтах народного хозяйства, можно твёрдо сказать, что он с величайшим достоинством носит это дорогое имя и по заслугам награждён шестью орденами.

XVII съезд комсомола дал наказ своей боевой смене — юным пионерам Советского Союза, который завершается такими словами: «Юные пионеры! К борьбе за дело Коммунистической партии Советского Союза будьте готовы!»

Юные ленинцы, пионеры и октябрята, приветствуя своего вожатого — комсомольский съезд, рапортовали ему о своей работе и жизни, и под сводами кремлёвского зала звенели пионерские горны, звучал голос нашей Пионерии.

ПОЮТ ПИОНЕРСКИЕ ГОРНЫ

(Из приветствия пионеров XVII съезду ВЛКСМ)

Наш комсомол!
Ты сердцем вечно молод.
Ты смело смотришь
В даль грядущих лет.
Семнадцатому съезду комсомола
Шлют пионеры пламенный привет!

За ленинской партией светлым путём
Идёшь, комсомол, ты уверенно.
Полвека на знамени славном твоём
Великое имя Ленина!

Мы за вашим трудом с восхищеньем следим
И, конечно, чуточку — с завистью.
Богатырский КамАЗ, целина, Усть-Илим
Комсомольскою доблестью славятся.

А впереди у вас новая даль —
Новый маршрут на карте:
Байкало-Амурскую магистраль
Строить зовёт вас партия.

Дал шестнадцатый съезд
Пионерам наказ.
И сегодня в торжественном зале
Нашим рапортом мы отвечаем:
Слово, данное съезду, сдержали.
С комсомолом-вожатым шагает уверенно
Маршем «Всегда готов!» Пионерия.

Нас завтра ждут космические старты,
Нас новостройки пятилеток ждут.
В большую жизнь шагнём от школьной парты,
Дорога знаний — главный наш маршрут.
Хотели б мы рапортовать,
Что получаем только «пять»,
Но если правду вам сказать,
То не всегда бывает «пять»...
Хоть случаи и редки,
Скромнее есть отметки...
Но верьте, даже с тройкой
Мириться мы не будем —
Нужны полям и стройкам
Знающие люди!

Пусть в море дел песчинкой стала
Частица нашего труда —
Из пионерского металла
Спешат по рельсам поезда.

Богатство и славу страны умножая,
Вы трудитесь в поле упорно.
И мы очень рады, что в урожае
Есть пионерские зёрна.

В бумаге нуждается наша печать:
Мы дело большое решили начать.
Соберём тонн — миллион!
Представляете вес?

А вот и его результаты:
Семнадцать миллионов деревьев — лес! —
Стране сберегут ребята!

Над Чукоткой метели и вьюги гудят.
Ни мороз нам, ни ветер не страшен.
Пионерский Дворец для чукотских ребят —
Символ крепнущей дружбы нашей!
Сюда, на съезд, мы принесли ключи —
Чукотским пионерам их вручить.

Как Вечный огонь, в пионерских сердцах
Мы память храним о героях-бойцах.
Девиз пионера, девиз следопыта —
НИКТО НЕ ЗАБЫТ! НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Чтоб надёжно охранять границы,
Чтоб в строй армейский с полным правом встать,
В отрядах красногалстучной «Зарницы»
Мы познаём науку побеждать.
Бывшие «зарничники»
И в армии — отличники!
Мы дружим со спортом, мы любим его
И с гордостью носим значок ГТО.
Среди вас на комсомольском съезде
«Звёзд» спортивных — целое «созвездие».
И миллионы советских ребят
На вас похожими быть хотят.

Ну, а мы — агитбригада
Пионерского отряда.
Смех учёбе — не помеха,
Недостатки лечим смехом.

Говорит подружкам Таня:
«Я весь год борюсь за знания!»
Так боролась, так старалась,
Что ещё на год осталась!

Мы в отряде постарались,
До того дозаседались —
Даже вместо «до свиданья»
Говорим: «До заседанья!»

Лом ребята собирали,
Был торжественно он сдан,
А на стройке на соседней
Вдруг исчез подъёмный кран!

Мы — маленькие правнуки
Большого Октября.
За это октябрятами
Назвали нас не зря.
Изменились наши игры —
Стал серьёзным первый класс:
Икс и игрек, икс и игрек
В голове у нас сейчас.

Скоро праздник у ребят —
Беспокойных октябрят:
Всем нам, ленинским внучатам,
Летом — ровно пятьдесят.

Мы, дети Страны Советов,
Заботой Отчизны согреты,
Но живут ещё на планете
Совсем по-иному дети.
Без школы, без крова, без хлеба,
Без солнца, без синего неба...
Мы требуем мира планете
И счастья всем детям на свете.

Но едва во Вьетнаме бои отгремели,
От снарядов воронки остыть не успели,
Как опять на планете расправы:
Стонет Чили от тяжких ран,
И томится в застенках кровавых
Патриот, коммунист Корвалан.
Пусть голос наш слышат за океаном:
«Свободу товарищу Корвалану!»

Крепнет в борьбе солидарность народов.
Единство народов — прочнее металла.
Всем сердцем мы с вами, борцы за свободу!
Свободу узникам капитала!

Любимой страной мы гордимся по праву,
Служить беззаветно ей каждый готов!
Ленинскому комсомолу — СЛАВА!
Народу советскому — СЛАВА!
Ленинской партии — СЛАВА! СЛАВА! СЛАВА!

КРЫЛАТЫЙ ПОЧТАЛЬОН

Рассказ

В один из осенних дней, блуждая по лесу, я вспомнил, что давно не был у своего старого приятеля Ибрагима Саферовича. Аул, где он жил, находился неподалёку, и я отправился туда.

Ибрагим Саферович работал в колхозе бригадиром. Недавно он купил себе мотоцикл, чем и не преминул похвалиться.

— Хочешь, прокачу? — спросил Ибрагим Саферович. — И поохотимся заодно.

«Прокатились» мы не более пятнадцати километров. Мотоцикл вдруг «закашлял» и стал. Ибрагим Саферович был ещё неопытный водитель. Он долго копался в машине, но так и не наладил её.

— Придётся заночевать в степи, — сказал он виновато.

Мы скатили мотоцикл с дороги, поставили возле скирды, а сами легли в мягкую солому и долго смотрели на загоравшиеся звёз-

ды. Уснули мы не скоро. А на зорьке над степью раздался звук, напоминающий звук медной трубы. Ибрагим Саферович проснулся первым и торопливо тронул меня за плечо:

— Поднимайся! Тревога!

Интересное зрелище открылось нам. Неподалёку на холме стояли девять тонконогих журавлей. Это они трубили свою утреннюю песню. Вот старый журавль подал три отрывистых сигнала. Как только он закончил третий, его сейчас же поддержал звучный голос молодого журавля: «Ту-уту-у-у...» И так все птицы поочерёдно подхватили песню. Казалось, это был торжественный гимн восходящему солнцу.

Когда последний журавль с высоко поднятой к небу головой пропел «Ту-ут-ту», все птицы наклонили к траве головы, будто поклонились друг другу.

Над степным горизонтом показался золотой диск солнца. Увидев солнце, журавли ещё раз кивнули головами влево, вправо и, распустив крылья, начали удивительный танец. Словно чечётку быстро выбивали в кругу ноги птиц — танцоров. Только старик журавль чуть-чуть прихлопывал крыльями и, приподняв голову, смотрел по сторонам.

Пернатый часовой заметил нас и, видимо, сообщил об этом всему табуну. Вслед за вожакom птицы, взмахивая крыльями, побежали по степи и поднялись в воздух. Но одна из них не смогла подняться: она беспомощно била по земле крылом. Журавли сделали над степью прощальный круг, несколько раз крикнули: «Ух-тух-ух!» — и, выстроившись острым углом, полетели на юг.

Ибрагим Саферович поймал трепетавшую на траве птицу, связал ей крылья и положил в коляску.

— Назовём её Журкой, — сказал он.

Мы не смогли запустить мотоцикл и повели его. Коляска на ухабах резко подскакивала, и Журка начинал биться. На ровной дороге он лежал спокойно и лишь робко поглядывал на нас.

К счастью, на дороге появилась пара запряжённых волов, и возница предложил нам:

— Давайте возьму на буксир!

Ибрагим Саферович нехотя привязал верёвкой свою машину к повозке и вздохнул, вытирая шляпой пот...

Наконец ленивые волы доплелись до аула. У ворот дома встретился смуглолицый мальчуган. Ибрагим Саферович передал ему Журку и сказал.

— Береги, Мурат, эту птицу. Она легко нам досталась. Да везти её пришлось тяжело. — И он рассмеялся.

Мурат побежал с Журкой домой. Не прошло и пяти минут, как в дом вбежало десятка два ребят. Они наперебой советовали Мурату, чем накормить журавля. Таков обычай: гостя надо прежде всего накормить.

— Хлеба ему, — советовал один.

— Нет, сыру, — перебивал другой.

Но Журка ничего не брал. Не притронулся он и к воде.

Бабушка Унат молча смотрела на суетившихся ребят, а потом сказала:

— А ведь он болен.

— Нанэж¹, мы полечим его, — сказал Мурат.

— С этого и надо было начинать, — строго заметила бабушка Унат.

Она достала откуда-то бинт, стеклянную банку и ножницы. Мурат развернул больное крыло, а бабушка обрезала вокруг раны окровавленные перья.

— Теперь наложим целебную мазь, — сказала бабушка и, взяв из банки на палец немного мази, несколько раз провела по больному месту.

¹ Н а н э ж — бабушка.

Журка судорожно дрожал, несколько раз пытался здоровым крылом ударить Мурата. Но тот крепко держал птицу, пока бабушка забинтовывала крыло.

Проходили дни, и Журка совсем привык к новому житью. Он раньше всех просыпался, подходил к порогу и долбил клювом по дну пустой кормушки. По этому сигналу просыпалась бабушка и начинала кормить журавля...

Когда у птицы зажило крыло, Мурат стал уносить её с собой за аул. Там он с ребятами ловил насекомых и кормил Журку. И когда тот мотал головой, это значило,

что он сыт. Мурат ставил Журку на ноги, а сам с ребятами убегал от него.

— Догоняй, Журка!

Журка поспеивал за беглецами. Когда те начинали сбавлять шаг, он вырывался вперёд и вёл их к знакомому двору. От восторга Мурат плясал и кричал:

— Журка — учёный!

Журка так привык к шумному ребячьему обществу, что и в школу стал бегать за Муратом. А потом уже и самостоятельно стал туда захаживать. Умел он находить и дорогу к своему дому.

В зимнюю пору Журка жил

в доме. Весной, с наступлением тепла, его стали выпускать во двор. Когда Журка видел Мурата, он радовался, бегал вокруг и хлопал крыльями.

Однажды в солнечный день над аулом появилась цепочка журавлей. Журка взглянул в небо и расправил крылья.

— Теперь уж ничего не поделаешь, — сказал Ибрагим Саферович. — Пусть летит со своими друзьями.

Но он-то знал, что прирученный журавль вряд ли покинет человека. И Журка действительно не улетел.

Незаметно наступили весенние каникулы.

— Нечего без дела сидеть, — сказал Ибрагим Саферович Мурату. — Поедем в мою бригаду. Будешь воду к тракторам подвозить.

И Мурат стал возить воду. Он ездил вместе с Журкой по одной и той же просёлочной дороге вдоль лесной полосы. Подолгу и с упоением он любовался молодым лесом. В полном цвету стояли развесистые ясени, облепленные хлопотливо жужжащими пчёлами. Над травой летали разноцветные бабочки, похожие на живые цветы. В воздухе лились трели жаворонков. Как-то на одном из деревьев Мурат заметил диких голубей и загляделся на них. Потом вспомнил, что его ждут с водой, заторопил волов:

— Цоб, цоб, цоб...

В полевом стане Ибрагим Саферович взглянул на карманные часы и укорил внука:

— Запоздал. Нельзя график срывать.

— Напрасно вы браните мальчишку, — вступилась за Мурата одна колхозница. — Он много воды навозил.

— Вода-то у нас есть. А вот горячее на исходе, — сказал Ибрагим Саферович и с тревогой взглянул на запад. Там появились тучи. — Видно, погода переменится. Посыльный нужен, сказать, чтоб привезли срочно горячее.

— Какой же посыльный на волах! — усмехнулась колхозница. — Сам бы на мотоцикле съездил.

— Нельзя золотое время тратить, — ответил Ибрагим Саферович. — У меня для этого почтальон найдётся.

Он склонился над записной книжкой и написал: «Председателю колхоза. Срочно направьте триста литров керосина. Ночью закончим пропашные». Он расписался на записке и сказал внуку:

— Пусть Журка почту отнесёт.

Мурат пытался отговорить дедушку от опасной затеи: ведь Журка может улететь, если его пустить одного.

— Не надо пускать Журку. Нанэж не умеет читать.

— Она хоть и неграмотная, но умная. Увидит бумажку, поймёт, что надо делать, — сказал Ибрагим Саферович. — Он взял Журку, привязал к его ноге записку и приказал: — Лети!

Журавль, сгорбившись, неуклюже пробежал по степи, затем

широко расправил крылья, взмахнул ими и полетел... в противоположную сторону. Мурат заплакал: улетел Журка, не вернётся.

— Не плачь,— успокаивал его Ибрагим Саферович. — Всё будет хорошо.

Солнце начало клониться к горному хребту, а горячего никто не вёз. Значит, не долетел Журка. Ибрагим Саферович тоже забеспокоился. Неужели кто-нибудь подстрелил птицу? Однако вслух своих опасений он никому не высказывал.

— Горючее везут! — крикнула вдруг колхозница, защищавшая Мурата.

Мурат побежал навстречу ездовому. Тот отдал ему Журку.

— Хорошая птица! — похвалил он с чувством.

С этого дня Журка оказался в большом почёте в ауле. Мурат смело пускал крылатого почтальона, и тот всегда быстро доставлял письма в аул.

Владимир Коновалов

Мальчишки голубей гоняли.
Была задача не проста:
Хотелось, чтоб сдавались дали,
И приучалась высота.

Так оживала синь пустая,
И в небе делалось тесней.
Казалось, если сядет стая,
То рухнет небо вместе с ней.

Вячеслав Куприянов

АУ!

Весело аукнула
Из лесу Весна.
Ей Медведь откликнулся,
Проурчав со сна.

Поскакали Зайки к ней,
Полетел к ней Грач;
Покатился Ёжик вслед,
Как колючий мяч.

Всполошилась Белочка,
Глянув из дупла, —
Дождалась, пушистая,
Света и тепла!

Гордо приосанился
Посветлевший бор;
На ветвях коричневых
Грянул птичий хор.

Улыбнулся радостно
Весь прозрачный лес,
И Мороз за ёлками,
Заворчав, исчез.

Л. Аграчёва

ЧУТКИЙ МАЛЬЧИК

В день Восьмого марта Вадик решил быть вежливым и предупредительным ко всем женщинам без исключения. Ему просто не терпелось отличиться. Вадик надел пальто и выбежал во двор. На скамейке сидели две старушки.

«Может, им что-нибудь приятное сделать? — подумал Вадик. — Палку поднять, вон валяется, или помочь со скамьи подняться... Вот они обрадуются-то!»

Вадик направился к старушкам, но тут во двор вошла их соседка. В руках у неё была полная сумка с продуктами. Вадик тотчас поспешил к ней навстречу.

— Устали небось? — поравнявшись с соседкой, сказал он. — Ишь сколько всего набрали! Еле тащите. Ну ладно, так и быть, донесу я вам сумку до подъезда. Тут совсем близко, и сегодня у нас Восьмое марта. Дайте мне её.

Вадик ожидал, что Мария Петровна расплывётся в улыбке, а соседка вдруг так сердито посмотрела на него, что Вадик чуть язык не прикусил. А наблюдавшие за ними старушки дружно заохали:

— Какой грубый! Какой невоспитанный мальчик!

От их слов Вадик ещё больше растерялся.

— Это я-то грубый? Я невоспитанный? — залепетал он. — Вот и помогай им после этого!

А вы, ребята, догадались, почему Вадика так называли? Ведь он в самом деле хотел помочь соседке. За что же все обиделись на него?

главный должник

Косте Пеночкину захотелось прочитать повесть Гайдара «Судьба барабанщика», а в школьной библиотеке её не оказалось.

— Эту книгу взял один мальчик, — посмотрев в формуляры, сказала библиотечкарь Анна Семёновна, — и не возвращает уже третий месяц.

— Третий месяц! — воскликнул Костя, — О чём он только думает. Ведь книги выдаются на две недели.

— Это верно, — сказала Анна Семёновна, — но, к сожалению, есть ещё ребята, которые задерживают книги. У меня таких должников целый список.

— Целый список! — ужаснулся Костя и тут же сказал своим товарищам: — Давайте поможем Анне Семёновне! Обойдём всех ребят и возьмём у них книги. Какое безобразие — так долго их не возвращать! Анна Семёновна, дайте нам, пожалуйста, этот список.

Костя взял список и только заглянул в него, как с ним случилось что-то непонятное: сначала он покраснел, потом ни с того ни с сего стал откашливаться и, наконец, бросился к дверям и исчез.

Вернулся Костя минут через двадцать. Он положил перед Анной Семёновной толстую книгу, потом взял список и что-то в нём зачеркнул. После этого Костя сказал:

— Ну, одним должником стало меньше. . . Пошли к остальным!

„Важные пустяки“ прислал в „Круглый год“ Юрий Ермолаев.

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

ИГРЫ И ЗАДАЧИ ВЕСНЫ

**КТО ОНИ И ГДЕ ОНИ,
ОТЫЩИ И НЕ СПУГНИ!**

— Бодро здесь я пропою
Песню звонкую саю.

— Мне в лесу совсем не худо,
Да и сам я просто чудо!

— Даже спящего луня
Опасайтесь как огня!

— Дайте мух — и каждый раз
Я б, ликуя, пел для вас.

— Старый пруд, сосна и стог,
Здесь гнездо я свить бы мог.

— Высоко летает стриж,
Но со мною не сравнишь.

— Мойте клювики росой
Каждый день перед едой.

— Поздний час, глаза глядят
Еле-еле: спать хотят.

— Ночью спрячься и молчи:
Жадны страшные сычи!

* * *

Здесь какая-нибудь птица
В каждой двух строках таится.
Пробираясь между слов,
Их увидит птицелов.

*Примечание „Круглого года“: „Я обнаружил де-
сять птиц, не считая луня, стрижа, клеста и сыча.
А ты сколько?“*

ЧТО МЕШАЕТ?

Эй, держи, хватай!
В лесу
Ловят рыжую лису.
Су.
Шум и гам. Народу тьма.
Громче всех кричит Кузьма.
Ма.
Он без куртки, без пальто.
Вместо шапки решето.
То.
Из оврага, где ольха,
Слышны крики петуха.
Ха.
Изловить лису б неплохо.
Да мешает. . .

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД *или* СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

НАЧНЁМ С ХВОСТОВ!

По тропинке вдоль кустов
Шло одиннадцать хвостов.

Сосчитать я так же смог,
Что шагало тридцать ног.

Это вместе шли куда-то
Петухи и поросята.

А теперь вопрос таков:
Сколько было петухов.

И узнать я был бы рад,
Сколько было поросят.

Месяц май

ДОСТАНЫТЕ ЛУНУ

В небе плавает луна.
В облака зашла она.

Раз, два, три, четыре, пять,
Мы должны луну достать.

Шесть, семь, восемь, девять, десять,
И пониже перевесить.

Десять, девять, восемь, семь,
Чтоб луна светила всем!

Не кажется ли тебе, что загадки Весны ещё
лучше, чем те, которые предложила нам ре-
шить Зима?

Н. Разговоров

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД *и* СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

Λ Ε Τ Ο

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит —
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

.

Ф. И. Тютчев

**К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ А. С. ПУШКИНА**

Утро жизни

В последний вечер восемнадцатого столетия, 31 декабря 1800 года, у Пушкиных собрались гости. Стол был парадно накрыт. Ждали наступления Нового года нового, девятнадцатого столетия.

Читались стихи, мать Александра Пушкина, Надежда Осиповна, вполголоса подпевая, исполняла на клавесине романсы.

Ровно в полночь раздался бой часов. Первый удар, второй, третий... последний — двенадцатый... Гости подняли бокалы, поздравили друг друга.

— С Новым годом! С новым столетием!

Звон бокалов и громкие голоса разбудили спавшего в соседней комнате маленького Александра. Ему было всего полтора года — он родился летом 1799 года.

Как гласит легенда, он соскочил с кроватки, тихонько

приоткрыл дверь в комнату, где собрались гости, и в одной рубашонке, ослеплённый множеством свечей, остановился у порога.

Испуганная, за ребёнком бросилась няня — крепостная Пушкиных, Ульяна Яковлева. Но мать остановила её.

Тронутая неожиданным появлением сына на пороге нового века, она взяла его на руки, высоко подняла над головой и сказала, восторженно обращаясь к гостям:

— Вот кто переступил порог нового столетия!.. Вот кто в нём будет жить!..

Это были вещие слова, пророчество матери своему ребёнку.

Пушкин перешагнул уже через два столетия. Он перешагнёт и через тысячелетия...

* * *

Кто же лелеял столь ранние детские годы Александра? Кто научил его «предавать мечтам свой юный ум»? Кто была та «наперсница волшебной старины», которую Пушкин с любовью вспоминал впоследствии:

Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила...

Через всю свою жизнь пронёс Пушкин нежную, трогательную любовь к бабушке, Марии Алексеевне Ганнибал, и к няне Арине Родионовне. Обе они склонялись над его колыбелью, баловали его и в сердце поэта слились в единый трогательный образ «весёлой старушки... в больших очках и с резвою гремушкой».

Наблюдая шалости Александра, Мария Алексеевна недоумевала:

— Не знаю, — говорила она, — что выйдет из моего старшего внука: мальчик умён, охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернётся и расходится, что его ничем не уймёшь; из одной крайности в другую бросается. Бог знает, чем всё это кончится, если он не переменится.

И часто журила за проделки:

— Помяни ты моё слово, не сносить тебе своей головы...

В 1806 году Мария Алексеевна приобрела небольшое село Захарово, под Москвою, близ Звенигорода. Там она проводила с внуком летние месяцы.

* * *

Рядом с бабушкой Марией Алексеевной, лелеявшей детство Пушкина, перед нами оживает образ его чудесной няни, Арины Родионовны. Нет в мировой литературе другой няни, чьё имя так тесно сплелось бы с именем её питомца. Простая, неграмотная русская женщина, крепостная крестьянка, стала спутницей великого русского поэта.

И нет в нашей стране школьника, кому не было бы знакомо имя Арины Родионовны...

Когда Александра Пушкина отправили в 1811 году учить-

ся в Царскосельский лицей, Мария Алексеевна предложила Арине Родионовне «вольную» — решила освободить её со всей семьёй от крепостной зависимости. Но та отказалась.

— На что мне, матушка, вольная! — ответила няня.

Так она и осталась в семье Пушкиных до конца своих дней.

* * *

Мы должны благодарно вспомнить добрым словом и дядьку Александра, Никиту Тимофеевича Козлова. В ранние годы мальчика он был свидетелем его детских игр и шалостей, сопровождал во время прогулок по Москве, взбирался с ним на колокольню Ивана Великого в Кремле.

Болдинский крепостной крестьянин, Никита Тимофеевич был верный и преданный слуга и друг — от детских лет до последних дней жизни Пушкина. Человек из народа, он приобщал своего маленького питомца к миру подлинной русской народности.

Александрю было всего четыре года, когда родители переехали в небольшой флигель при хорошо сохранившемся до наших дней доме князя Н. Б. Юсупова. Против дома находился таинственный, погибший в 1812 году тенистый «Юсупов сад», оставивший, видимо, первое сильное впечатление в душе маленького Пушкина.

Охватившие его первые взволнованные поэтические настроения он выразил впоследствии в стихотворении «В начале жизни школу помню я»:

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.

Всё — мраморные циркули и лиры,
Мечи и свитки в мраморных руках,
На главах лавры, на плечах порфиры —
Всё наводило сладкий некий страх
Мне на сердце; и слёзы вдохновенья,
При виде их, рождались на глазах...

* * *

Вскоре в доме Пушкиных появились гувернёры. Это были иностранцы, хлынувшие после французской революции в Россию в поисках счастья.

Большая часть этих людей по образованию и уму поражала своей некультурностью и наивностью.

Все эти настроения и впечатления детских лет Пушкин имел в виду отразить впоследствии в своих воспоминаниях. Он особенно останавливался при этом на неприятностях, связанных с гувернёрами, и несправедливым отношением к нему матери. Её раздражал настойчивый, самолюбивый, склонный к самостоятельности характер Александра. Он никогда не раскаивался в своих поступках, даже когда чувствовал себя неправым, хмурился и, забравшись в угол, угрюмо молчал...

В это время Александра заинтересовали встречи в доме отца с выдающимися поэтами той поры и увлекли собственные ранние поэтические настроения. Любимым делом Александра было пробираться в кабинет отца, когда собирались гости, и прислушиваться к разговорам старших.

«В самом младенчестве своём, — вспоминал отец, — он показал большое уважение к писателям. Не имея шести лет, он уже понимал, что историк Н. М. Карамзин — не то, что другие. Николай Михайлович был у меня, сидел долго, — во всё время Александр, сидя против него, вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз. Ему шёл шестой год...»

И брат Пушкина, Лев Сергеевич, рассказывал, что «страсть к поэзии проявилась в нём с первыми понятиями, на восьмом году, умея читать и писать, он сочинял на французском языке маленькие комедии и эпиграммы на своих учителей... Ребёнок проводил нередко бессонные ночи, пробирался тайком в кабинет отца и там пожирал книги одну за другой. Пушкин был одарён памятью невероятною и на одиннадцатом году уже знал всю французскую литературу».

Нежной дружбой с сестрой Ольгой овеваны были детские годы Александра. Ей он поверял свои тайны, с нею делился своими первыми поэтическими настроениями.

Ночью мальчик долго не засыпал, и когда Ольга спрашивала, почему он не спит, тот отвечал вполне серьёзно:

— Стихи сочиняю...

И вот, начитавшись в библиотеке отца французских книг, вслушиваясь, как отец читал вслух Мольера, девятилетний Александр сам стал исполнять небольшие комедии на французском языке. Одну из них маленький драматург решил поставить на домашней сцене.

Ольге, единственной зрительнице этого спектакля, пьеса не понравилась, и она освистала автора.

— Ты похититель, ты похитил комедию у Мольера!.. — говорила одиннадцатилетняя Ольга.

Уже в детские годы Александр слыл в кругу взрослых поэтом. В их споры он никогда не вступал. Обычно сидел в уголочке или примостившись к стулу какого-нибудь читавшего свои произведения литератора. Если произведение это было, с его точки зрения, слишком уж неудачное, он не стеснялся выразить своё к нему отношение...

* * *

Вместе с родителями Александр часто посещал живших по соседству друзей Д. Н. Бутурлина и А. И. Мусина-Пушкина. Их великолепные библиотеки привлекали к себе внимание книголюбов той поры, и они охотно разрешали желающим пользоваться ими.

Бывая с родителями у Бутурлиных, Александр забирался в их библиотеку, где нередко встречался с виднейшими поэтами и писателями того времени. Здесь на мальчика обратил внимание гувернёр Бутурлиных доктор словесных наук француз-эмигрант Жилé и как-то предсказал:

— Чудесное дитя! Как он рано всё начал понимать! Дай бог, чтобы этот ребёнок жил и жил. Вы увидите, что из него будет...

* * *

Так проходили детские годы Александра. С отцом и матерью у него навсегда сохранились холодные, напряжённые отношения. Брата Льва он нежно любил, но тот относился к нему небрежно и впоследствии не оправдал доверия Александра.

Сестру Ольгу Александр вспоминал всегда с нежностью.

Покидая в 1811 году отчий дом для поступления в Лицей, Александр трогательно прощался с бабушкой Марией Алексеевной, няней Ариной Родионовной и своим добрым дядькой Никитой Тимофеевичем.

При отъезде Александра, в июле 1811 года, сестра Ольга подарила ему два тома басен Лафонтена, на французском языке, в прекрасных переплётах.

Когда-то отец, Сергей Львович, подарил их дочери с надписью: «Моей дорогой Оленьке». Кто-то добавил чернилами: «Лафонтена не нужно хвалить, его нужно читать, перечитывать и снова перечитывать».

Уезжая, Александр забыл этот подарок на столе, и сестра сделала об этом надпись на книге: «Книги принадлежали Ольге Пушкиной, — сегодня они подарены мною Александру Пушкину, чтобы он мог наслаждаться ими в Лицее. К несчастью, он забыл их на столе».

Мать привезла их Александру в Лицей.

Дети любили Лафонтена. Александр прочитал, конечно, ещё в детстве басню про Молочницу, которая, направляясь на рынок, размахавшись, уронила кувшин с молоком и с грустью смотрела, как из разбитого кувшина струйкою течёт молоко.

Через три года после окончания Пушкиным Лицея в царскосельском парке поставлена была на огромном камне скульптура лафонтеновской Пьеретты. В руке у неё разбитый кувшин, из которого неиссякаемой струёй течёт ключевая вода.

Гуляя как-то по парку в жаркий летний день, Пушкин утолил жажду ключевой водою и написал стихотворение «Царскосельская статуя».

Урну с водой уронив, об утёс её дева разбила.

Дева печально сидит, праздный держа черепок.

Чудо! не сякнет вода, изливаясь из урны разбитой,

Дева, над вечной струёй, вечно печальна сидит.

Принадлежавшие Александру Пушкину и его сестре Ольге басни Лафонтена хранятся сегодня среди книг личной библиотеки поэта в Ленинграде, в Пушкинском доме Академии наук СССР.

А. Гессен

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ЁЖ-СПАСИТЕЛЬ

Маша проснулась рано-рано, накинула на себя платьишко и, как была, босиком, побежала в лес.

В лесу на пригорке было много земляники. Маша живо набрала корзиночку и побежала назад к дому, прыгая по холодным от росы кочкам. Но вдруг поскользнулась и громко вскрикнула от боли: её босая нога, сорвавшись с кочки, до крови укололась о какие-то острые колючки.

Оказалось, под кочкой сидел ёж. Он сейчас же свернулся в клубок и зафуфукал.

Маша заплакала, уселась на соседнюю кочку и стала обтирать кровь с ноги.

Ёж замолчал.

Вдруг прямо на Машу ползёт большая серая змея с чёрным зигзагом на спине — ядовитая гадюка! От страха у Маши руки-ноги отнялись. А гадюка ползёт к ней, шипит и высовывает раздвоенный язык.

Тут вдруг ёж развернулся и быстро-быстро засеменил навстречу змее. Гадюка вскинулась всем передом тела и кинулась на него — как плетью ударила. Но ёж ловко подставил ей свои колючки. Гадюка страшно зашипела, повернулась и хотела уползти от него. Ёж бросился за ней, схватил зубами позади головы и наступил ей на спину лапкой.

Тут Маша опомнилась, вскочила и убежала домой.

КУПАНИЕ МЕДВЕЖАТ

Наш знакомый охотник шёл берегом лесной реки и вдруг услышал громкий треск сучьев. Он испугался и влез на дерево.

Из чащи вышли на берег большая бурая медведица, с ней два весёлых медвежонка и пестун — её годовалый сын, медвежья нянька.

Медведица села.

Пестун схватил одного медвежонка зубами за шиворот и давай окунять его в речку.

Медвежонок визжал и барахтался, но пестун не выпускал его, пока хорошенько не выполоскал в воде.

Другой медвежонок испугался холодной ванны и пустился удирать в лес.

Пестун догнал его, нада-

вал шлепков, а потом — в воду, как первого.

Полоскал, полоскал его, да ненароком и выронил в воду. Медвежонок как заорёт! Тут в один миг подскочила медведица, вытащила сынишку на берег, а пестуну таких плюх надавала, что он, бедный, взвыл.

Очутившись снова на земле, оба медвежонка остались очень довольны купанием: день был знойный, и им было очень жарко в густых, лохматых шубках. Вода хорошо освежила их.

После купания медведи опять скрылись в лесу, а охотник слез с дерева и пошёл домой.

Виталий Бианки

ПОДАРКИ ВЬЕТНАМСКИМ ДЕТЯМ

Шёл урок труда. Надежда Ивановна учила нас штопать носки.

Вдруг дверь открылась, и в класс вошла наша вожатая и с ней ещё какая-то женщина.

Мы встали.

— Садитесь, — сказала вожатая, поздоровалась с Надеждой Ивановной и обратилась к нам: — Ребята! Сегодня произошло огромное, радостное событие: кончилась война во Вьетнаме!.. Вы, конечно, знаете...

Она не смогла закончить, потому что все мы заорали «Ура!», захлопали в ладоши, а Журавлёв подкинул свой недоштопанный носок чуть ли не до потолка. Ещё бы мы не знали про войну во Вьетнаме! По телевизору сколько раз видели, как империалисты бомбят эту страну, как мирные жители прячутся в колодцы-люки, вырытые прямо на улицах, видели зенитные батареи, из которых вьетнамские солдаты сбивают вражеские самолёты.

Вот почему мы заорали от радости, когда узнали, что война кончилась.

Вожатая сказала:

— К нам в школу пришла Татьяна Васильевна из Дома пионеров. Пожалуйста, Татьяна Васильевна!

— Ребята! — начала Тать-

яна Васильевна. — Наш районный Дом пионеров решил организовать посылку детям Вьетнама, и хотя вы ещё не пионеры, я пришла к вам за помощью. Если у кого-нибудь из вас найдётся какая-нибудь подходящая игрушка, или две-три тетрадки, или новые карандаши, принесите к завтрашнему дню. Я думаю, у всех что-нибудь найдётся.

— Конечно!

— Ещё бы!

— Вот и хорошо. Это будет ваш вклад в ту помощь, которую наша страна оказывает этой маленькой героической стране.

— А игрушки обязательно новые? — спросила Портнова.

— Нет, не обязательно. Но, конечно, лучше, чтобы в хорошем состоянии.

Вожатая и Татьяна Васильевна ушли, а мы принялись вспоминать, какие у кого есть хорошие игрушки, и спорить, какие подходящие, а какие — нет.

Мы шумели, но Надежда Ивановна не делала нам замечаний.

Когда я вернулся из школы, мама была дома.

— Мама! — закричал я. — Угадай, какая сегодня радость?

— Неужели четвёрка по математике?!

— Что ты! Гораздо больше! Ну? Сдаёшься?..

— Сдаюсь, — сказала мама.

— Война во Вьетнаме кончилась!

— Я уже знаю, — сказала мама. — В газете было, и по радио сообщили. А ты откуда узнал?

— Нам в школе сказали. Мы подарки будем собирать для вьетнамских детей... Мам! Чего бы мне подарить?

— Выбери что-нибудь. Вон у тебя игрушек сколько — полный ящик.

Я сел перед ящиком и стал разбирать игрушки.

Подъёмный кран не годится: не хватает одного колеса.

Пластмассовый слон, которого я беру с собой в ванну, когда моюсь, облез, и у него дырка на животе. У Буратино отломан нос. Паровозик без единого колеса. А я раньше как-то даже не замечал, что у меня столько поломанных игрушек.

— Обедать иди! — позвала мама из кухни.

— Сейчас! — ответил я и продолжал торопливо вытаскивать игрушки из ящика.

Погремушка, попугай с горошинами внутри, облезлый сапожок, из которого торчит головка некрасивого котёнка... Даже не помню, когда я в них играл, наверно, ещё в грудном возрасте.

А вот кораблик. Я его сам сделал из сосновой щепки. Хороший кораблик, двухмачтовик. Без мачт, конечно. То же не пошлешь: слишком много он на своём веку поработал, побороздил луж и ручейков. Корма совсем расслоилась.

Но что же тогда? Мишка — без лапы, заяц — грязный и не пищит...

— Сколько раз тебя звать? — крикнула мама.

— Ни одной целой игрушки нету... — пожаловался я. — Что же, одни тетрадки дарить?

— А когда велели приносить?

— Завтра!

— Лучше бы послезавтра! — сказала мама. — У меня послезавтра получка.

После обеда мама ушла по делам, а я снова стал перебирать свои игрушки.

Облезлые кегли, гнутые рапиры, ножны без меча... Даже фонарик и тот без лампочки.

Завтра все ребята принесут игрушки, а я?.. Почему я так грубо с ними обращался, не берёг? Эх, если бы я знал, для кого они могут понадобиться! Я бы не оставлял их во дворе под дождём, не кидал с балкона... Берегу ведь я Маньку.

Вот она, сидит на диване, моя любимая обезьянка. Пушистенка, коричневая, с

белым животиком, с белыми ладошками. Мне её мама подарила на день рождения, давным-давно...

Я взял Маньку в руки. Мне стало так жалко с ней расставаться, что даже слёзы навернулись. Но ведь если я не отдам её, одному вьетнамскому ребёнку не достанется игрушки. И он заплачет. А ему нельзя плакать, ему нужно как можно больше радо-

ваться и смеяться, чтобы он поскорее забыл о войне.

Я сел за уроки, а Маньку посадил рядом, на стол. Ничего, что шёрстка кое-где повытерлась и ладошки запачкались. Она всё равно симпатичная.

Потом завернул обезьянку в газету и сунул в мешочек со сменной обувью. А чистые тетради и карандаши положил в ранец.

Пришла мама с какой-то коробкой и сказала:

— На, держи.

Я открыл коробку. В ней оказался волчок, такой отличный! Под прозрачной крышкой стоял белый конь, а на нём — всадник. И когда я завёл волчок и он загудел красивым голосом, конь вместе со всадником начал скакать по кругу, перескакивать через барьеры.

Значит, Манька может остаться дома!

Я вынул её из газеты. Она глядела на меня своими грустными глазами, словно не радовалась, что останется со мной. Словно хотела сказать: «Эх, ты! Что же ты?..»

Нет! Волчок красивый, но он новенький, из магазина, и тот, кому он достанется, просто обрадуется, — и всё. А тот, кто возьмёт в руки мою обезьянку, непременно подумает: чья она? Кому она принадлежала? Кто с ней играл? И пусть мы не увидимся с этим малышом и он никогда не узнает, кто я, между нами протянется через всю землю ниточка дружбы.

Лети во Вьетнам, обезьянка!

Анна Масс

ОРДЕН КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

Сверкают бриллиантами, переливаются всеми цветами радуги ордена и медали Союза Советских Социалистических Республик. Эти высшие знаки отличия учреждены для награждения за доблестный труд, за отвагу в бою, за выдающиеся заслуги перед Советской Родиной в дни мира и в дни войны.

После Великой Октябрьской социалистической революции старые царские ордена были отменены декретом Правительства Советской Республики. Этот декрет Владимир

Ильич Ленин подписал 29 декабря 1917 года.

Беспримерной храбростью отличались солдаты первых красных полков, и хотя не было в самом начале вооружённой борьбы за власть Советов ни новых советских медалей, ни орденов, солдатское мужество не оставалось без награды.

Такой наградой были Почётные революционные красные знамёна.

Первым Почётным революционным знаменем были награждены бойцы 5-го Земгальского латышского стрелкового полка за проявленную ими храбрость при защите города Казани.

Храбрый солдат — вестник победы. Нет выше чести, нет достойнее славы, чем называться храбрым солдатом. Храбрый солдат всегда впереди. Он грудью прикроет друга в бою, не дрогнет перед врагом. Вот о таких неустрашимых солдатах Рабоче-Крестьянской Красной Армии говорил в середине августа 1918 года один из первых народных комиссаров по военным делам Николай Ильич Подвойский:

«Лучшие революционные солдаты и все, связавшие свою судьбу с Советской Республикой, жаждут республиканских отличий. Настоятельно высказываюсь за установление знака героя и знака героизма».

Об этом сказал своё слово

и председатель Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Яков Михайлович Свердлов:

«Мы нашли возможным выдавать знаки отличия в виде знамён отдельным частям... У нас не будет больших разногласий и по вопросу об отдельных знаках отличия для отдельных товарищей».

Первым советским орденом стал орден Красного Знамени Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

В декрете об учреждении ордена говорилось, что он «присуждается всем гражданам РСФСР, проявившим особую храбрость и мужество при непосредственной боевой деятельности». Вместе с орденом всем награждённым выдавалась памятка, в которой от имени Советского правительства были напечатаны торжественные слова:

«Тот, кто носит на своей груди этот высокий пролетарский знак отличия, должен знать, что он из среды равных себе выделен волею трудящихся масс, как достойнейший и наилучший из них, что

своим поведением он должен всегда и везде, во всякое время являть пример сознательности, мужества и преданности делу Революции».

Первым, кого 28 сентября 1918 года Советская страна наградила орденом Красного Знамени, был герой гражданской войны, бывший рабочий Мытищинского вагоностроительного завода и будущий Маршал Советского Союза Василий Константинович Блюхер.

Вскоре ордена засверкали на груди самых отважных бойцов и командиров Красной Армии. Они заслужили боевые знаки отличия в ожесточённых сражениях с белыми армиями, бандами контррево-

люционных мятежников, войсками иностранных захватчиков.

Многие защитники Советской власти погибли на поле боя, ни на шаг не отступив перед врагом.

29 июня 1919 года в газете «Деревенский коммунист» появился рассказ о последних минутах красноармейца Ивана Захаровича Носкова и командира пулемётного взвода 5-й роты 88-го стрелкового полка Николая Петровича Завалина.

По словам газеты, они «...до последнего момента оставались верными защитниками социалистической революции, преданными идее коммунизма. Видя неизбежную гибель одного из взводов своей роты, который кругом был оцеплен бандой белогвардейцев до тысячи человек, Носков и Завалин не уstraшили и со сво-

ими товарищами в числе до сорока человек дали достойный отпор врагам. Товарищ Носков, получив ранение в ногу, не пожелал выбыть из строя, он всячески поддерживал дух товарищей-красноармейцев, которых становилось всё меньше. Бандиты бросились на героев, но товарищи Носков и Завалин не сдавались. Заложив в пулемёт последнюю ленту, они продолжали героически отражать ожесточённые атаки противника, которого немало poleglo на поле боя от их пулемёта».

Приказом Революционного Совета Республики 31 июля 1920 года Иван Захарович Носков и Николай Петрович Завалин за боевые подвиги были посмертно награждены орденами Красного Знамени №№ 2305 и 2306.

Одной из самых высоких

наград в Красной Армии считалось Почётное революционное золотое оружие — шашка или кортик, эфес которых озарял знак ордена Красного Знамени.

Первыми этой награды 8 августа 1919 года были удостоены замечательные советские полководцы Сергей Сергеевич Каменев и Василий Иванович Шорин. 20 ноября 1919 года — командующий Первой Конной Армией Семён Михайлович Будённый.

Другой высокой наградой являлось Почётное огнестрельное оружие — маузер с укреплённым на рукоятке орденом Красного Знамени и надписью на серебряной пластинке: «Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии от Центрального Исполнительного Комитета». 5 января 1921 года этим оружием были награждены Сергей Сергеевич Каменев и Семён Михайлович Будённый.

Первым орденоносным городом Советской Республики стал Петроград — город Ленина. 5 декабря 1919 года VII Всероссийский съезд Советов наградил пролетариат этого города за храбрость и самоотверженность в боях против белогвардейских банд Юденича Почётным Революционным Красным Знаменем с прикреплённым к нему бое-

вым орденом Красного Знамени.

Воздавая должное доблести, мужеству и героизму комсомольцев — участников гражданской войны, Советская страна наградила орденом Красного Знамени Ленинский комсомол в дни празднования десятой годовщины Красной Армии в 1928 гду.

Помимо ордена Красного Знамени РСФСР, боевые ордена были учреждены также и в республиках Советского Закавказья (в Азербайджане, Армении и Грузии) и Средней Азии (Бухара и Хорезм). После образования Союза Советских Социалистических Республик Центральный Исполнительный Комитет СССР 1 августа 1924 года установил единый знак ордена Красного Знамени для всей нашей страны.

Молот рабочего и лемех крестьянского плуга, изображённые на ордене вместе с красной пятиконечной звездой и винтовкой солдата, олицетворяют единство советского народа — защитника мира. Пламя факела на орденском знаке горит в память тех героев, которые не щадили ни сил, ни собственной жизни в боях за свободу и независимость Советской Родины.

Н. Черников

ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА СССР

НА УЧЕНИИ

С утра погода стала портиться. С севера наплзли на берег серые тучи. Закапал мелкий декабрьский дождь.

— Совсем как у нас летом на Балтике, — сказал адмирал.

Он сидел в каюте и внимательно рассматривал карты.

В полдень крейсер вышел в море. Один за другим взмывали с его палубы в воздух вертолёты. Тарахтя, они боком уносились прочь от корабля и, как маленькие чёрные стрелы, повисали над горизонтом.

Вертолёты искали лодку. Они сбрасывали в воду буйки, и те короткими цепочками покрывали море.

Я поднялся в радиорубку. Там радисты принимали сигналы. Словно ожив от соприкосновения с водой, далёкие буйки начинали звучать. Я знал: плавая, буйки то и дело посылают в глубину короткие сигналы, похожие на сигналы спутника: клинг! клинг! . .

Но вот один из сигналов нашёл в глубине моря лодку и, отразившись от её корпуса, пришёл назад к бую, а потом по радио к нам: клинг! Слабое эхо прозвучало как сигнал тревоги:

«Лодка найдена!»

Вспарывая острыми носами свинцовую воду, к буйку уже неслись катера. На их палубах дрожали, уставясь в небо тулыми рыльцами, глубинные ракетные бомбы.

Залп! Дымные изогнутые следы повисли над водой. Бомбы обрушились на то место, где была обнаружена лодка. Белые столбики-всплески поднялись вверх.

Но взрывов не последовало. Там, где упали бомбы, вода раздалась и на поверхности показалась круглая, выгнутая, как спина кита, палуба. Из высокой горбатой рубки высунулась голова командира лодки.

Мы подошли.

— Быстро вы нас накрыли! — крикнул в мегафон на крейсер командир.

— Быстро-то быстро. . . — сказал адмирал и задумался.

Радисты уж отстукивали сигнал окончания учения, а он всё думал. Он считал, что каждое учение — это маленькая война, и вспоминал: не было ли в чём промаха.

С. Сахарнов

НАРУКАВНЫЕ ЗНАКИ, КОТОРЫЕ НОСЯТ СПЕЦИАЛИСТЫ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Мотористы, электрики, машинисты...

Радисты, акустики, радиометристы...

Торпедисты, минёры...

Боцманы, водолазы, химики...

Штурманские электрики, рулевые.

Ракетчики, артиллеристы...

Погон мичмана. Мичман - первый помощник офицера

Нарукавный знак нашивается на левый рукав.

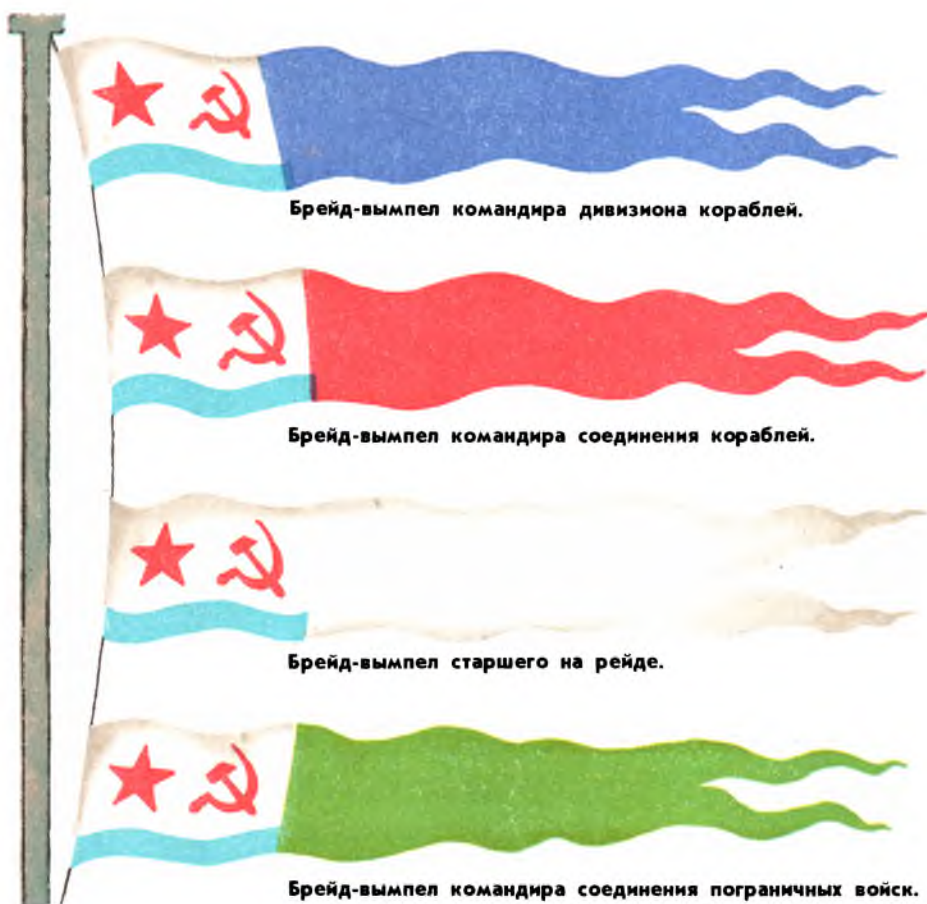
Форменная бляха матроса.

Флаг командующего флотом.

Флаг начальника пограничных войск округа.

Брейд-вымпел командира дивизиона кораблей.

Брейд-вымпел командира соединения кораблей.

Брейд-вымпел старшего на рейде.

Брейд-вымпел командира соединения пограничных войск.

1920-й год. Белоруссия. Кулацкие банды убивают коммунистов, красноармейцев, грабят эшелоны с продовольствием, которые белорусские крестьяне отправляют в Москву голодающим рабочим и детям. В ожесточённых схватках с бандитами участвуют юные коммунары — сельские пионеры. Им посвящена повесть белорусского писателя Павла Ткачёва «Сердце коммунара», отрывок из которой мы публикуем.

ЮНЫЙ КОММУНАР

Утреннюю тишину деревенской улицы разбудил громкий басовитый голос:

— Эй! Кому ведра, кружки, миски, рукомойники чинить! Эй, быстрее! Живей! Тому дешевле, кто скорее!

Стёпа был во дворе. Он выбежал за калитку, а жестянщик как раз подходил к их дому.

— Скажи, хлопчик, где тут у вас сельский Совет?

Стёпа с интересом рассматривал незнакомца. Высокий, худощавый, он нёс на плече, придерживая одной рукой, железную палку, на которую были надеты свёрнутые листы жести. В другой руке у него был деревянный сундучок. За спиной холщовая сумка. Одет

человек в короткий колушок, штаны на коленях до блеска замусолены, шапка сдвинута на самую макушку. Из-под неё выбивались чёрные блестящие волосы. Припорошённая седьмой борода окаймляла бледное усталое лицо.

— Чего молчишь? Может, ты немой? Или язык проглотил? — Жестянщик поставил на землю сундучок, смешливо прищурился, потом мигнул Стёпке: — Познакомимся? Как тебя зовут?

— Степаном.

— Вот как? Уже Степаном? А я было подумал — Стёпка.

Жестянщик подошёл и ласково поглядел в глаза мальчика.

— А по отчеству?

— Миколаевич.

— Как же, Стёпушка, мне попасть в сельсовет?

— Пройдёте прямо. Потом направо — в переулок. Немного по переулку — и налево. Дом увидите, хороший такой, большой. Там и есть сельский Совет.

— Ишь ты. Прямо-направо-налево. Так и заблудиться можно.

Стёпа засмеялся.

— Тогда пойдёте, покажу.

— Вёдра с дырками есть у вас, Степан Миколаевич? Тогда починю. Скажи матери, пусть несёт. Дома она?

— Нет у меня матери...

И отца тоже нет... На войне погиб. С дедом живу.

— Вишь какие дела... — Жестянщик помолчал, лицо его сделалось суровым. — Не горюй, Стёпа. У тебя дед есть, а у меня вот никого не осталось. Была жена и дочушка такая, как ты, убили их бандиты. Видишь, значит, кругом я сирота. Ещё тебя похуже, да не унываю.

За беседой незаметно подошли к сельсовету.

Жестянщик оставил свой инструмент на крыльце и вошёл в дом. Стёпка постоял, раздумывая: то ли ждать незнакомого дядьку, то ли сбегать к ребятам, рассказать о новом пришельце.

Но тут послышался голос:

— Стёпка! Иди сюда!

Мальчик обернулся и увидел, что дед стоит на крыльце вместе с жестянщиком.

— Отведи, внучек, Иосифа Иосифовича в хату. Он немного поживёт у нас. А у меня ещё тут дела есть.

Весть о том, что в селе появился жестянщик и что он остановился у Нечипора Цыганка, разнеслась быстро. Не успели Стёпка и Иосиф Иосифович зайти во двор, а там уже собрались женщины. Кто с чем пришёл: с ведром, с корытом, миской, чугуном...

Женщины обступили жестянщика, опасливо спрашивали, сколько он возьмёт за починку.

Иосиф Иосифович весело, поглаживая бородку, отвечал:

— За ведро — коровку, за миску — телёнка. Да ещё смотря с кого, а то и коровы не хватит. . .

Старая Авдуля не поняла, что он шутит.

— Корову? А что делать таким, как я, у которой коровы нет? — Старуха достала платок и вытерла слезящийся глаз.

Вперёд протиснулась тётка Фёкла — жена кулака Симона.

— Кровопийцев посбрасывали, новые нашлись! — визгливо закричала она, её толстый подбородок затрясся. — Зачем революцию делали? Чтобы рабочие-голодранцы нам на шею сели?!

— Вы, гражданочка, рабочих не трогайте. . . — строго поглядел на Фёклу Иосиф Иосифович. И потом весело продолжал: — Кто что может, хозяюшки, и сколько может, то и даст. Бульбу возьму, рожь. . . За всё буду благодарен. — Он протянул руку к старой Авдуле: — Давай, мамаша, твоё ведёрко я дёшево почию.

Целый день работал жестянщик. А к вечеру стали собираться во двор деда Нечипора женщины. Приносили плату за починку посуды: кто картошку, кто буханку чёрного хлеба, кто немного зерна. Пришла и Фёкла с котомкой бульбы. Запричитала, заохала:

— Гляди, какая уродилась. . . Мелкая, и так мало её. . .

«Вот старая врунья! — подумал Стёпа. — У них же столько бульбы, да крупная, одна в одну. Ни у кого такой на селе нет. Вот сейчас тебе Иосиф Иосифович скажет».

Но жестянщик молчал. Он только махнул рукой: ладно, мол, хватит того, что принесла.

А когда Фёкла ушла со двора, Стёпа поднялся и зло сказал:

— Ох и гадина! Скареда! Скопидомка!

— Ты кого это честишь, Степан Миколаевич? — спросил Иосиф Иосифович, присаживаясь на завалинку.

— Да тётку Фёклу! Я у них работал почти всё лето и осень. Так Симон дал мешок бульбы да сапоги старые. А когда договаривались о работе, новые сапоги обещал. Бульбу-то даёт, будто она последняя у них. А у самих жита полные закрома и бульбы столько, что не знают куда девать. Земли вон сколько хватал себе Симон. Всех сиrot да старух обобрал. . . И поп такой же жадюга, я у него сейчас работаю. Он и дружки его всем заправляют!

— Придёт время и на них, Степан, — как-то очень тихо проговорил Иосиф Иосифович и твёрдо добавил: — Придёт! . .

* * *

Рано утром Степан пошёл на работу к попу. Солнце только поднялось. Мальчик постучал в ворота. Попадья открыла калитку.

— Будешь бульбу перебирать. Иди к погребу. — Она зевнула и стала быстро крестить широко разинутый рот. — Ох, господи, помилуй нас, грешных! . .

Из сарая вышел звонарь с мешком картошки, молча высыпал её на землю перед Стёпой.

— Начинай! — сказала попадья. — Не лодырничай!

Скучное это дело — перебирать бульбу. Работа не тяжёлая, но канительная. Всё время, нагнувшись, бросаешь: крупную — в одну сторону, мелочь — в другую.

За плетнём проскрипела телега. Потом стукнула калитка, и Стёпа увидел: во двор вошла высокая, нескладная женщина. В кожаной, на голове тёплый платок, на ногах лапти.

Навстречу ей из сарая вышел звонарь.

— День добрый, — тихо поздоровалась женщина. — Дома ли отец Онуфрий? Ребёночек родился, окрестить нужно.

— Ребёночек, говорите? — ответил звонарь. — А отец Онуфрий хворый.

«Вот брешет, — подумал

Стёпа. — Поп же совсем здоров».

Ещё тише заговорила женщина:

— Хоть чуток покурить бы мне. Прямо уши опухли без курева. . .

Стёпа удивился: в жизни своей не видывал, чтобы женщина курила.

— Тише, Бодяга. Здесь мальчишка бульбу перебирает, как бы не услышал. — Звонарь протянул «женщине» недокурную сигарку. — На, бери!

— Да что этот мальчонка соображает!

— Они теперь все умники. Я здесь пожил, знаю. Не то что вы, там, в лесу.

«Женщина» хихикнула баском и со вкусом затянулась дымом сигарки. . .

Только теперь Стёпа понял, что это переодетый в женское платье бандит пришёл из леса к попу.

Скрипнула дверь. На крыльце появился отец Онуфрий.

— Вы ко мне? Ребёнка окрестить? Заходите, заходите, — поп показал рукой на открытую дверь в сени, — там и поговорим.

«Женщина», за нею и поп вошли в дом.

— А ты сходи за ведром к жестянщику! — крикнула попадья звонарю и подошла к погребу: — Ишь лодырь какой, чего так медленно перебираешь бульбу?

Хлопец не обратил внимания на её слова. Будто не слыша её, бросал то в одну, то в другую кучку одну картофелину за другой.

— Чего молчишь, Стёпка? — зло спросила попадьа.

— А? — Мальчик приподнял голову, недоуменно глядя на неё. — Вы о чём, матушка?

— Оглох, что ли? Вот и говорю я, что вырастешь ты лентяем, лежебокой! Зазевался, как ворона, не слышишь даже, что тебе говорят.

... Уже темнело. Стёпа отряхнул руки, собрался домой и тут увидел: по дороге, оглядываясь, бежит звонарь. Забежал во двор, прикрыл за собой калитку, взглянул через плетень на улицу и потом исчез в сениях.

Стёпе очень захотелось узнать, что делается в доме у попа. Но как? «Пойду спрошу попадью, можно ли уйти домой», — решил он, быстро взбежал на крыльцо, вошёл в сени и остановился. Дверь в горницу была чуть приоткрыта, оттуда доносились голоса.

— А ты, часом, не обознался? — спрашивал поп.

— Нет, нет, — говорил звонарь. — Никакой ошибки нет. Я видел его в ЧК, когда сидел там, и хорошо запомнил. Теперь он здесь, выдаёт себя за жестянщика, бороду отпустил, ходит по всему селу, всё вынюхивает. Живёт у деда Нечипора.

Стёпа затаил дыхание. Только сердце — тук-тук-тук!

В горнице помолчали, потом снова заговорил отец Онуфрий:

— Так... Значит, передай Чёрному мой приказ: сегодня ночью надо схватить жестянщика.

— Слушаю, отец, — ответила «женщина». — И ещё...

Что «ещё», Стёпка не стал слушать. Он на цыпочках вышел из сеней, спустился с крыльца, пробрался вдоль плетня к стволу старой груши и там, перемахнув через плетень, бросился бежать домой. Запыхавшись, будто за ним гнались собаки, влетел во двор.

Иосифа Иосифовича на обычном месте не было. На лавке лежали инструменты, рядом стояло починенное поповское ведро и два чьих-то других.

«Наверное, он в хате!» Стёпка вскочил на крыльцо, рывком распахнул дверь.

Жестянщик сидел за столом и ужинал.

— А-а, Стёпушка! Ты чего? Может, попадьа за ведром прислала?

— Нет-нет! — едва переводя дыхание, проговорил Стёпка.

— Вот поем — сам отнесу, — продолжал Иосиф Иосифович, — работы всё равно на сегодня больше нет.

— Не ходите туда! — взвол-

нованно заговорил Стёпа. — Не ходите туда, дядечка, они убьют вас!

— Меня? — Иосиф Иосифович удивлённо поднял брови и усмехнулся. — Кто же это собирается убивать меня?

— Звонарь! — торопливо и сбивчиво заговорил Стёпа. — И ещё там из леса пришёл человек, сидит в горнице у попа. Одет женщиной, курит, разговаривает, как мужик, и зовут его «Бодяга». Они знают, что вы не жестянщик, а в ЧК работаете. Помните, приходил звонарь, приносил чинить ведро от попадьи, так вот тот звонарь и узнал вас. Сказал отцу Онуфрию, что видел вас в ЧК, когда сидел там. . .

— Успокойся, Стёпа, успокойся и давай по порядку рассказывай, где, как услышал этот разговор.

Иосиф Иосифович отодвинул миску с капустой, положил рядом ложку и недоеденный кусок хлеба. Он внимательно слушал, время от времени задавал вопросы, просил вспомнить подробности. Наконец мальчик закончил рассказ.

— Та-ак! — задумчиво протянул Иосиф Иосифович. — Скажи, Стёпа, есть у тебя тут друзья-товарищи надёжные?

— А как же, у нас в селе юные коммунары и штаб коммунарский: Витя Маховик, Марыля Цвирка. . . Если надо, и других позовём.

Иосиф Иосифович задумчиво поглядел в окно:

— Нет, больше не надо. Зови сюда коммунарский штаб.

Стёпа вскочил с лавки и убежал. Вскоре он вернулся, и с ним Марыля и Витя.

— Так быстро? — удивился Иосиф Иосифович. — Я даже со стола не успел убрать. Садитесь, коммунары, сюда, к столу. Стёпа по дороге уже рассказал вам, в чём дело?

Марыля и Витя согласно кивнули.

— Так вот, ребята: когда станет совсем темно, глядите-ка хорошенько за попом, звонарём и Симоном. Да так, чтобы они вас не увидели, а вы примечайте всё. Только будьте осторожны, не попадитесь им на глаза. Через несколько часов я вернусь с подмогой.

Иосиф Иосифович поднялся, стал одеваться.

Ребята вскочили с лавки: — Ну, мы пошли!

— До свидания, коммунары, — серьёзно ответил Иосиф Иосифович, — действуйте!

Марыля с Витей вышли из хаты.

Иосиф Иосифович достал из кармана пиджака револьвер. Покрутил барабанчик, там блеснули патроны.

— Инструмент убри куда подальше, — обратился он к Стёпе. — Если будут спрашивать, скажешь, что я пошёл в

село Михалёво. Всю посуду, мол, в Городище уже починили и ушёл в Михалёво, завтра там работать буду. Понял?

Иосиф Иосифович крепко пожал мальчику руку, быстро вышел из хаты и скрылся в ночной темноте.

Поздно вечером Марыля и Стёпа встретились у церковной ограды. Стёпа послал Витю следить за домом Симона, Марылю — за хатой звонаря, а сам решил присматривать за поповским домом.

— Не боишься? — спросил Стёпа Марылю.

— Чего бояться? — отозвалась девочка и зябко повела узкими плечиками. Стёпа понял: боязно ей.

— Коли что, сигнал подавай. Свистеть умеешь?

— Сумею, — шёпотом ответила Марыля.

... Тихая осенняя ночь. Даже лёгкий ветерок не шелестит сухими опавшими листьями...

Павел Ткачёв

ЛЕСНАЯ АКАДЕМИЯ

По старинной детской песенке

Как-то летом на лужайке
Очень умный Майский жук
Основал для насекомых
Академию наук.

Академия открыта!
От зари и до зари
Насекомые лесные
Изучают буквари:

А — акула, **Б** — берёза,
В — ворона, **Г** — гроза...
— Шмель и Муха, не жужжите!
Успокойся, Стрекоза!

Повторяйте, не сбивайтесь:
Д — дорога, **Е** — енот...
— Повернись к доске, Кузнечик!
Сел ты задом наперёд!

Ж — журавль или жаба,
З — забор или змея...
— Не смеши Клопа, Комарик,
Персядь от Муравья!

И — иголка. **К** — крапива,
Л — личинка, липа, луг...
— Ты кому расставил сети?
Убирайся, злой Паук!

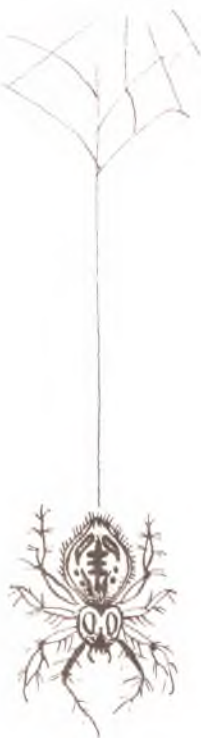
М — медведь, мышонок, море,
Н — налим, а **О** — олень...
— В академию не ходят
Те, кому учиться лень!

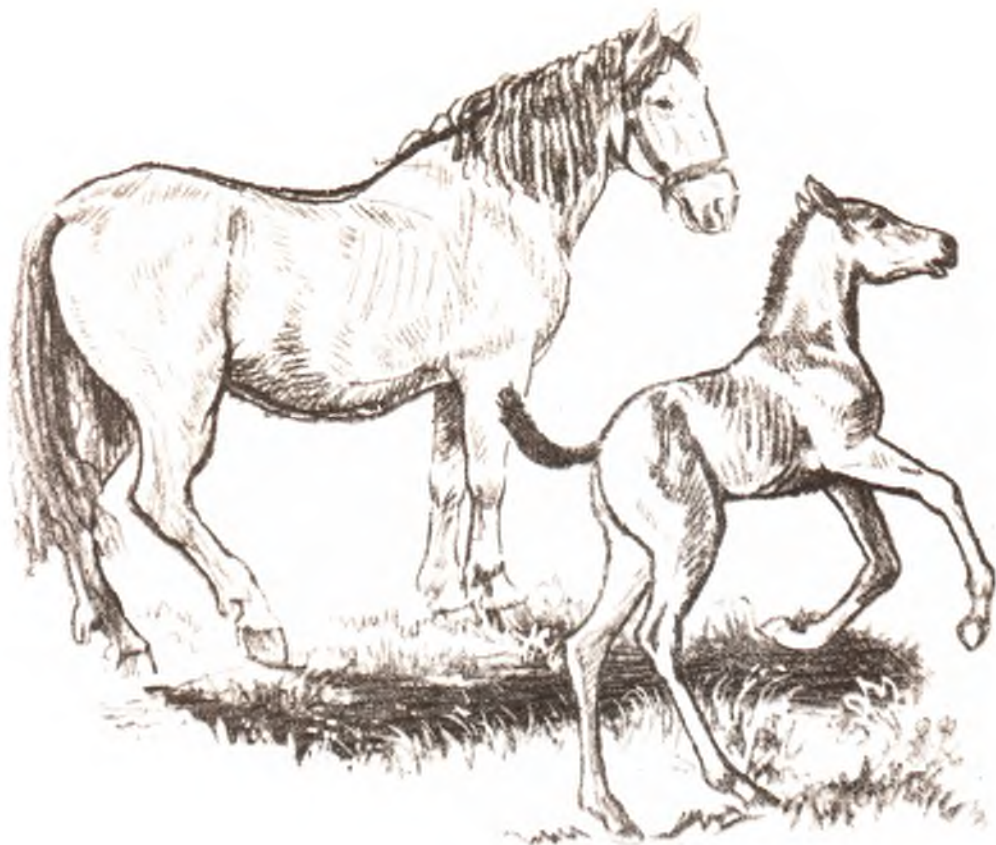
П — петрушка, **Р** — ромашка.
С — сучок или сморчок...
— Таракан, не корчи рожи!
Не подсказывай, Сверчок!

Т — травинка, **У** — улитка,
Ф — фиалка, **Х** — хорёк...
— После первой перемены
Мы продолжим наш урок!

Учат азбуку букашки,
Чтобы грамотными стать,
Потому что это мало —
Только ползать и летать!

Сергей Михалков

ЖЕРЕБЁНОК

К вечеру на приречный луг выпускали рабочих коней. С ними выходил и гнедой жеребёнок с белым мячиком на лбу.

Жеребёнок, как все малыши, принимался играть: то мордочкой ткнётся в бок матери, то защекочет губами шею грудастого мерина, по кличке Барон, и тот, вздохнув, фыркнет, то норовит пролезть под брюхом серого жеребца — дерзость невероятная! И удивительно: наработавшиеся за день колхозные кони снисходительно и терпеливо сносили все шалости сосунка.

А он был неутомим. То пробежится по лужку, то ляжет и давай качаться. Охота ему с одного бока перевернуться через спинку на другой бок. Вот и сейчас, примяв траву, тужится, ловчится, двигает ногами, постёгивает себя хвостиком... Рррраз! — не удалось. Ещё ррраз! — и опять неудача. Обиженно приподнял из травы шею, сердясь, мотнул головой.

Я понял его: жеребёнок хотел убедиться, глядят ли на него кони, и если глядят, то как расценивают его конфуз. Нет, они паслись. Только кобылица-мать поглядывала на игрунка сына не то с укоризной, не то с одобрением.

Теперь он ещё пуще разошёлся: раскачивается, двигает передними и задними смешными тонкими ногами с копытцами, натёртыми травой до блеска, нагибает шею, крутит хвостом. И вдруг удалось перевалиться! Заржал от радости. Заржала и мать-кобылица.

Теперь сосунок, как я и ожидал, надумал перекатиться в обратную сторону — как лежал. Раз шесть, наверно, вскидывался он, пока не добился нужного толчка. Но... что случилось?.. Прошло захватывающее мгновение, а он держится на спине — ни туда ни сюда. Над ним небо. Над ним — глаз уловил в небе — коршун с большущими раскинутыми крыльями. Вот-вот ринется когтит... его. Как он струхнул! В отчаянии диким рывком перевернулся-таки, как хотел, вскочил на ноги, заржал, поджал уши, крепко взбрыкнул — вот тебе, коршун! — припустил по луговине галопом.

Топы-топ, топы-топ, топы-топы-ы...

Всех коней переполошил; они подняли головы и с минуту недоумевающе глядели на шалуна, соображая, что с ним. Убедившись, что всё в порядке, кони, наверно, вспомнили в этот миг, что и у них было такое же лёгкое, с шалостями детство. Только давным-давно...

Как лопастями весла, хлестали время от времени лещи по Сутке, красное закатное солнце лилось на траву, и кони окунали в него морды.

В. Бочарников

БОБЫ и АЛЬБАТРОС

Рассказ

По-моему, из всех самых вкусных вещей на всём белом свете ничего нет лучше свежих бобов!

С самой ранней весны, когда снег ещё только-только начинал чернеть, я доставала с полки мешочек с заветными семенами, тщательно перебирала их, подготавливала к посадке. Нянчилась я с ними так, будто бобы были самыми невиданными растениями, хотя, в сущности, они очень неприхотливы.

Когда сходил снег, я раскапывала под окном грядку, высаживала проращённые в блюдечке семена и с нетерпением дожидалась всходов.

Вслед за первым плотным листком появлялся второй — матовый и нежный. Бобы выгоняли крепкий четырёхгранный стебель, потом между стеблем и черенком листа возникала грудка цветов.

Цвели бобы кучно. Под листьями раскрывалось сразу по нескольку белых цветков с чёрной ластовицей у самой чашечки. А из каждого цветка, как лезвие маленького кинжальчика, выглядывал будущий стручок.

Стручки с каждым днём надувались, толстели. Мохнатая тёмно-зелёная кожица на них светлела, становилась похожей на пыльный серый бархат.

Вкуснее всего были бобы, когда кончик стручка начинал чернеть. Мясистые, крупные зёрна тогда ещё не были фиолетовыми. На белой плёнке, покрывавшей мучнистую, сладковатую мякоть, только едва намечались тёмные прожилки. Грызть эти приплюснутые, глянцевитые лепёшки мне очень нравилось. А ещё больше любила я вскрывать стручки...

В ту весну, когда случилась эта история, мне не пришлось самой сажать бобы: зимой я часто болела и учебный год заканчивала в детском санатории. Бобы по моей просьбе посадила тётя Устинья. Домой я вернулась окрепшая и весёлая.

У калитки меня встретила незнакомая колченогая собачонка. Она пронзительно лаяла и виляла длинным, почти голым хвостом. И вся она была словно голая. Короткая чёрная шерсть лоснилась на длинном, низеньком теле, уши свисали до земли.

Я остановилась в нерешительности.

Тётка выбежала на крыльцо и крикнула:

— Альбатрос! Сюда!

Собака послушно повернула к дому, а я громко рассмеялась.

— Ты чего?..

— Эта уродина — Альбатрос?.. Знаешь, альбатросы какие? Это же огромные птицы! У них крылья в размахе больше трёх метров! Они у берегов Австралии живут, в океане! Мы по географии проходили...

— Ну да?.. — изумилась тётка.

— Да! — подтвердила я и, присев перед собакой, чтобы получше разглядеть длинномордое чудовище, спросила: — Кто же это её так обозвал?

— Дядя твой, кому же больше... Сашке Чекалину помог до срока трактор наладить, вот Сашка ему и преподнёс подарочек.

Понятно! Это, уж конечно, Сашка придумал имечко. Он на флоте мотористом служил, в кругосветное ходил... Где он только раскопал такую невидаль?

А «невидаль» уже крутилась возле моих ног и ласково повизгивала.

Альбатрос не был гордым псом. Он начал ко мне подлизываться сразу же, как только почуял, что я — своя.

Хоть я и не чувствовала себя после санатория больной, дома меня всё ещё щадили и не брали помогать взрослым в поле. Зато уж в огороде я навела порядок!

По утрам я брала лейку, маленькую цапку и отправлялась в гряды. Альбатрос бежал впереди. Пока я полола, он неуклюже сидел в бороздке на коротеньких лапках и умильно заглядывал мне в глаза, будто всё время рассказывал что-то своё, собачье.

Всё в огороде росло буйно, а бобы — особенно. Стручки наливались на глазах. Я оглядывала их и замечала, какие сорву раньше, а какие потом, мечтала, как буду угощать ребят своим любимым лакомством.

Как-то утром я выглянула в окно и обмерла: моя бо-

бовая грядка была изрыта вдоль и поперёк! Измятые, истерзанные растения валялись тут и там, доживая, казалось, последние минуты. А в бороздке, сладко потягиваясь, нежился Альбатрос.

— Бобы!!! — взывала я. —

Скотина! Подлая собака!..

Я бросилась в огород, готовая растерзать несносное животное, но Альбатроса и след простыл! Закидывая короткие ноги куда-то вбок, он перемахнул несколько грядок и шмыгнул под забор.

Часа два провозились мы с тётей Устиньей, прикапывающая уцелевшие стебли.

— Не реви, — уговаривала она, — бобы приживчивые, поднимутся...

Они и правда поднялись. Только в местах, которых коснулись собачьи когти, остались чёрные полосы.

Альбатроса я больше не ругала, но он, чуя неладное, меня сторонился. Не заигрывал, не вскакивал на колени и в огород не провожал. Когда никого, кроме меня, не было в доме, он лежал на своей подстилке у двери, сверкал желтоватыми белками умных глаз в мою сторону, и мне казалось, что пёс не желает больше разговаривать со мной. Он даже перестал со мной здороваться! Всем своим видом он показывал, будто это не он, а я была в чём-то виновата.

Надвигалась сенокосная пора. Оставаться в эту пору дома — чистое наказание. Я упросила дядю Федю починить мои старые сандалии, чтобы не колко было ходить по кошеному, — собралась со всеми ездить в луга.

Дядя Федя принёс шило, дратву и уселся у окна за работу. Я вертелась около.

Вдруг за окошком как-то странно и пронзительно заверещал петух:

«Ква-а-ах, кух-кох!...»

Мы глянули и увидели це-

лое облако красных перьев и пуха. На моей бобовой грядке Альбатрос терзал соседского петуха!

— Цыть! — гаркнул дядя Федя.

Собака выпустила птицу, и петух зашагал прочь.

Так вот в чём дело! Я вспомнила, что в прошлый раз на грядке мы с тёткой Устиньей тоже видели красные перья...

Бобы были безнадежно загублены. Но я их больше не жалела. Мне хотелось загладить свою вину перед Альбатросом. Ведь добрый пёс спасал мои бобы! И разве он виноват, что делал это неумело?..

С перепугу пёс забился под крыльцо. Он не хотел выходить на мой зов. Тогда я сама к нему полезла. Он глядел на меня настороженно и виновато повизгивая. Я погладила длинную, узкую мордочку, ласково помяла мягкие, тёплые уши. В полутьме блеснули желтоватые белки, но не сердито, а приветливо.

— Красавец мой, умница... Хорошая собака, — говорила я Альбатросу и гладила короткую, чёрную шерсть.

Пёс тыкался холодным носом в мои ладони и всё рассказывал, рассказывал, даже подвывал тихонько. И я понимала, о чём он говорил.

Тамара Волжина

КОЛОКОЛЬЧИК

Неказистый, неприметный,
Он качает головой,
Не серебряный, не медный
Колокольчик голубой.
Колокольчик молчаливый —
Это маленький цветок,
Перезвоны-переливы
Не разносит ветерок.

Евгений Ильин

ОДУВАНЧИК

Одуванчик у дорожки
В пышной шапке,
С длинной ножкой.
Я нашла его в лесу,
Но с собой не унесу:
Лишь возьму его в букет,
Дунет ветер — шапки нет!

Л. Агричёва

МАК

Только солнышко взойдёт —
Мак на грядке расцветёт.
Бабочка-капустница
На цветок опустится.
Поглядишь —
А у цветка
Больше на два лепестка!

Е. Фейерабенд

ВЕРБЛЮД ИСРОПИЛА

Ещё издали я увидел во дворе у Сулеймана Исропила. Они о чём-то спорили и размахивали руками. Я подумал, что дело тут пахнет ссорой. Не успел я вбежать в калитку, как Сулейман закричал:

— Послушай, что он говорит! — И сам продолжал: — Он говорит, что отец купил ему верблюда!

Я опешил. Откуда в наших краях взяться верблюду? Есть у нас кони и буйволы, держат осликов, но верблюда... Правда, однажды я видел верблюда, когда ездил с мамой в Грозный. Там на базаре один приезжий из Ногайской степи торговал арбузами. Вот у него и был верблюд. Он стоял привязанный к возу и жевал арбузную корку. Я не побоялся подойти к нему. Хотел погладить его по морде, но не достал. Верблюд посмотрел на меня умными глазами и сам нагнул голову. Я долго гладил его по голове и думал, что, наверное, дома у него есть похожий на меня мальчишка, которого он

любит. Но чтобы верблюда купили Исропилу, этому я не мог поверить.

— А слона тебе, случайно, не купили? — спросил я.

Исропил высокомерно посмотрел на меня и ничего не ответил. Это меня немного озадачило. Если бы он стал спорить и доказывать, то сразу было бы видно, что он всё выдумал.

— Кто это купил тебе верблюда? — недоверчиво спросил я.

— Отец. — Он снова замолчал, словно всем своим видом хотел показать: не веришь — не надо.

Я заколебался. Больше всего смутило меня то, что он сказал: «Отец». «Если бы выдумал, то не стал бы примешивать отца, — подумал я. — Отец Исропила уважаемый в нашем Сунжа-Юрте человек. Работает он в колхозе бригадиром». Но тут я вспомнил слова, которые часто говорит моя бабушка: «Бывает и у достойного отца сын дуралей». Это она так

говорит, когда ругает меня. Может и у такого уважаемого человека, как отец Исропила, быть брехливый сын. «Но зачем ему так врать, — думал я, рассуждая сам с собой, — ведь это в два счёта выяснится». А мне очень даже хотелось, чтобы всё это оказалось правдой и у нас в ауле появился верблюд. Но на всякий случай я всё же сказал:

— Ври, ври, ты это умеешь, будто кончил специальные курсы.

— А ты молчи, Це модж, — ответил Исропил.

— Не надо ссориться, — примирительно сказал Сулейман, обняв одной рукой меня, а другой — Исропила. — Ты лучше скажи, для чего вам верблюд?

Меня разбирало такое любопытство, что я даже пропустил мимо ушей «Це модж» и ждал, что ответит Исропил.

— Кататься на нём буду... — начал он неуверенно, а потом пошёл: — Молоко будем доить. Знаете, какое у него целебное молоко? А шерсть? Да он столько шерсти даёт!..

Можно было подумать, что Исропил всю жизнь разводил верблюдов.

— Я даже сегодня катался на нём! — похвастал он под конец. Мне стало завидно. Я попытался вспомнить, на ком и на чём катался я в своей жизни. На коне объездчика дяди Инала — раз. Это я только так

сказал — раз, а на самом деле он часто поручает мне то отвести куда-нибудь коня, то искупать его и кататься разрешает, сколько захочу. Много раз катался я и на осликах — это два. На буйволах — три. Катался я на машинах, большей частью на грузовиках, но и на легковых случалось проехаться — четыре. Нет, уже пять. На тракторе дяди Холака — шесть. Когда ездил в город, катался на трамвае — семь. А вот на верблюдах — на верблюдах не случалось.

— А ты нам с Сулейманом разрешишь покататься? — вырвалось у меня неожиданно.

— Ещё чего захотел! — Взгляд Исропила был для меня сейчас больней, чем удар. — Ты ещё не знаешь, с какой стороны к нему подойти, а уже хочешь кататься. Он тебя в два счёта сбросит. А потом... потом твоя бабушка...

— Что моя бабушка? — не понял я.

— Она... уж очень крикливая, — выдавил Исропил.

В следующую минуту он бы, наверное, полетел на землю. Но не успел я броситься на него, как перед нами будто изпод земли выросли мой дядя Абу и его друг объездчик дядя Инал.

— Э-э, как мне известно, драчуны никогда не были в почёте у горцев, — сказал дядя Инал, становясь между мной и Исропилом.

А дядя Абу добавил:

— К тому же я думаю, что нет серьёзной причины для вражды между моим племянником Гапуром и уважаемым Исропилом. Правда?

«Уважаемый» Исропил в ответ только засопел носом. Я тоже ничего не ответил. Как-то не хотелось жаловаться взрослым.

— Ничего, они помирятся, — сказал дядя Инал, улыбаясь своей доброй улыбкой. — Гапур хоть и вспыльчив, но отходчивый.

Я удивился: откуда дяде Иналу это известно? Я и вправду отходчив, не могу долго злиться. Сколько раз я ссорился с Исропилом, а потом всё прощал ему. Не сержусь даже за то, что он прозвал меня «Цемодж» — «краснобородый». Впервые, у меня сейчас нет бороды, значит, это неправда. А когда моя борода вырастет, то будет чёрная, как и мои волосы, а никакая не красная. Много я прощал Исропилу. Но то, что он так отозвался о моей бабушке, этого я ему простить не мог. Не успели дядя Абу и дядя Инал отойти от нас, как я сказал:

— А ну, бери свои слова обратно!

— Бери, бери, — поддерживал меня Сулейман.

Исропилу ничего не оставалось делать. Да, по правде говоря, он, наверное, и сам не рад был, что так сказал, и те-

перь хотел загладить свою вину.

— Да я и не думал ничего, — пробормотал он.

— Ну ладно, — важно сказал Сулейман, — миритесь.

И мы протянули друг дружке руки. Сулейман только и ждал этого. Им снова овладела мысль о верблюде.

— Хороший ты друг, нечего сказать, — упрекнул он Исропила. — Попросили тебя дать покататься, а ты... Ну ладно, не хочешь — не надо. Покажи хоть, где он, твой верблюд.

— Пасётся, — сказал Исропил.

— Да где пасётся?

— На берегу Сунжи, — подумав, ответил Исропил.

— А он не убежит? — забеспокоился Сулейман. — Он же ещё не привык, наверное, к новому месту. Корова от стада отобьётся и то не всегда может найти дорогу к дому. А ведь корова — своя, а верблюд — чужой.

— Он привязан. Возле карагачей, — сказал Исропил.

— Тогда хорошо, — обрадовался Сулейман, — пошли!

Исропилу не очень хотелось вести нас к верблюду. Он стал было говорить, что верблюд ещё не привык к нам и может испугаться, и что самому ему сейчас некогда и надо идти домой, и лучше будет, если мы придём посмотреть верблюда завтра или послезавтра. Но мы с Сулейманом стояли на своём.

Мы совсем не собираемся пугать верблюда. Если Исропил не хочет, мы и близко к нему не подойдём, посмотрим издали, и всё. Он нас даже не заметит. А домой Исропил успеет. До Сунжи всего-то пять минут ходьбы. Мы обняли Исропила с двух сторон и пошли к Сунже. Хоть и неохотно он шёл, а всё же я подумал, что дело движется на лад. Может быть, удастся не только издали посмотреть на верблюда, но и погладить его, как гладил я того, на базаре в Грозном. А может быть, если Исропил увидит, что верблюд нас не боится, он разрешит нам покататься.

Мы дошли до конца крутой улочки. За последним домиком с возвышенности открывалась пойма Сунжи. Мы с Сулейманом во все глаза глядели в ту сторону, где возвышались карагачи.

— Ты видишь? — спросил Сулейман.

— Нет, а ты?

— И я нет.

И в самом деле, на берегу паслись две коровы, лошадь и несколько осликов. Но верблюда не было нигде.

— Да вон он, — сказал Исропил, вглядываясь в даль.

Тут уж мы с Сулейманом чуть не сломали глаза. Я поду-

мал: «Может, он лежит за кустами или, может, его заслоняет ствол дерева?»

— Я что-то его не вижу, — жалобно сказал Сулейман.

Исропил махнул рукой, словно хотел сказать: «Ну и бестолковые вы оба!» Но ничего не сказал и стал спускаться вниз. Мы — за ним. Вот уже мы прошли мимо кустов, мимо родничка, бывшего из-под земли. Вот они, карагачи. К стволу одного из деревьев на длинной верёвке был привязан большой ишак. Когда мы приблизились к нему, он поднял голову и неистово завопил: «Иа-иа-иа!..»

— Узнаёт меня, — заулыбался Исропил, — привык уже.

— Кто привык? — не понял Сулейман.

— Как — кто? Верблюд.

— Что-то я не вижу здесь верблюда, — растерянно оглядываясь, проговорил Сулейман.

— У тебя что, зрение испортилось? — спросил Исропил. — И у тебя тоже? — посмотрел он на меня, насмешливо улыбаясь.

Сулейман всё ещё стоял, недоуменно оглядываясь, и тербил рукой свои волосы, но я уже догадался, что Исропил нас здорово провёл и теперь будет смеяться и всем рассказывать, как ему удалось нас обмануть. Надо было срочно что-то придумать, чтобы сам он остался в дураках. А Исропил,

не обращая на нас внимания, продолжал гладить ишака, приговаривая:

— Хороший мой верблюд, я тебя буду кормить чистым зерном, буду поить родниковой водой...

— Ты его лучше шоколадными конфетами корми и сливочным печеньем. Верблюды любят конфеты и печенье, — посоветовал я.

— Верблюды? — словно очнулся после сна Сулейман. — А где же у него горб?

— Это безгорбый верблюд, — сказал Исропил, — такая порода новая. Их теперь специально разводят — безгорбых.

— Но ведь это ишак! — закричал Сулейман чуть не плача.

— Сам ты ишак! — засмеялся Исропил.

Он отпустил голову ишака и сделал шаг вперёд, продолжая насмешливо улыбаться. И тут тихий и мирный Сулейман, который никогда не лез в драку, вдруг тоже шагнул навстречу Исропилу и толкнул его в грудь. Толкнул он не очень сильно, но всё же Исропил не удержался на ногах, качался и попятился назад. И спиной налетел на ишака. В следующее мгновение раздался истошный крик. Мы даже не поняли, кто кричит. Думали — ишак, а оказалось — Исропил. Это ишак схватил его сзади зубами за спину. Он

вцепился в Исропила словно собака. И только тогда, когда я подскочил и ударил его хвостом, он отпустил Исропила и отбежал. Исропил продолжал плакать, поёживаясь и подёргивая плечами. Я подошёл к нему и поднял рубашку. На спине Исропила чётко отпечатались следы укуса.

— Ну и кусачие эти без-

горбые верблюды, — сказал я, — ни за что не стану на нём кататься, и не проси меня об этом!

— И я не стану, — сказал Сулейман, поняв наконец мою мысль, — и тебе не советую, Исропил, — добавил он важно, как мой дядя Абу.

Ахмет Ведзижев

МОРЕ ЛЮБИТ ТАНЦЕВАТЬ!

Море любит танцевать:
Шаг назад и шаг вперёд.
Море любит танцевать
И танцует круглый год.

С неба смотрят облака
И завидуют волнам,
Потому что облака —
Ты, конечно, видел сам —

Не умеют танцевать:
Шаг назад и шаг вперёд,
И едва ползут туда,
Куда ветер их несёт.

А весёлая луна
Не завидует волнам,
Потому что иногда,
Ты, конечно, видел сам,

Вместе с ними — раз-два-три!
Шаг вперёд и шаг назад —
Пляшет в море до зари,
Брызги весело летят!

Море любит танцевать:
Белой пеной в бубен бьёт,
Море любит танцевать
И танцует круглый год!

Морис Карел

ЗДРАВСТВУЙ, СОЛНЦЕ!

— Здравствуй, лес! —
Кричит мальчишка.
— Здравствуй, мальчик! —
Крикнул лес.

— Луг, привет! —
Кричит мальчишка.
— Добрый день! —
Ответил луг.

— А со мной? —
Сказало солнце. —
Поздоровайся со мной!
Ты забыл меня,
Как будто мы поссорились с тобой!

— Я кричал тебе всё утро:
«Здравствуй, солнце!»,
Но в ответ
Доносился почему-то
Только слабый сонный свет.
Ты ещё спало, наверно,
Завернувшись в облака. . .
Здравствуй, солнце!
Здравствуй, небо!
Я бегу к тебе,
река!

Морис Нарем

ЖИЗНЬ НА ПЕСКЕ

Пустыню можно увидеть на самом юге нашей страны. Похожа она на жёлтое море. Только вместо воды — песок, вместо волн песчаные холмы, барханы, а вместо белой пены на волнах — серые кусты саксаула. Жарное синее небо над ней. А в небе белое раскалённое солнце.

Ни прохлады, ни тени вокруг. Сухие пучки колючей травы. Почерневшие камни. Горячий песок.

Но и в пустыне есть жизнь. Особая, удивительная. Жизнь на песке...

САКСАУЛ

Саксаул — дерево пустыни. Ствол у него крепкий, как кость, и тяжёлый, как камень. Сучья крученые-перекрученные. А вместо листьев зелёные веточки.

Ни свежести в саксауловом лесу, ни пёстрых цветов, ни звонких птичьих песен. Пусто и тихо. Лес без тени, без листьев. Таинственный и молчаливый.

ЗАРАЗИХА

Заразиха даже на голом песке растёт. Но в глубине она, как пиявка, присасывается к корням куста и сосёт из них соки. Куст от этого болеет и чахнет, а **заразиха** знает растёт, цветёт да хорошеет! Красивый, но опасный цветок. Вредная заразиха.

ЖУК С РУЖЬЁМ

Жук-медляк с перепуга... становится на попа! Встанет, наведёт на обидчика костяной «хвост» — словно прицелится.

«Хвост» — его ружьё. Только стреляет оно не дробью, а ядовитыми брызгами. Все обитатели песков хорошо знают стреляющего жука и обходят его стороной. А то как пальнёт, так потом начинаешься!

СЕТЧАТАЯ ЯЩУРКА

Сетчатой её называли за чёрную сеточку на золотистой спине. Таковую на песке не сразу увидишь. Ползает незаметно и водит над песком носом. А как унюхает, начинает копать. Хоть с головой в песок закопается, но непременно вытащит из него вредную личинку. От ящурки не спрячешься, нос у неё сквозь песок чувствует!

СТРЕЛА-ЗМЕЯ

Много про неё страшных рассказов: и ядовита, и прыгает, и летает. И даже может пронзить на лету человека!

А на самом деле страшна она одним только ящерицам. Как увидит—метнётся стрелой! Только песчинки зашелестят. А потом снова на куст: нежится на солнце и ветерке.

ПОЛОСАТИК

Ранним утром бродят по пескам жуки в полосатых пижамках. Вид у них деловитый и занятой. Спешат они закусить опавшими лепестками и вялыми листиками. И страх не любят, чтобы им мешали! Пальцем тронь — сейчас же съежатся и заскрипят сердито. Так и слышится: «Пройди, проходи! Не отвлекай от важного дела!»

ГЕKKON

Сцинковый gekkon — ночная ящерица. Трудно её в темноте увидеть. Но, бывает, gekkon сам приходит к костру. Встанет в сторонке и смотрит. И огромные глаза его светятся красным светом. А хвостик виляет, чешуйки на хвостике трутся и немного стрекочут.

Смотрит gekkon на костёр и удивлённо протирает глаза свои. . . языком!

ГРИБЫ

И в пустыне растут грибы! Прямо из горячего песка. И можно их собирать. Только приходится поторапливаться. А чуть задержишься — грибы на корню высохнут. Как этот вот гриб. И придёт-ся тогда сразу сушёные грибы собирать!

ТАРАНТУЛ

Не обидели песчаного тарантула глазами — восемь глаз у него! И восемь ног. На охоту тарантул выходит ночью. Носится по пескам со всех восьми ног, смотрит во все восемь глаз. Никакому насекомому от него не спрятаться, не убежать.

Руками его лучше не трогать — укусить может.

УШАСТАЯ КРУГЛОГОЛОВКА

Круглоголовка любит стоять на самом гребне бархана. И очень она тогда на собачку похожа. Лапки кривые, голова круглая, хвост скручен кренделем. Ещё и виляет хвостом, как дворняжка!

Но не вздумай эту «собачку» погладить! Как подпрыгнет, как фыркнет да так рот разинет — до ушей! Даже и шире. В углах рта развернутся у неё два кожистых веера — словно красные уши. Рот с ушами: кому страшно не станет!

УДАВЧИК

Не удав, а удавчик: ростом он всего в метр. А в остальном как настоящий удав. Обовьёт ящерицу, задушит и целиком проглотит. Потом сунет в песок голову и... уйдёт в него, словно в воду! Легко в песке ползёт — как в воде плавает. Выставит из песка одни только глаза и смотрит: нет ли кого поблизости? Сам никому не виден. А ему видно всё.

ВАРАН

Варан бывает в полтора метра! За такой рост его крокодиллом зовут. Любит «крокодил» проверять норки песчанок: в них всегда кто-нибудь прячется от жары. Найдёт удавчика или черепашку — хорошо. Агаму, геккона — тоже неплохо! Фалангу, скорпиона, песчаного таракана — вполне съедобно. Жука, бабочку, гусеницу — подавай только! А зазевается сама хозяйка норы, песчанка, — лучшего ему и не надо. Ему всё хорошо, ему всё на пользу.

САКСАУЛЬНЫЙ ВОРОБЕЙ

Гнездо этот воробей строит в дупле саксаула. Знает, наверное, что солнце иногда так нагревает ствол саксаула, что яички в гнезде и насиживать не надо. Залетай только в дупло да переворачивай! А в свободное время можно по веткам беззаботно попрыгать, с соседями почирикать, на водопой к колодцу слетать.

САКСАУЛЬНАЯ СОЙКА

Жители пустыни называют её «чир-чире». Далеко слышен её громкий крик: «Чир-чир-чир-чир!» А ещё её зовут иноходцем — за быстрый бег. Целый день носится сойка по песчаным барханам, хватая ящериц и жуков. А когда досыта наестся и накричится, любит тихонечко посидеть на саксауле. За это её, наверное, и называли саксаульной сойкой.

ЧЕРЕПАХА

Не такие уж черепахи неповоротливые, какими их все считают. Могут на кручи вскарабкаться, могут съехать с горы на щитке. Землю копать умеют. И даже бегают!

Бегают черепахи весной—играют в пятнашки. Догонит одна другую и стук панцирем в бок! Та вверх ногами. А как перевернётся, на ноги встанет, так бегом за обидчицей. И если догонит, тоже щитком стукнет.

Панцири черепах всегда в трещинах, ссадинах и царапинах. Трещины от лисьих зубов, ссадины от орлиных когтей. А царапины — от игры в пятнашки.

ЁЖ

Ежи и в пустыне живут. И тоже бегают по ночам. В свете луны вспыхивают вокруг ежа чьи-то глаза: зелёные, розовые, лазоревые. Но ёж не боится огненных глаз. Знает, что это глаза безобидных для него жуков, пауков, гекконов. Ну, а если что — сразу съёжится в шар и выставит навстречу колючки!

СЫЧ

Сычу положено жить в дупле. Но где найдёшь большое дупло в пустыне? И приспособился сыч прятаться в... норы! Благо разных нор вокруг много. В одной норе у сыча спальня. В другой — кладовая. А в другие норы лазает за добычей. Так и живёт.

ЭФА

Эфа — змея красивая, но злая и ядовитая. Рассердится, свернётся тугим кренделем и застрекочет. Чешуйки у неё на боках цепляются друг за друга и потрескивают, как масло на го-

рячей сковороде. Теперь к эфе близко не подходи!

Ползает эфа не головой вперёд, как все другие змеи, а . . . боком! И за это её называют «ходящая боком».

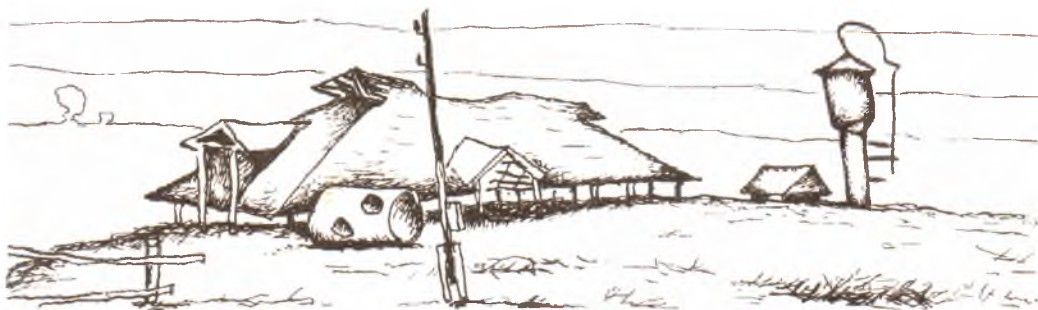
ОРЁЛ

Гнездо своё орёл-беркут строит на самом крепком саксауле. Гнездо у него огромное, тяжёлое — не всякое дерево выдержит. По краям гнезда заячьи шкурки, птичьи крылья, вараньи головы. Сразу видно: ловкий охотник живёт!

В гнезде — белые пуховые орлята. А под гнездом воробьи живут. За орлиной спиной никто им не страшен.

Николай Сладков

ХЛЕБОСОЛЫ

Рассказ

Лето сорок второго года в задонских степях было жарким. Августовское солнце всю палило ребячьи головы, но Димка, Андрюша и Федя привыкли к этому.

После того как в начале войны их отцы ушли драться с фашистами, ребята очень сдружились, и почти дня не проходит, чтобы они не встречались, не рассказывали друг другу, что пишут их отцы с фронта, не делились всеми новостями села.

О войне до последнего времени ребята знали из коротких писем своих отцов да из разговоров взрослых. А вот несколько дней назад и в их селе стали слышны орудийные выстрелы, разрывы снарядов. Война приблизилась к их родным местам и где-то совсем недалеко будто остановилась.

— На Дону наши напуддали фашистам! — сказал однажды дядя Трофим. — Может, держат их там.

Дядя Трофим сам воевал с фашистами, после тяжёлого ранения недавно вернулся с фронта, поэтому ребята верили каждому его слову о войне. Поверили и на этот раз, но теперь они всё чаще прислушивались к недалёкому грохоту, с наступлением темноты всматривались в огромное зарево в той стороне, где течёт Дон.

Вот и сейчас ребята забрались на курган, что высится за селом, и напряжённо прислушивались к орудийной стрельбе. Вдруг Димка Снегирёв посмотрел на просёлочную дорогу и глазам своим не поверил. Прямо к ремонтной мастерской медленно двигались два больших танка.

— Глядите! — воскликнул Димка.

Федя и Андрюша остолбенели, молча и удивлённо смотрели на лязгавшие гусеницами чудовища.

Первым пришёл в себя Федя Дубко.

— Скорее домой! — Он подёрнул штаны, будто собираясь бежать.

Димка посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Потому что, может, это немецкие, — нерешительно высказал догадку Федя, словно оправдываясь за только что проявленное малодушие.

Андрюша, не говоря ни слова, посматривал то на приближавшиеся танки, то на своих дружков. Он был тоже не прочь побежать домой, но не хотел, чтобы Димка заподозрил его в трусости.

— Может, и не немецкие, — стараясь казаться спокойным, сказал Андрюша. — А почему один танк тянет за собой другого?

Уже темнело, и как Димка ни вглядывался в танки, как ни старался прочесть надписи на их башнях, ничего не получалось.

— Не разобрать, что на них написано! — заявил он, ни к кому не обращаясь. Потом, глядя на Андрюшу, пояснил: — И первый не тянет второго, а

буксирует. Понял? Второй, значит, поломанный или подбитый.

Андрюша в знак согласия молча кивнул головой.

Танки между тем подошли к мастерской и остановились. Мотор заглох, и снова наступила тишина, которая лишь изредка нарушалась орудийными выстрелами.

Федя и Андрюша смотрели на Димку, своего восьмилетнего дружка. Ребята были на целый год старше Димки, но они считали его самым рассудительным и сейчас ожидали, что он скажет. А тот сказал:

— Пошли посмотрим, что это за танки!

Федя опять подёрнул штаны и посмотрел в сторону села, а Прохоров Андрюша, уже не задумываясь, что о нём подумает Димка, возразил:

— Ты что, Дим! А если это вражеские танки?

— Так мы же осторожно к ним подберёмся! Как настоящие разведчики.

Но как Димка ни пытался уговорить своих дружков, не

тут-то было. Постояв ещё немного, ребята направились в село. Федя ускорил шаги, потом побежал к своему дому. Андрюша шёл на несколько шагов впереди Димки, а тот тем временем подумал: «Играть в разведчиков вы готовы всегда, а как взаправду — сразу испугались».

За ужином Димка попытался выяснить у мамы с бабушкой, что это за танки, но ни та, ни другая не только не могли объяснить, но даже не очень-то внимательно слушали его и говорили о своих делах.

Спать Димка пошёл на сеновал. Но заснуть сразу не мог. И когда понял, что ему не уснуть, он слез с сеновала и осторожно — чтоб не услышали мать и бабушка — вышел на улицу.

Было уже совсем темно, небо почти сплошь заволокло облаками, лишь кое-где светились звёзды. Вдоль заборов Димка дошёл до крайней хаты и вдруг увидел идущего от мастерской человека. Мальчик прижался к дощатому забору. Человек шагал по другой стороне улицы, и Димка не узнал, кто это. А когда шаги смолкли, мальчик решительно направился к мастерской, которая находилась метрах в трёхстах от крайней хаты.

Никаких танков возле мастерской уже не было. Димка заметил, как в щель большущей двери пробивался свет.

Всматриваясь, мальчик увидел в глубине просторной мастерской два танка. Над ними горели электролампочки, которые держались на натянутых проводах. Возле одного танка стояли люди, что-то мастерили и о чём-то переговаривались.

Димка, затаив дыхание, стал прислушиваться. Но как ни старался, не мог он разобрать, на каком языке и о чём говорили они. Вот в мастерской засмеялись, но попробуй по смеху узнать, чьи это — свои или чужие. Мальчика даже зло разобрало, а что поделаешь? И вдруг на башне одного танка он прочитал: «Смерть фашизму!»

Димка чуть было не вскрикнул от радости. «Наши! Советские танки!» — пронеслось в мальчишеской голове.

Вернувшись домой, Димка опять забрался на сеновал и сразу заснул. Но спал он беспокойно, несколько раз просыпался, всматривался в тёмный проём двери и удивлялся, почему так долго не приходит утро. А перед самым утром заснул, да так крепко, что Федя с Андрюшей еле разбудили его.

— Побежали в мастерскую! — первым делом сказал Димка. — Там наш танк ремонтируют! — И не успели его дружки и рта раскрыть, он рассказал им о своём ночном походе.

Димка забежал в хату, быстро выпил кружку молока,

и, пока бабушка собралась спросить, куда он так торопится, ребят и след простыл. До мастерской бежали наперегонки. Там вовсю кипела работа. Старый кузнец Пахом с напарником дедом Матвеем стучали молотками по наковальне, высекая из раскалённого железа искры. Третий дед — белогорный Антон — раздувал мехи горна. Дядя Трофим вместе с двумя танкистами что-то вытаскивали на токарном станке. Остальные танкисты — кто возился с мотором, кто с гусеницей, растянувшейся на полу, и никто не обратил внимания на

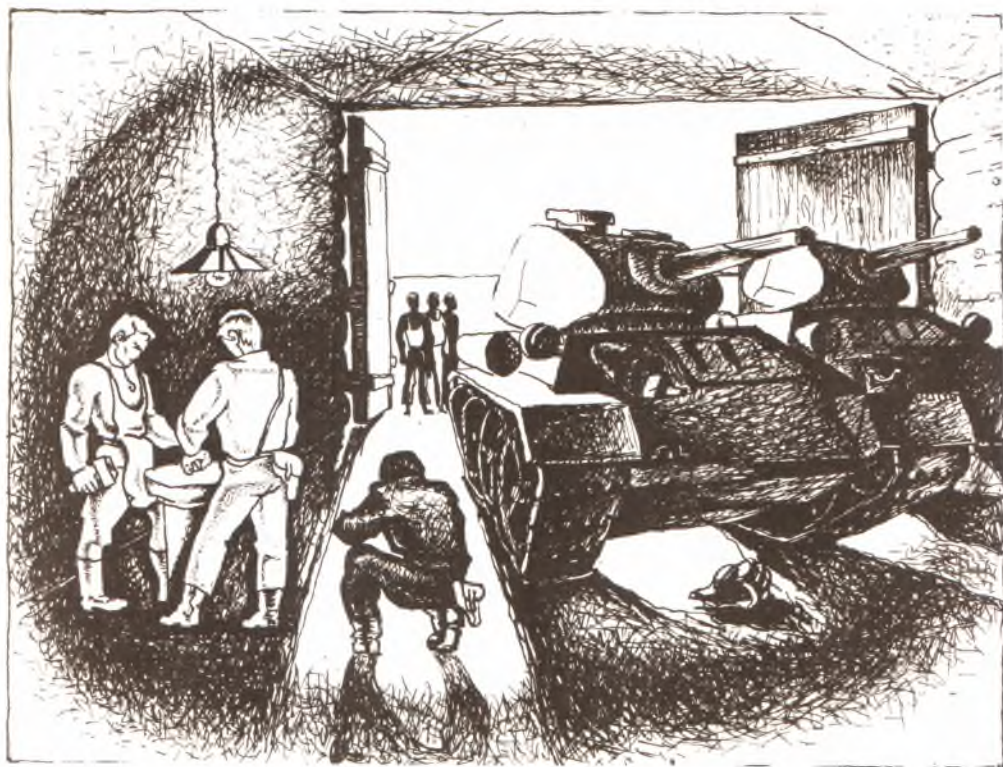
появление ребят. А когда кузнецы перестали стучать и умолк токарный станок, дядя Трофим вдруг громко сказал:

— А, помощники пожаловали!

И тут все увидели ребят. А лейтенант, что возился с мотором, поднял правую руку и весело выкрикнул:

— Салют, племя молодое! — Потом уже серьёзно сказал: — А ну проходите сюда, да смелее! Работа всем найдётся!

— Они работы не боятся, товарищ лейтенант! — заметил дядя Трофим. — Ребята деловые.

И действительно, работа нашлась всем. Ребята протирали разные детали, подносили их то одному, то другому, даже раздували мехи горна вместо уставшего деда Антона. А потом, когда солнце стало заглядывать в распахнутые двери, дядя Трофим подозвал Димку и тихо сказал:

— Вот что, Снегирёк, нужно бы танкистам к завтраку что-либо повкуснее принести. А то у них, наверное, одни консервы да хлеб.

Ребята незаметно исчезли. И когда это обнаружили, лейтенант воскликнул:

— Племя-то молодое улетучилось!

Все дружно засмеялись, а дед Пахом добавил:

— На речку небось подались!

Но дед Пахом ошибся. Ребята убежали домой. В это время Димка уже торопливо говорил своей бабушке:

— Понимаешь, бабуля, в мастерской солдаты наш танк исправляют! А дядя Трофим помогает им. С ним там и дедушка Антон, и дедушка Матвей, и дедушка Пахом!

— Ну и хорошо, — сказала бабушка, глядя на внука.

— Конечно, хорошо! — согласился Димка. — Только понимаешь, бабуля, танкистам бы к завтраку что-нибудь надо добавить! А то дядя Трофим говорит, что у них, наверное, одни консервы!

— А сколько их, танкистов-то? — наконец поняла бабушка, чего от неё добивается внук. И когда узнала, что шестеро, о чём-то задумалась. А потом сказала: — Ну что ж, надо так надо.

Димкина бабушка вынесла из хаты шесть крупных, недавно сорванных с грядок помидоров и корзинку с огурцами.

— Больше, Дима, и дать-то нечего! Если б знать, что долго они пробудут, можно бы сварить что-нибудь, — сказала она.

— Что ты, бабуля! — воскликнул Димка. — Не горюй, это им всё как понравится!

Тут пришли Димкины дружки. Андрюша нёс горшок парного молока, а Федя Дубко — две больших редьки.

— Она нисколько не горькая! — сказал Федя.

Димкина бабушка улыбнулась, но ничего не сказала и всё уложила в корзинку.

Подойдя к мастерской, ребята вдруг услышали рёв моторов. В дверях появились лейтенант и дядя Трофим, который что-то прокричал на ухо танкисту и показал на подошедших ребят. Лейтенант посмотрел на часы, повернулся и резко махнул рукой. Моторы замолкли.

— На завтрак — двадцать минут! — скомандовал лейтенант.

Танкисты в одно мгновение очутились возле ребят, быстро

расселись прямо на траве у стёны мастерской. Двое открывали консервные банки, третий нарезал хлеб, а четвёртый выкладывал содержимое корзинки. Увидели танкисты, что принесли им ребята, наперебой стали хвалить:

— Ну и молодцы, ребятки!

— Ай да хлопцы!

— Чудо, да и только!

Рядом с танкистами уселись дядя Трофим и три деда. А ребята отказались от угощения.

— Мы уже поели! — ответил за всех осмелевший Федя.

Лейтенант, наверное, догадался, чего хочется ребятам, и сказал:

— Ну, раз отказываетесь от еды, присмотрите за танками! — И, подмигнув дяде Трофиму, добавил: — А то мало ли что может случиться.

Через двадцать минут опять взревели моторы, и танки выползли на дорогу. Танкистов не было видно. Но вот из люка переднего танка показался ве-

сёлый лейтенант, помахал ребятам и крикнул:

— Спасибо вам, дорогие хлебосолы!

Вскоре танки скрылись за пригорком.

— Вот так-то, ребятки! — сказал дед Пахом и запустил шершавую ладонь в выгоревшие Федины волосы. — А Димка-то о чём задумался?

— Да вот непонятно, почему это командир назвал нас дорогими хлебосолами, — сознался Димка. — Что такое хлебосолы, дедушка?

Старый кузнец усмехнулся.

— Хлебосолы — это гостеприимные люди, — пояснил он. — Ну, которые хорошо принимают и кормят гостей.

Ребята заулыбались, довольные похвалой.

— Одним словом, Снегирёк, добрые вы ребята! — добавил дядя Трофим, сгрёб стоявших рядом мальчишек и крепко прижал их к себе.

Сергей Лескин

НАРОДНЫЕ ПРИМЕТЫ

Паук усиленно плетёт сети — к сухой погоде.

Паук забился в угол — к ветру.

Лягушки расквакались — к непогоде.

Ласточки летают низко — перед дождём.

На кустах акации много пчёл — перед дождём.

Вечером сильно стрекочут кузнечики — к хорошей погоде.

Сильная роса — к ясному дню.

Радуга вечером — к хорошей погоде.

Радуга утром — к дождю.

КРЕПОСТЬ, КОСМОДРОМ, АВТОДРОМ

На южном берегу Финского залива, неподалёку от Ленинграда, вырос новый город — Сосновый Бор. Он построен в этой пятилетке и назван так потому, что расположен среди высоких сосен и песчаных дюн. На географических картах Сосновый Бор ещё не значится. Это ещё очень молодой город, но в нём есть и школы, и детские сады, и магазины.

А для ребят в Сосновом Бору сооружена детская автомобильная дорога, построены городок моряков, городок космонавтов и проводится детская игра — «Крепость».

Что за крепость? В этих ме-

стах была когда-то настоящая крепость — Копорье. Так назывался древнерусский город в Новгородской земле, который не раз подвергался вражескому нашествию. Русские люди в начале XVIII века окончательно отстояли Копорье от врагов. С той поры сохранились тут остатки укреплений, стены пятиметровой толщины и башни высотой в двадцать метров.

Строители города Сосновый Бор с помощью архитекторов и учёных восстановили часть старинной крепости: стену из толстых кольев с дозорными вышками, башенками, бронзовыми пушечками. И ча-

сто здесь закипает пионерская игра. В морозном воздухе раздаются звонкие голоса, летит град снежных ядер, атаки сменяют контратаки. Планы «баталий» заранее обсуждаются с учителями и военными специалистами. «Сражения» ведутся с исторической достоверностью. Играя, ребята не только закаляются, но изучают прошлое нашей Родины.

В Сосновом Бору у ребят есть ещё одна интересная игра — «Космодром». Здесь много камней-валунов ледникового периода. Местность кое-где походит на «лунный» ландшафт или ландшафт каких-то далёких планет. На космодроме для детей устроены ракеты и космические корабли «Восток» и «Восход». Конечно, это фанерные макеты и мо-

дели. Но они развивают фантазию, пионеры чувствуют себя космонавтами, изучают технику ракетоплавания, как говорится в песне:

Орлята учатся летать,
Им салютует шум прибора,
В глазах их — небо голубое. . .

Пионеры и школьники очень любят свой космодром и свою крепость.

А на берегу Волги раскинулся другой новый город — Тольятти. И он тоже построен в этой пятилетке. Город Тольятти знаменит своим автомобильным заводом, который выпускает автомашины «Жигули». Сейчас уже с конвейера в сутки сходит 2000 автомашин. И не удивительно, что все пионеры Тольятти хотят стать автомобилестроителями и иметь любительские права водителя. Для ребят строится «Автодром», где они будут проходить правила уличного движения, учиться искусству управлять машиной, изучать мотор автомобиля. Освоение автодела начинается с крохотного

автомобиля — картинга. Этот автолилимпут имеет бензиновый двигатель и развивает хорошую скорость.

Детский автодром расположен в парке, вблизи строящегося Дворца пионеров. Во Дворце много красивых комнат. Но всех прекрасней Ленинский зал, с беломраморными стенами, алыми с золотом штандартами, живыми цветами и скульптурой. В зале галерея для родителей и гостей, которых бывает так много в праздничные дни, когда ребят принимают в пионеры. Ленинский зал освещается сверху через потолочные круглые окна. Такой свет придаёт залу торжественность, когда раздаётся дробь барабанов, гудит медь горнов и звучит пионерская клятва.

Мы рассказали о том, что делают для ребят в двух новых городах — Сосновом Бору и Тольятти. Много интересного для ребят появится и в других городах, которые строятся в 9-й пятилетке.

Н. Луческой

Я БУДУ АРХИТЕКТОРОМ

Хочу быть
Инженером
И милиционером,
Пожарным
И директором,
Но буду
Архитектором!
Хочу построить
Круглые
Квартиры и дома.
Для взрослых
Непривычные,
А для ребят
Отличные:
С качелями
Под елями,
На крышах
С каруселями —
Новые
Весёлые

Круглые дома!
И в каждом
Круглом доме
Все окна
Будут круглые.
С утра
Окно —
Как солнышко,
А ночью —
Как луна.
А главное,
Запомните,
Что
В круглой-круглой
Комнате
Никто
Не сможет
В угол
Поставить шалуна.

Л. Ниолавино

ВОТ ТАК СЕМЕЙКА...

Заволжское озеро. Утреннее солнце, отдохнувшее за ночь, осветило берег озера.

Устроившись поудобнее, слежу за поплавком. Тихо-тихо... Вдруг справа от меня на воде показалась ондатра. Она плыла вдоль берега, держа что-то во рту. Когда она поравнялась со мной, я, как мальчишка, не удержался и кончиком удилица дотронулся до её спинки. Нет, не ударил, а только слегка коснулся. Мгновенный всплеск, и на месте её, на воде, появился серенький комочек. Он, быстро перебирая в воде лапками, направился к берегу и спрятался в траве. Значит, она несла в зубах детёныша!

Взрослая ондатра, вынырнув на поверхность, стала плавать кругами, ища своего малыша. Потом она поплыла в том направлении, откуда появилась.

И вдруг, почти сразу, она опять плыла возле меня, держа во рту... детёныша. В полной неподвижности я пропустил её. Не успел снять с крючка окуня, как ондатра плыла уже обратно. Во рту у неё ничего не было. Я пропустил её и не успел перезакинуть удочку, как она опять появилась, и опять с ношей во рту.

Тут уж не до рыбалки. Я с удивлением и интересом наблюдал за ондатрой. За короткое время она перенесла восемь детёнышей.

Малыши в зубах матери вели себя спокойно — свисала головка, волочился по воде хвостик.

После перенесённого восьмого детёныша ондатра появилась на том месте, где из-за моей озорной шутки потеряла малыша. Она несколько раз проплыла возле берега, старательно принохиваясь, затем вышла на берег, и скоро у неё во рту оказался потерянный. Она уплыла с ним и больше не возвращалась.

В то утро меня радовал и хороший клёв и незабываемая картинка из жизни животных.

Константин Фарутин

**К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Д. И. УЛЬЯНОВА**

Д. И. УЛЬЯНОВ (1874—1943)

Дмитрий Ильич Ульянов, младший брат Владимира Ильича Ленина, родился в 1874 году в городе Симбирске (ныне Ульяновске) Учился он в гимназии, потом поступил в Московский университет на медицинский факультет. Ещё студентом Дмитрий Ильич принимал активное участие в марксистских кружках и в 1897 году был арестован. Окончить медицинский факультет ему удалось лишь после освобождения из тюрьмы. В 1900 году Дмитрий Ильич вошёл в организацию „Искры“, а в 1903 году вступил в партию и стал вести революционную работу в различных городах России и Крыма.

В январе 1904 года его арестовали, и он просидел в Киевской тюрьме почти год.

Во время подготовки и проведения Октябрьской революции Дмитрий Ильич вёл большую пропагандистскую работу среди рабочих Крыма и моряков Черноморского флота. После Октября он был членом Крымского ревкома, наркомом здравоохранения республики. С конца 1921 года он работал в Москве в органах здравоохранения.

Дмитрий Ильич написал книгу „Воспоминания о Владимире Ильиче“. В „Круглом годе“ мы печатаем несколько глав из этой книги.

✱ ИГРЫ ✱

На дворе и в саду у нас было много разных детских игр. Вспоминаю из раннего детства игру в лошадки, когда мы носились по двору и по аллеям сада, один за кучера, другой за лошадь, соединившись верёвочкой друг с другом. Володя был старше меня на четыре года, поэтому, когда он бежал за кучера, постёгивая меня хлыстиком, всё было хорошо, когда же я впрягал его в виде лошади, он очень быстро вырывался и убегал от меня. Догнать его я не мог, и тогда, помню, однажды я безнадежно сел на траву и стал говорить, что так играть нельзя: он сильнее меня и, когда ему вздумается, убегает от меня, что никогда, мол, не бывает, чтобы лошадь убегала от кучера, и поэтому он должен бегать за кучера, а я за лошадь. На это Володя ответил:

— Лошадь всегда сильнее человека, и ты должен уметь подой-

ти к ней с лаской, покормить её чем-нибудь вкусным, например чёрным хлебом с солью, что лошади очень любят, и тогда лошадь не будет убегать от тебя и будет послушной.

Впоследствии, помню, я бежал в лошадки чаще с кем-нибудь из сверстников или с сёстрами. На этом дворе играли мы всей нашей компанией, с Аней и Сашей, в чёрную палочку, причём тот, кто «водил», должен был, начиная искать, громко возглашать: «Чёрная палочка пришла, никого не нашла, кого первого найдёт, того с палочкой пошлёт». Помню, что я часто ждал в этой игре, чтобы меня «выручил» Саша, который выбегал из своей засады обычно последним.

Вспоминаю игру в «брыкаски», которую выдумал, очевидно, Володя, когда ему было около восьми лет. Играли он, сестра Оля и я. Это, собственно, не была игра

в обычном смысле слова — никаких правил, ничего твёрдо установленного. Это была импровизация, фантазия в лицах и действиях. Конечно, главным действующим лицом был Володя, его фантазия, его инициатива. В эту фантастику он вовлекал нас, младших, — меня и Олю. Какую роль мы играли, что должны были делать? Заранее ничего не было предусмотрено. Володя сам свободно фантазировал и осуществлял эту фантазию в действиях. Что такое «брыкаска»? Это не то человек, не то зверь. Но обязательно что-то страшное и, главное, таинственное.

Мы с Олей сидим на полу в полутёмной зале нашего симбирского дома и с замиранием сердца ожидаем появления «брыкаски». Вдруг за дверью или под диваном слышатся какие-то звероподобные звуки. Внезапно выскакивает что-то страшное, мохнатое, рычащее, это и есть «брыкаска» — Володя в вывернутом наизнанку меховом тулупчике. Может быть, «брыкаска» сердитая, злая: от неё нужно бежать, прятаться под диван или под занавеску, а то укусит или схватит за ногу; а может быть, она только по виду страшная, а на самом деле добрая, и от неё совсем не надо бегать, можно даже с ней подружиться и приласкать её. Этого никто не знает. Всё зависит от её настроения. Полумрак, мохнатое существо на четвереньках... Оно рычит и хватается тебя за ногу. Страшно! Возня, визг, беготня, грозное рычание «брыкаски» то под диваном, то на ди-

ване, то в зале, то в совершенно тёмной прихожей (передней). Затем внезапно обнаруживается, что «брыкаска» добрая, не кусается и не щипается и её можно спокойно погладить по шёрстке. И уже несколько не страшно, даже очень весело, «брыкаска» выделяет удивительные номера и подплясывает, мы за ней кто во что горазд...

Ясно, что для такой игры было совершенно необходимо, чтобы старших не было дома, а то всякий интерес пропадает: внесут в залу лампу, велят вылезать из-под дивана, а «брыкаске» в вывернутой шубе определённо влетит.

И вот помню, когда Володя или Оля таинственно сообщают мне как большую радость, что сегодня вечером папа с мамой куда-то уходят и мы будем играть в «брыкаски».

Вообще у Володи в детстве была богатая фантазия, которая проявлялась в самых разнообразных играх. У меня остался в памяти, между прочим, такой случай: сидим мы вечером за большим столом и мирно и спокойно занимаемся какой-то стройкой домиков. Я соорудил из карт высокий дом, что-то, как мне показалось, необычайное, и стал хвастаться. В это время входит няня и заявляет, к моему великому огорчению, что мама велит мне идти спать. Мне не хочется, начинаются обычные пререкания. Вдруг Володя, чтобы поддержать няню, произносит отчётливо с напускным важным видом примерно следующую фразу:

«Инженер мистер Дим перед своей поездкой в Америку представил нам замечательный проект многоэтажного здания, рассмотрением которого мы должны сейчас заняться. До свидания, мистер

Дим!» Польщённый похвалой, я без всякого дальнейшего протеста отправляюсь с няней спать.

В большом ходу была у Володи и Оли игра в «индейцев», иногда и я принимал в ней участие.

Научились читать Володя и Оля почти одновременно и читали в детстве одни и те же книжки. Вот под влиянием чтения про индейцев у них и создавалась такая игра, когда они, изображая индейцев, то и дело прятались от взрослых и шушукались между собой, как бы скрывая что-то.

Помню, как-то однажды я забрёл в глухой, заросший со всех сторон уголок нашего сада и увидел там Олю, сидящую в каком-то шалаше из хвороста, низ шалаша был устлан травой. Около шалаша лежала кучка мелко наломанного хвороста, посыпанного огненно-жёлтыми листиками шафрана. Это должно было изображать горящий костёр, на котором в каком-то котелке или горшочке готовился обед. Над головой у Оли пристроен большой зелёный лопух, изображавший головной убор индейца. Володя где-то промышлял охотой, она в ожидании его стерегла жилище и готовила еду. Оля дала мне понять, что всё это тайна и рассказывать об этом старшим нельзя. Вскоре вернулся с охоты Володя, вооружённый луком и стрелами и тащивший какой-то косматый корень, долженствующий изображать убитого зверя. Володя рассказывал в подробностях, как он измучился в борьбе с этим зверем, как тот покусал и поцарапал его, прежде чем меткая стрела заставила наконец зверя свалиться замертво. При этом Володя рычал и ревел, как убитый им зверь, показывая нам этим, как было страшно и с каким

трудом досталась ему победа. Кроме того, мы узнали из его рассказа, что ему причинили много хлопот также «белые» люди, которые ловили Володю арканом и хотели его убить или взять в неволю, что, пожалуй, ещё страшнее смерти. Володя изображал, каким он подвергался опасностям и как в конце концов он устал и проголодался. Необходимо было сейчас же достать чёрного хлеба с солью для восстановления сил, и я был послан поэтому на кухню, но со строгим наказом не выдавать ничего «белым» людям и скрываться. Помню, с какой таинственностью и важностью я выполнял данное мне поручение и как, посолив два куса чёрного хлеба, я крался с этой добычей к шалашу, заматывая свой след и уверенный, что никто меня не видит. Володя потом, подкрепившись, показывал нам свою новую стрелу, стреляя высоко в воздух, а я приносил ему обратно его замечательную стрелу с лёгкой лопаточкой на одном конце и тяжёлым куском чёрного вара на другом.

Иногда, особенно в дождливую погоду, эти игры в индейцев переносились на сеновал, в каретный сарай и даже на чердак дома.

В правом углу двора, почти примыкая к саду, стоял так называемый каретный сарай. Раньше он, вероятно, служил прямому своему назначению, но при нас, так как у отца не было ни лошади, ни экипажей, он был просто складом для всякой всячины. Этот сарай,

большой и просторный, служил нам для детских игр. Редко кто из взрослых заходил в него, и поэтому мы чувствовали себя в нём уединённо и очень уютно. Там довольно низко висела трапеция, на которую, кроме Володи, лазили и мы с Олей, но главным образом на неё упражнялся Володя.

К нам в Симбирск приезжали иногда странствующие цирковые артисты, которые проделывали на площади Старого венца различные аттракционы, вроде, например, хождения по канату на большой высоте. Этот номер произвёл на всех нас большое впечатление, и Володя с Олей решили проделывать то же самое у нас в каретном сарае. Достали толстую верёвку, натянули её метра на два над землёй и затем упражнялись поочерёдно в хождении «по канату», причём обязательно подошвы натирались густо мелом и употреблялся шест для балансирования, как у настоящих актёров.

В каретном сарае Володю можно было часто застать за работой — он выделывал перочинным ножом из мягкой осокоревой коры лодочки, которые дарил младшей сестре, Мане. Там же он мастерил себе при помощи топора и пилы ходули, на которых любил потом расхаживать большими шагами. Выпиливанием по дереву лобзиком Володя в противоположность Саше не занимался. Он не играл также в бабки, чем увлекались тогда почти все гимназисты, и в том числе я.

* * *

На дворе, между каретным сараем и погребом, были устроены «гигантские шаги», на которых все мы иногда катались. Чтобы Володя увлекался ими, я не помню. Скорее, это можно сказать по отношению к крокету, в который Володя с Олей научились играть лучше других. Когда отец купил крокет, помню, как мы под руководством Володи взялись правильно устанавливать его. Между красным и чёрным колышками Володя туго натянул бечёвку и потом, вымеривая точно расстояния молотком, намечал места для установки дужек и как особенно тщательно он устанавливал мышеловку.

Игрой в крокет одно время увлекались мы все — играли и Аня, и её подруга, молодая учительница, и даже папа, только Сашу очень редко удавалось оторвать от серьёзной книги. Играли, строго придерживаясь установленных правил, из-за толкования которых иногда возникали горячие споры (как вообще часто случается в этой игре). Помню, что Володя играл лучше других и бывал непреклонен к нарушителям правил, но в то же время был беспристрастным судьёй в спорах.

Когда партия затягивалась до темноты, прибегали к помощи бумажных фонариков, которыми освещали дужки. Употреблялись специальные выражения в соответствии с папиной службой — «Шар отправился в уезд» или: «Угнать этот шар подальше в губернию».

* * *

Летом каждый вечер мы отправлялись с папой на Свиягу купаться. Отец абонировал на весь сезон определённые часы в купальне некоего Рузского. Помню, что фамилия владельца общественной купальни была Кох, и вот, бывало, отец, увидев издали идущего туда купаться учителя немецкого языка Штейнгауера, кричит ему в виде приветствия: «Немец идёт к немцу, а русский — к Рузскому».

Володя взялся научить меня плавать в три урока. «Только делай так, как я буду учить», — и показал мне, что делать руками и ногами под водой. Затем посадил меня на глубокое место и сказал: «Плыви, как я учил». Мне залилась вода и в нос, и в рот, но после второго урока я уже поплыл самостоятельно, а затем стал плавать с ним и Сашей на ту сторону реки Свияги.

* * *

Не могу не вспомнить вечер в нашем доме в детстве, когда мне

было пять — семь лет. Везде и на всём лежит отпечаток рабочей обстановки. Отец сидит за работой в своём кабинете. Наверху в антресолях, каждый у себя в комнате, сидят за книгами братья Саша и Володя. Внизу в столовой, за большим столом, сидит за шитьём или другой работой мать. Тут же, около неё, с книгами и тетрадями сидят сёстры Аня и Оля, здесь же и мы, меньшие (Митя и Маня), тихо чем-нибудь занимаемся. Шуметь и мешать старшим строго запрещается. Бывало, только кто-нибудь из нас запищит или Володя, кончив занятия, сбежит вниз и начнётся шум, сейчас же является отец и строго говорит: «Что это за шум? Чтобы я больше этого не слышал!» — и всё опять стихнет. В крайнем случае, отец берёт провинившегося к себе в кабинет и усаживает при себе за какую-нибудь работу. Порядок, в общем, был строгий.

Д. И. Ульянов

На работе

Рассказ

Медвежьи Печи славятся своим пчеловодческим хозяйством. Но не только им одним. Славятся они и большим фруктовым садом. Его zaloжили вскоре после войны и с тех пор подсаживают саженцы, а между ними сажают клубнику.

Когда зацвела клубника и появились пока ещё твёрдые зелёные ягодки, Анята с Гришей начали готовиться на работу. Они знают: как только созреет клубника, их позовут её собирать. И вот наступил день, когда агроном, тётя Оля, сказала:

— Приходите собирать клубнику.

Тимошу она тоже позвала.

Анята заранее выстирала для работы свой голубой сарафан с белыми аистами. После стирки вышитые аисты сразу ожили и повеселели.

Рано утром вышли из дому трое — Анята, Гриша, Тимоша — и направились к Медвежьим Печам. Они вышли, когда ещё было прохладно. Клубнику надо собирать на заре, а когда взойдёт солнце, то собирают до тех пор, пока оно ещё не сильно греет.

— А, пришли работнич-

ки! — обрадовалась им тётя Оля.

Тётя Оля когда-то училась у бабушки, а недавно кончила сельскохозяйственный институт и вернулась работать в совхоз.

— Ну, работнички, пошли, я отведу вам участок. Там будете работать самостоятельно.

Она дала им лёгкие плетёные кузовки-корзиночки и объяснила, как полагается собирать ягоды и складывать.

— Надо брать здоровые и крепкие ягоды, — говорила она. — Если попадётся сгнившая, испорченная, бросьте её и затопчите, чтобы из-за неё другие ягоды не испортились.

По саду разносился необыкновенный тёплый аромат зрелой клубники.

— Вы попробуйте, — сказала тётя Оля, увидев, что «работнички» загляделись на ягоды. — Какая ягодка попросится в рот, вы и не стесняйтесь, съешьте её. А то вам скучно будет работать. Но и про кузовочки не забывайте. Наберёте кузовок — сразу несите в сторожку. Там у вас его примут и новый дадут.

Тётя Оля ушла, и нача-

лась работа. Гриша и Тимоша пробовали ягодку за ягодкой, забыв, что и в кузовок надо класть. Каждая ягодка казалась красивой и ароматной, каждая так и просилась в рот, а тётя Оля сама сказала: «Раз просится в рот, надо её съесть». Только их просилось так много, что скоро губы и руки двух сборщиков побурели от клубничного сока. Они оба далеко опередили Анюту, перебегая от грядки к грядке, от самой заметной ягодки к другой, ещё более заметной, а незаметные, которые таились под зелёными листочками, они пропускали. Думали, что там ничего нет.

Тётя Оля велела срывать ягоду с чашелистиком, так она лучше сохраняется. А Гриша с Тимошей забыли, что наказывала тётя Оля, срывают как попало.

Собирать клубнику дело не простое. Одну ягодку съесть, а двадцать — в кузовок положить. А если наоборот поступать, то и двух кузовков до вечера не собрать.

Где цветы и сладкие ягоды, там и пчёлы. Налетают со всех сторон, ползают по размякшим ягодам. Тимоша боится их, отгоняет, отбегает в сторону. Одна пчела рассердилась и ужалила его.

— Ой! — вскрикнул Тимоша и стал ещё сильнее отбиваться от назойливых пчёл,

размахивая кузовком и прыгая то в одну сторону, то в другую. А те, как нарочно, вьются около него одного, будто никого другого не могут выбрать. Тимоше уже не до ягод, впору от сердитых пчёл отбиваться. И не наполняется кузовок, руки заняты другим: то пчёл надо отогнать, то ягодку за ягодкой в рот бросить.

У одной Анюты получается всё ладно и умело. Лишь изредка бросит она в рот перезрелую или некрасивую ягоду, а хорошую — в кузовок. Она так и землянику в лесу собирает. Пока не наберёт целый кувшин, сама не съест хорошей ягодки.

Клубника в Анютином кузовке чистая, плотная, в чашелистиках, как учила тётя Оля срывать. И пчёлы на Анюту не набрасываются. Потому что она на них не обращает внимания, не отмахивается от них — делом занята, не до пчёл ей.

Анюта отнесла в сторожку кузовок клубники и взяла новый.

— Сколько вы уже собрали? — спросила она Гришу и Тимошу.

Гриша протянул ей кузовок, а там — ни ягодки, только краснеют пятнышки на дне — следы от ягод, которые сначала Гриша положил, а потом, забывшись, съел.

Заглянула Анюта в Тимо-

шин кузовок. И там три незрелых ягодки.

— Мало ягод на грядке, — оправдывался Тимоша. — Там одни листья, а ягод почему-то нет.

Гриша тоже сказал:

— Да, у нас плохие грядки, нет ягод. А у тебя хорошие.

Анюта молча заглянула под один листок, под другой и сразу набрала горсточку ягод, крупных и зрелых.

— У вас тоже много, — сказала Анюта, — только они под листочками прячутся. Их надо разглядеть.

— Как дела, ребятишки? — услышали они голос тётки Оли.

— Сначала были плохие, — сказал Гриша, — а теперь хорошие.

— Тут много ягод, только они от нас прячутся. А мы думали, что их вовсе нет, — сказал Тимоша, забыв, что ему много попадалось ягод, только он незаметно для себя их съел.

— О! — воскликнула тётка Оля. — Как же нет! Ягод очень много. Никогда ещё так много не бывало, как в этом году... — И спросила: — Вы не устали? Есть не хотите?

Узнав, что никто ещё не устал и не проголодался, тётка Оля ушла. У неё много работы, особенно летом.

Тимоша выкинул из кузовка незрелые ягоды и стал

собирать по-настоящему, как показала Анюта, заглядывая под каждый листочек. И скоро набрал полный кузовок. И Гриша набрал тоже свой кузовок. Так и отнесли они их вместе в сторожку.

Становилось жарко. Ещё сильнее загудели пчёлы. Время от времени из лесу покрикивала на них знакомая с весны птица:

«Скорей! Скорей! Скорей!»

Анюта ещё весной заметила, что эта птица любит всех подгонять. Кричит:

«Скорей! Скорей! Скорей!»

— Мы и так спешим. Не подгоняй нас, — говорила Анюта.

Птица послушалась Анюту и умолкла. Да и не время сейчас птицам вести разговор. Все они молчат, занятые семейными заботами: не до песен им, не до разговоров.

— Ой! — опять вскрикнул Тимоша и подпрыгнул. Его во второй раз ужалила пчела. — Не знаю, что делать. Не дают работать, — пожаловался он на пчёл. Потом бросил кузовок и побежал, отбиваясь и загораживая лицо от особенно назойливой пчелы.

— Не отмахивайся так сильно! — крикнула ему вслед Анюта. — Пчёлы не любят, когда их боятся.

Тимоша поднял кузовок и стал снова собирать клубни-

ку. Он терпеливо сносил, когда пчёлы одна за другой поползли по его рукам, и только опасливо поглядывал на них. Но он уже не шарахался от каждой пчелы в сторону, позволяя им вести себя как хочется. И вскоре они потеряли к нему всякий интерес, отстали, занявшись более серьёзным делом: выискивали поздние цветки клубники и выбирали из них сладкий сок.

Когда наступил полдень и стало жарко собирать клубнику, тётя Оля крикнула:

— Эй, работнички, кончай работать! Идите обедать с нами.

В тени под яблоней, на которой уже появились крохотные зелёные яблочки, сидели женщины, собиравшие клубнику. Анюта поставила в тень свой кузовок, на донышке которого было немного ягод. Спадёт жара, она снова вместе со всеми примется за работу. Гриша и Тимоша прислонили свои кузовки к Анютиному и сели под яблоней, вытянув ноги и разогнув спины.

Анюта расстелила холщовую скатёрку и выложила на неё обед, который собрала им троим бабушка. Бабушка да-

ла им три огурца из домашнего парника, — там они раньше созревают, чем в огороде. Анюта разрежала огурцы и угостила всех. Это было пока ещё редкое лакомство, и все с удовольствием съели по кусочку и сказали: «Спасибо».

Женщины хвалили ребят: «Молодцы, хорошо работают», и угощали кто вкусным хлебом, испечённым в русской печке, кто молоком, кто картошкой «в мундире», заранее отваренной дома. Аппетит у всех был хороший. На воздухе всегда всё необыкновенно вкусно, особенно если перед обедом как следует поработать.

Когда стало чуть прохладней, все вышли собирать клубнику. Анюта с Гришей и Тимошей немного поработали, и скоро их отпустили домой. Тётя Оля велела им не сдавать на весы последние кузовочки.

— Несите домой, — сказала она. — Вы их заработали.

И они понесли заработанные ягоды, не торопясь, чтобы не смять их. Они шли гордо. Каждый нёс свою корзиночку. Бабушке на варенье.

Валентина Путилина

ШМЕЛЬ

Шмель,
Тяжёлый,
Полосатый,
Целый день
Летал по саду.
Он не просто так
Летал,
Он цветы в саду
Считал.
Он ворчал:
— Трудна работа!..
Ведь цветам в саду
Нет счёта!

Е. Фейерабено

РАЗГОВОР С ЖУКОМ

— Эй, жук!
Мой друг!
Расскажи, где ты живёшь?
Что нас в гости не зовёшь?
Ты себе построил дом?
— А зачем мне строить дом?
Я живу под лопухом!
Он и крыша, и навес.
Если жарко — в тень залез,
Если дождик — я исчез...
Хорошо под лопухом!
Мой лопух — аэродром!
Широка его ладошка,
Будто взлётная дорожка!
Посмотри, я зажуужал...
Я завёлся! Побежал...
И — взлетел! И — лечу!
И лечу, куда хочу-уууу!

М. Вехова

ВОТ КАК ПИШЕТСЯ ЭТО СЛОВО

Послушай, какой разговор вышел раз... Встретились на зелёном поле три молодых лётчика.

— Значит, скоро летим? — говорит первый.

— Да, через месяц, — отвечает второй. — Подготовиться хорошенько надо.

А третий спрашивает:

— Ты в чём летишь?

— В букве «М», — отвечает первый, — в нижнем уголке.

— А я в букве «И», — говорит второй, — в перекладдинке.

Третий говорит:

— А я в «Р» полечу — в кружочке.

Что за разговор такой удивительный! Где это видано, чтобы в буквах летали?

А ты погоди, дружок, не удивляйся. Слушай, что дальше будет.

Так вот. Прошёл месяц, собрались тысячи и тысячи людей на том большом зелёном поле. Начался праздник воздушного флота, день лётчиков. Чего тут только мы в небе не видели!.. Пронеслись по всему небу боевые самолёты, такие быстрые, что, чуть загремели они над головой, глянули мы туда, а там уже нет ничего в небе... Только гром

ещё за ними вдогонку летит. Слова сказать мы не успели, а самолёты уже из глаз пропали!

А потом поднялся над полем вертолёт и повис в воздухе. Будто его к облаку прицепили на ниточке, как игрушквертушку на ёлке. Спустили с вертолёта на землю длинную лесенку. И воздушный пассажир по ней сошёл прямо с неба на зелёное поле. А тут с неба ещё тысяча смельчаков посыпалась. Эти без лестницы обходятся: на парашютах прыгают.

Всякие самолёты нам нужны, чтобы враг в наше небо не полез: быстrolётные «ястребки» и ширококрылые воздушные корабли. И вертолёт — вещь удобная. Он и на вершину горы опустится, и на крышу дома сядет. С поля боя унесёт раненых, с погибающего корабля моряков спасёт. Ну, а парашютисты — эти на врагов как снег на голову, если они к нам сунутся...

Уже кончался воздушный парад. Вдруг опять загудело всё небо. Смотрят люди, закинули голову вверх. А в небе огромные буквы плывут. Каждая буква в полнеба. А летят — не качнутся, ровные, прямые.

И каждая буква в воздухе
состроена из тридцати воен-
ных самолётов. Первой летит
огромная буква «М», за ней —
«И». А последней — «Р».

Ну-ка, дружок, прочти, что
в небе получилось!

Вот о каких буквах лётчики
говорили! Вот какое слово они
в небе пишут! А почерк у на-
ших лётчиков твёрдый.

Лев Кассиль

НА ПАРАДЕ

С рокотом
Красавцы самолёты,
Братья звездолётов
И ракет,
Штопором восходят
В сверхвысоты,
Падают в стремительном пике.

Режут воздух
Стрельчатые крылья,
Соблюдая строгие ряды,
В синем небе
Чудо-эскадрильи
Оставляют белые следы. . .

И в дожди,
И в бури,
И в туманы
Стаи быстрых
Краснозвёздных птиц
Неустанную несут охрану
Наших мирных
Голубых границ. . .

Георгий Ладонищikov

ПУТЕШЕСТВИЕ НА АЭРОМОБИЛЕ

Вот он стоит, аэромобиль. Или автолёт, как его ещё называют. Или СВП — судно на воздушной подушке. Имён много, и все незнакомые.

Да и сама машина странная, непривычная. На самолёт не похожа: нет крыльев. И на автомобиль не похожа: нет колёс. Судно? Может быть, суда бывают всякие. Но тогда почему оно стоит на земле?

И как эта машина будет двигаться? Плыть? Но ведь не по земле же! А может быть, ползти? Скользить? Шагать? Прыгать? Но у машины нет ни гусениц, ни полозьев, ни ног... Вообще ничего нет! Она стоит посреди двора, как перевёрнутая ванна, только побольше.

Наверху видна застеклённая кабина. Дверца открыта, нас приглашают садиться. Карабкаемся по лесенке, устраиваемся на мягком диване... Как же мы всё-таки поедём?

Водитель нажимает кнопку «Пуск». Машина вздрагивает. Раздаётся низкий гул: уу-уу... Всё громче, всё пронзи-

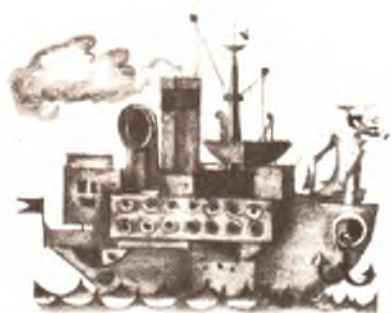
тельнее: ии-и-и... Зз-з-з... И наконец шипение: шш-шш-шш... Машина всё ещё не едет. Но она плавно приподымается и повисает над землёй. Совсем низко, под ней разве что кошка смогла бы пробежать. Впрочем, кошку туда не заманишь. Вон она, вскарабкалась на дерево и оттуда с ужасом смотрит на воющее чудище, из-под которого во все стороны бьёт пыльный ветер.

— Товарищ водитель, откуда этот ветер?

— А это вентиляторы работают. Они гонят под днище машины воздух. Да так сильно, что машина даже приподнимается. При этом, конечно, воздух из-под неё вырывается наружу, но вентиляторы подают всё новый. Вот машина и висит на слое воздуха. Словно лежит на невидимой воздушной подушке. Понятно?

— Кажется, понятно. Ну, а ехать-то как же?

— А вот смотрите. Включаю ручку... Вперёд!

Завертелся воздушный винт, похожий на самолётный. Поползла стрелка на указателе скорости. Выезжаем на шоссе. . . Стрелка показывает 100. . . 120. . . 150 километров в час! Но машина идёт так ровно, так плавно, словно в масле плывёт. Действительно, на подушке!

Обгоняем грузовик. . . Автобус. . . Легковые машины. . . Одна из них — «Чайка» — пытается не отстать. Несколько минут держится вплотную за нами. Но вот на дороге пошли ямки, выбоины. «Чайка» резко сбавляет скорость и остаётся позади. А мы мчимся как ни в чём не бывало!

Впереди — большая река. Шоссе взбегает на мост. Но водитель, лукаво покосившись на нас, поворачивает руль. У-ух! Машина соскакивает с шоссе, перемахивает через канаву прямо на заболоченный луг! Под нами — кочки, кусты осоки, полёгшие от ветра, лужи, из которых разлетается вода, а машина скользит всё так же плавно, как над асфальтом.

Вот пляж, песок взлетает тучей, а мы уже над рекой. Под нами облако брызг, далеко по воде разбегается серебряная рябь.

— Не страшно? — оборачивается к нам водитель. — Утонуть не боитесь?

Мы помалкиваем. Конечно, пока машина держится над во-

дой, бояться нечего. Ну, а если вентиляторы вдруг испортятся? . .

Но тут водитель, словно угадав наши опасения, нажимает кнопку «Стоп». Гул стихает. . . Плюх! Садимся на воду. Тонем? Да нет, плывём, слегка покачиваясь на мелкой речной волне.

— Ф-фу! — переводим дух.

А вентиляторы уже снова воют и шипят, и мы висим в туче брызг, и снова устремляемся вперёд. Уносятся назад берега. . . Буксир, тянущий вереницу плотов. . . Двухэтажный белый теплоход. . . Они словно стоят на месте!

А вот впереди показалось облачко сизого дыма. Разбегаются полосы пены. Стремительно движется узкий, вытянутый корпус, опоясанный окнами. Над водой, как мы? Нет, не совсем так. В воду уходят четыре узких металлических ноги да ещё какая-то наклонная труба.

— Узнали? — спрашивает водитель. — Это «Ракета», теплоход на подводных крыльях. Он движется со скоростью автомобиля: 80, 90, даже 100 километров в час. . . Что? Ещё быстрее? Нет, быстрее не получается. У него ведь крылья и винт всё-таки в воде. А попробуйте-ка в воде побегать! Если по пояс или по грудь, вроде обычного судна, так не то что бежать — идти будет тяжело. А если по шиколотку,

как «Ракета», бежать уже можно, но всё-таки гораздо труднее, чем по суше. Да вы ещё будете ноги из воды поднимать, а у «Ракеты» крылья всё время под водой.

— Может быть, всё-таки получится, если мотор поставить посильней?

— Пробовали. Насилу дошли до 100 километров в час, а дальше крылья и винт не выдерживают. Металл покрывается язвами, они становятся всё глубже. . . Кр-рак! Конечно: крыло или лопасть винта разлетается на куски. . .

Нам хочется рассмотреть «Ракету» получше, но она уже осталась далеко позади. А ведь ещё так недавно это судно считалось самым быstroходным! . .

— Товарищ водитель! А нас никто не обгонит?

— Нет, — улыбается водитель. — На воде наше судно быстрее всех.

— Ну, а на суше?

— На суше могут обогнать. Сейчас уже есть поезда, мчащиеся со скоростью 250—300 километров в час. Гоночные автомобили — ещё быстрее. Но ведь для поездов и автомобилей нужны специальные дороги. Надо эти дороги строить, а потом ещё за ними ухаживать: осматривать, чинить, очищать от снега.

— Тогда зачем же нам автомобили и поезда? Давайте настроим таких вот. . . СВП,

судов на воздушной подушке, и будем всюду ездить: и по воде, и по суше. Всё нам тогда будет нипочём: мели, болота, пески, льды, снега... СВП ведь всё равно, над чем скользить?

— Всё равно-то всё равно, но у этой машины есть один недостаток. Очень уж большая мощность требуется, чтобы держаться над землёй или над водой. Поменьше, правда, чем у самолёта, но гораздо больше, чем у автомобиля, электровоза, теплохода на подводных крыльях. Если весь транспорт перевести на воздушную подушку, горючего не напасёшься. Вот почему мы и говорим пока: «судно». По воде, значит, ходит. Здесь действительно оно и быстрее всех, и не боится мелководья. А на суше поезд и автомобиль пока всё-таки гораздо выгоднее.

— Пока? Что значит пока? А потом что будет?

— Потом, наверное, изобретут новые электрические

батареи: маленькие, лёгонькие, но очень мощные. Видели на вокзале или на заводе электрокар—электрическую тележку с батареями? Там этими батареями весь низ забит, и всё равно их то и дело нужно подзаряжать. А будут лёгкие батареи — появится и электрический аэромобиль. Вот тогда мы с вами попутешествуем.

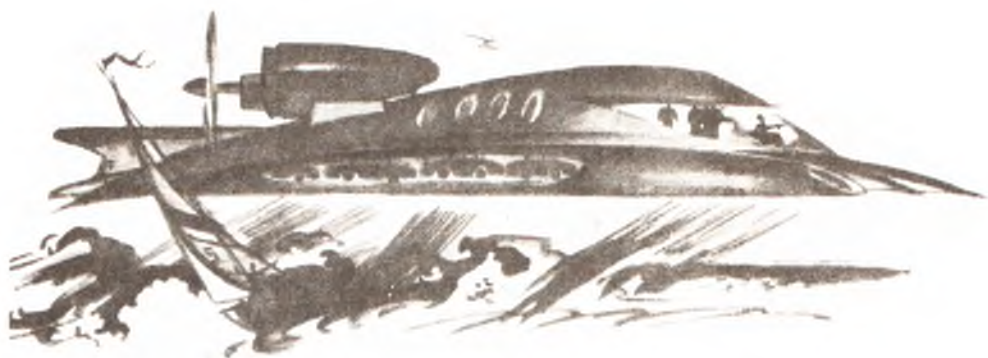
— А как мы попутешествуем? Куда?

— Да куда угодно. Хотите, вместе пофантазируем? Представим себе, что век электрических аэромобилей уже начался.

— Хотим, конечно, хотим!

— Тогда поехали в будущее!

И водитель смело выводит аэромобиль снова на берег. Под нами дорога, но какая-то странная. Асфальта нет, бетона нет, канавок по бокам тоже нет — просто ровная полоса земли. И — смотрите-ка! — эта земля чем-то засажена! Пучками торчат тёмные листья с

красным отливом. . . Свёкла? А вот стоят рядами круглые кочаны, укутанные в синеватые листья. . . Капуста! Прямо на дороге!

— Ну хорошо, мы-то её не подавим. А как же другие машины, обычные?

Водитель кивает на знак, стоящий у перекрёстка. На круглом щите — колесо и тракторная гусеница, перечёркнутые красной полосой.

— Видите? Колёсным и гусеничным машинам проезд запрещён. И правильно, иначе получится не дорога, а капустный салат!

Аэромобили, вроде нашего, так и снуют взад и вперёд. А вон. . . что это? Вот так чудище! Целый корабль! И летит гораздо выше нашей машины. Наверное, не меньше двух метров от земли.

— Видите? — оживляется водитель. — Океанское СВП!

— Океанское? А что же оно делает здесь, в полях России?

— Так ведь оно не только по океану ходит. Это раньше, в наше время так было. Океанское судно нагружали в порту. Везли к нему грузы издалека на поездах, на автомобилях. Потом судно шло через океан, в другой порт. Тут его начинали разгружать. И снова поезда и автомобили развозили грузы.

Но когда через океан стали ходить СВП, люди сказали: прощайте, прославленные портовые города! Прощайте, Ленинград и Мурманск, Одесса и Владивосток! Здравствуй, новые океанские порты: Калуга, Харьков, Магнитогорск! Сухопутных городов больше нет; СВП везёт свой груз от места до места.

— Ну, а как там, в океане? Не опасно ходить на таких судах? Волны их не захлёстывают?

— Смотря какие волны. Видите, это судно летит высоко. Это потому, что оно очень большое. Оказалось, что чем больше СВП, тем толще полу-

чается под ним воздушная подушка. Ещё в наше время морское СВП курсировало между Англией и Францией. Оно перевозило через море 1200 пассажиров и 80 автомашин, скользя в двух метрах над водой. Интересно, что даже при заметном волнении моря пассажиров совершенно не качивало!

Но, конечно, в сильную бурю это судно отстаивалось в порту. Ведь штормовые волны в морях бывают и в пять, и в шесть метров высотой, а в океанских просторах — даже до 15 метров. Страшно подумать: волна с пятиэтажный дом!

— Как же океанские СВП спасаются от этих волн?

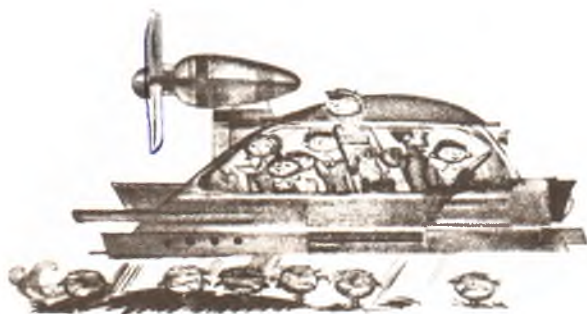
— Да просто убегают. Ведь самый страшный ураган, самый стремительный тайфун мчится со скоростью 120—150 километров в час. Ну, а СВП ещё быстрее: до 200 километ-

ров в час. Над землёй, над океанами всё время летают искусственные спутники службы погоды. Они сверху видят движение штормовых облаков и сообщают о нём по радио. И СВП тут же меняют курс, чтобы не попасть в полосу урагана.

— Как интересно! Но что это, товарищ водитель? Мы снова летим над обычным шоссе и снова сворачиваем к реке? А где же все эти СВП — и маленькие и океанские? И где посевы на дорогах?

— Сказка кончилась, ребята. Мы опять летим на сегодняшнем, опытном аэромобиле. Но не горюйте. Вы будете расти, набираться сил. И аэромобиль — чудесное судно на воздушной подушке — тоже всё время растёт, крепнет, развивается. Так что вы с ним обязательно ещё встретитесь!

Л. Гальперштейн

КРАБ И ЧЕРЕПАХА

Сказка

Однажды в жаркий день встретились на морском берегу Краб и Черепаха. Черепаха купаться собралась, а Краб на песок погреться вылез.

Познакомились они и очень друг другу понравились: оба в блестящих панцирях, оба круглые, как тарелки.

«Вот бы с таким другом по лесу пройти, — думает Черепаха. — Ведь он такой красавец: десять ног, усы длинные, клешни большие... Мне бы все звери завидовали!»

«Вот бы с этой Черепахой по дну поползать, — думает Краб. — Она такая необыкновенная. Панцирь у неё в клеточку, голова змеиная, а лапы когтистые. Мне бы все рыбы завидовали!»

— Послушай, Краб, — говорит Черепаха, — давай вместе в лесу жить. Смотри, как у нас красиво: бабочки порхают, цветы распускаются, птицы гнёзда выют...

— Нет, лучше уж ты сама в море переселяйся, — отвечает ей Краб. — У нас в подводном лесу тоже морские бабочки порхают, рыбки-колюшки гнёзда выют и морские цветы распускаются. Только от этих цветов лучше подальше держаться. А то они всегда голодные, того и гляди, щупальцами ухватят...

— Как видишь, у нас лучше, — говорит Черепаха, — наши-то цветы никого не обижают. Ещё у нас в лесу пёстрые попугаи летают, кривыми клювами твёрдые орешки щёлкают. А маленькие птички стаяй крошки за ними подбирают.

— Вот невидаль! — отвечает Краб. — У нас в море рыбы-попугаи плавают, твёрдые ракушки раскусывают. А мелкие рыбёшки за ними стаяй плывут, крошки подбирают.

Черепаха подумала и говорит:

— Зато павлина ты, наверное, никогда не видел. Это самая красивая птица. Хвост у него как радуга, каждое перо сверкает!

А Краб опять не сдаётся:

— Зато у нас в море растёт морское перо. Ночью оно так сверкает, что глазам больно. Переселяйся к нам, не пожалеешь!

— Нет, не хочу, — не соглашается Черепаха, — ночью в лесу ещё интереснее — в небе луна плывёт и звёзды горят.

Краб рассмеялся и отвечает:

— И у нас над подводным лесом рыба-луна плавает, да не одна, а много. На дне морские звёзды загораются, медузы, как лампы, сияют, раки-креветки огненные фонтаны выбрасывают.

Черепаха отступать не хочет и говорит:

— Всё равно в нашем лесу лучше! У нас злых зверей совсем мало. Разве что пятнистый кот птиц под деревьями стережёт. Только нас с тобой он не тронет.

Краб отвечает:

— У нас тоже пятнистый морской кот водится. Он рыб подстерегает, а нам с тобой не страшен.

Стала Черепаха думать, что бы ещё интересное рассказать. И тут, на её счастье, вышел из леса Слон, набрал в хобот воды и давай поливаться.

— Смотри! — кричит Черепаха. — Это наш самый большой зверь. Он ест листья, траву и никого не обижает. Разве у вас такого встретишь?

— А ты взгляни на море, — говорит Краб.

Посмотрела Черепаха, а вдоль берега Кит плывёт и фонтаны пускает.

— Это наш самый большой зверь, — объясняет Краб, — он тоже никого не обижает, только мелких рачков да водоросли сквозь усы процеживает.

Видит Черепаха, что не переспорить Краба, и говорит:

— В море хорошо, и в лесу хорошо. Давай по очереди друг к другу в гости ходить.

— Давай! — обрадовался Краб. — Только где мне тебя искать?

Надо бы Черепахе сказать, что она под деревьями ползает и траву щиплет, да решила она похвастаться и говорит:

— Я — Черепаха-обезьяна. Прыгаю вместе с обезьянами по высоким деревьям, кокосовые орехи собираю. А ты что в море делаешь?

Краб в море по дну ползал, улиток ловил. Стыдно ему было перед проворной Черепахой неловким показаться. Вот он и говорит:

— А я Краб-дельфин, быстрее всех плаваю, рыб догоняю, с волны на волну перескакиваю.

Договорились Краб и Черепаха на следующий день встретиться, попрощались и по домам разошлись.

Ползёт Черепаха по берегу и горькими слезами плачет:

— Что же я наделала! Узнает завтра Краб, что не умею я по деревьям лазать, и не будет со мной дружить.

Как раз в это время на морском берегу собирал жемчужины добрый Волшебник.

— Скажи, что случилось? — спрашивает он Черепаху. — А то я тоже заплачу, промочу свою бороду и простужусь.

— Мой друг плавает быстрее дельфина, а я такая неуклюжая... — начала Черепаха.

— Всё понятно, — перебил её Волшебник и достал палочку-превращалочку. — Раз-два-три! — И... лесная Черепаха превратилась в морскую Черепаху с длинными плавниками.

— Спасибо тебе, Волшебник! — закричала она и прыгнула в море.

В эту самую минуту из воды вылез очень печальный и очень несчастный Краб.

— Помоги мне, добрый Волшебник, — заплакал он. — Мой друг прыгает по деревьям с обезьянами, а я...

— Всё понятно, — заторопился Волшебник и поднял палочку. — Раз-два-три! — И... морской Краб стал древесным Крабом-обезьяной.

— Спасибо! — закричал он и побежал в лес.

С тех пор лазает древесный Краб по высоким пальмам, ест кокосовые орехи и ищет Черепаху-обезьяну. А морская Черепаха плавает по морю, ловит рыбу и спрашивает, не видел ли кто Краба-дельфина.

Так они до сих пор и не встретились.

Сами виноваты: нельзя друзей обманывать!

Ирина Яковлева

КРАЙ МОЙ СЕВЕРНЫЙ

Приехал я в Нарьян-Мар и сразу пошёл в школу-интернат с ребятами знакомиться.

А мне говорят:

— Ребята уехали.

И правда, в классах и спальнях — пусто. В коридорах стоят парты и кровати. Ремонт.

— Как же это уехали? — вырвалось у меня.

— Да кто как, — ответили мне, — на самолётах, на катерах, на оленях. . .

Тут я и в самом деле почувствовал, что нахожусь не где-нибудь, а в Нарьян-Маре, на Севере, за Полярным кругом. Ребята, которые здесь учатся, приезжают сюда на зиму из сёл и посёлков, из дальних стойбищ. А теперь разъехались на каникулы. Чуть-чуть бы раньше, и застал. Да у меня экзамены были. Я ведь тоже ещё учусь, только не в школе, а в институте, на факультете журналистики. И это моя первая командировка. Неужели так ни с чем и уеду? Вот досада!

Мне посоветовали:

— Посмотрите нашу выставку рисунков, и вы многое узнаете о жизни ребят.

Выставка называлась: «Край мой северный».

Не знаю, как вы, ребята, а я, когда смотрел на бегущие по снегам олени упряжки и пса с закрученным хвостом, устремлённого вперёд, подумал: «Перекочёвка — дело нешуточное. Олени съели весь ягель на полсотни километров вокруг, и вот всё огромное стадо движется на новые пастбища. Прямо-таки «переселение народов».

Но вот путь окончен. Надо устроиться на новом месте, поставить чум, развести огонь, сварить еду. А вокруг — снега и небо: синее, алое, голубое, лиловое. . . Наверное, об этом и вспоминают ненцы, когда говорят: «Ничего нет прекраснее тундры».

А вот среди снежных просторов небольшой домик. Присмотревшись, можно увидеть, что он стоит на лыжах. Называется этот домик «болок». Он приходит на смену чуму. В таком домике обычно размещается бригада пастухов, которая кочует вместе с оленьим стадом. А вообще-то ненцы живут теперь не в чумах и не в болках, а в обыкновенных деревян-

Перекочёвка

ных домах, в сёлах и в посёлках. В тундру на кочевье бригаду пастухов доставляет вертолёт, а те, кто закончил смену, на этом же вертолёте улетят домой в посёлок. Смена пастухов — радостное событие.

Вот ещё один рисунок, который мне понравился. Физкультурный зал. Не тот ли, мимо которого я только что проходил?

Смена пастухов.

Ловкие, гибкие девочки. На минуту стих говор, смех. Трудное упражнение...

Мне казалось, что я чуть-чуть да увидел Север. И ещё сильней захотелось мне встретиться с ребятами. Я бродил по Нарьян-Мару и думал, что делать.

Нарьян-Мар городок небольшой, деревянный. Деревянные здесь и дома и тротуары. Идёшь, и доски упруго покачиваются под ногами. А по бокам тротуаров груды зелёного дёрна. Его привезли и укладывают плитами вдоль улиц. Так здесь озеленяют город. Потому что если просто посеять траву, она не будет расти. Нарьян-Мар стоит на болотах и песках. Болото и песок вроде бы сочетание необычное. Это особенность здешних мест. Когда летишь на самолёте, видно: внизу светлая зелень, голубые озёрца и жёлтые песчаные плешины.

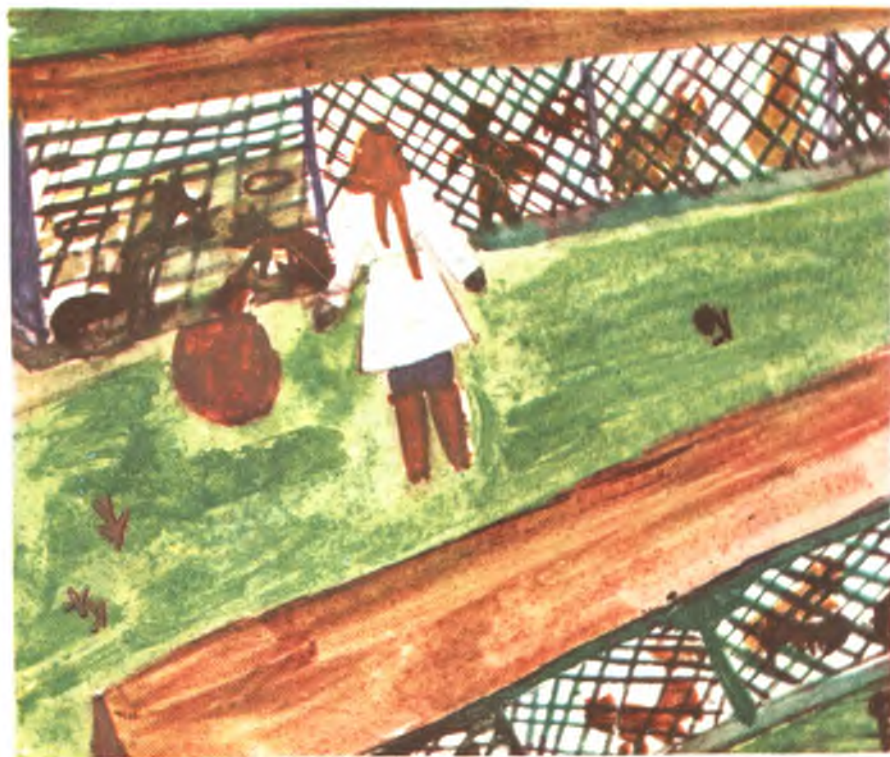
Стоит Нарьян-Мар на реке Печоре. Пришёл я на причал. От нечего делать стал читать расписание движения теплоходов и названия пристаней: Никитцы... Куя... Индига... Нельмин Нос... Стоп! Нельмин Нос — это я уже слышал и даже

В физкультурном зале.

интересовался, кто такая нельма и чем знаменит её нос. Оказалось, нельма — это большая, почти в человеческий рост, рыба. А нос вовсе не её. Нос — означает мыс. Наверное, под тем мысом ловилось много нельмы. Но вспомнил я про Нельмин Нос потому, что мне говорили — там живут многие интернатские ребята. Мне стало ясно, что нужно делать.

На зооферме.

Строят чум.

Печора кажется рекой спокойной. Течёт, вольно раскинувшись в широченном русле. С утра она была свинцовой, потом посветлела, засеребрилась, а когда из-за облаков выглянуло солнце, и вовсе стала весёлой и разной: в середине глубинная синева, а по бокам золотые откосы и кудрявая зелень кустарника. А навстречу то трудяга лесовоз, то почтовый катер, то флотилия рыбачьих лодок.

Наконец наш теплоход ткнулся в песчаный берег. Это и есть Нельмин Нос — конечная остановка. Дальше пассажирского движения уже нет.

Посёлок стоит на возвышении. Ровные улицы с такими же, как в Нарьян-Маре, деревянными тротуарами. Крыши и крылечки домов украшены оленьими рогами. А во дворах стоят нарты. Одни — большие, а вторые — маленькие. Потом я узнал: большие — олени, а в маленькие зимой запрягают собак. А пока этот лохматый «транспорт» налегке бегаёт по улицам. Собаки здесь удивительно приветливые. С особым собачьим любопытством увязываются за прохожими, играют с ребятами.

В посёлке находится центральная усадьба оленеводческого колхоза имени Ивана Павловича Выучейского, ненецкого революционера. Есть здесь своя электростанция, дающая ток посёлку, машинный парк, зооферма, на которой разводят норок.

Так случилось, что прежде всего я попал на зооферму. Мне сразу вспомнился рисунок, который я видел на выставке в интернате. Уж очень всё здесь было похоже. Наверное, художник, рисовавший его, часто бывал на ферме.

Я пришёл в час «процедур». Зоотехник Марфа Алексеевна и практикантка Аня делали зверькам профилактические прививки. Норки жалобно пищали, а Аня утешала их, приговаривая: «Ничего, потерпите, скоро обед». И правда, в жарко натопленной кухне повар Прасковья Ивановна проворачивала на огромной мясорубке фарш, готовя «фирменное» блюдо.

Потом я встретился с Лёшей Талеевым, который учится в нарьян-марской школе-интернате. Лёша тоже любит рисовать, но ещё больше он увлекается фотографией. Выяснилось это так. У меня с собой был фотоаппарат, и, хотя я снимаю плохо, всё же решил сфотографировать Лёшу. Навёл на него аппарат.

— Какая выдержка? — спросил Лёша.

Я ответил.

— Не годится, — сказал Лёша.

Взял у меня аппарат, долго что-то примерял и высчитывал. Потом встал на своё место и велел мне щёлкнуть. Я щёлкнул. Но потом, когда приехал домой, нечаянно засветил плёнку.

Летом Лёша помогает отцу пасти в тундре оленей. Старший Лёшин брат Семён тоже оленевод.

Лёша очень интересно рассказывает про оленей. Оказывается, олени очень любят грибы. Нападут на грибное место, так набросятся на лакомство, разбредутся в разные стороны, что потом собаки из сил выбьются, пока соберут их. А маленькие оленията в большом стаде, случается, отстанут от мамы, а потом не могут её найти. И вот таких потерявшихся оленят приходится выкармливать и воспитывать людям. У Лёши тоже был такой оленёнок-«беспризорник».

Председатель совета дружины нарьян-марской школы-интерната Соня Лаптандер тоже живёт на Нельмином Носу. Но дома её не оказалось — уехала на вездеходе в тундру за морошкой. Зато её сестра Света была дома. Вернее, не дома, а во дворе, с малышами возилась. Сначала я даже не понял, чем она занимается. Лето, Света в лёгком платье, по-летнему одеты и две маленькие девочки. А третья — в шубе до пят и в тёплых оленьих сапожках. Оказалось, бабушка привезла

в подарок младшей Светиной сестрёнке Эле паницу и тобоки. И теперь Света примеряла на сестрёнку обнови.

Вспомнив Лёшины наставления, я долго наводил аппарат. Эле надоело стоять, и она торопила меня:

— Скорей, а то жарко!

Мне и самому уже стало жарко, хотя на мне не было шубы. Я поспешил нажать на кнопку.

Мне очень понравилась Элина паница, разукрашенная цветным сукном и отделанная меховым орнаментом. Я сказал об этом девочкам и узнал такую историю.

...Всё началось с игры. Как-то девочки привезли с собой в интернат любимых кукол. Может быть, эти выдавшие виды куклы были не так уж хороши собой, но одеты были они одна другой краше. У куклы Тани — нарядная паница и тобоки. У куклы Лены — малица и капюшон с бубенчиками. Правда, малицу полагается носить не девочке, а мальчику — она и надевается через голову, как рубашка. Но это неважно. Главное, что и паница и малица, сшитые бабушками и мамами, были очень нарядные. Паница и малица — национальная ненецкая одежда. А тобоки — высоченные оленьи сапоги, которые надевают на меховые чулки и привязывают к поясу.

Теперь в городе и в посёлках ненцы носят обыкновенные шубы и пальто. Но уезжая в тундру, надевают меховую одежду — без неё в тундре пропадёшь. Шьют её и маленьким ребятам, чтобы не мёрзли, гуляя в мороз. Одежда эта не только очень тёплая, но и красивая. И вот в нарьян-марском интернате начал работать кружок национального прикладного искусства. Девочки учатся шить наряды для кукол, подбирать меховые узоры, мальчики делают из меха игрушки.

Кукольные платья и другие работы нарьян-марских ребят побывали на выставках в Архангельске, в Москве и даже в Монреале. И очень понравились посетителям.

На прощанье ребята подарили мне сшитого из меха оленёнка Олешка. А я привёз его в Москву в журнал «Пионер», и он теперь стоит в редакционном музее.

Сергей Александрович

КАЛУЖОНОК

Рассказ

Амур — целое море. Берега — перевалы голубой тайги. Я мчался серединой Амура на быстрой лодке. Впереди — остров, неуклюжий, как баржа. Он так далёк, что казалось, уплывал от меня. Навстречу лодке ни коряг, ни палок, и подомной — бездонно. А я возьми да и наскочи на что-то громадное.

Я сбросил скорость и оглянулся. Из воды вспучилось чудище. Спина широкая, как у бегемота, серо-пепельная, да ещё сутулая. От головы до хвоста ряды шипов, и по бокам шипы, а брюхо белое. Башка длинная, острый нос задран, и глаза мелкие. Чудище молотило акульим хвостом, задирая рыло, всхрапывало.

Это была калуга. Она ударилась об лодку головой. Очумев, слепо кружилась сверху реки. Если нацеливалась в мою

сторону, я уходил подальше: чего доброго, ринется на лодку и накрошит щепок. Ложилась набок калуга, я останавливался рядом; когда погружалась в глубину, было мучительно ждать, где она вынырнет. Не проломит ли лодку!

Почему калуга не заметила меня? Наверно, гналась за толстолюбом или, сытая, утомлённая охотой, подрёмывала на вечернем солнце. Могла и резвиться: начинался июнь — для калуг самое время икромета.

Мало-помалу калуга образумилась и скрылась под водой.

И снова тихо. Поблёскивала река; враскачку летали чайки. Я нагонял далёкий остров.

Лет двадцать назад, как и тигроловы, на Амуре были в доброй славе калужатники — хваткие бородачи. Зимой они перетягивали бечеву подо

льдом поперёк русла, навязывали на бечеву снасти — крючки толщиной в палец, а между крючками из светлой жести поплавки — и затягивали самолы под лёд.

Калуга забавлялась поплавами — трогала носом, пошевеливала хвостом. Играла она до тех пор, пока не впивалась в неё крючок. Как вонзался, тут калуга начинала буяннить и ловилась ещё на дюжину крючков.

Проверять снасти приходили целым селом, выдалбливали обширную прорубь. Калужатники «осаживали» рыбину: смирную подтягивали к себе, лихую сноровисто отпускали. Думали и работали в лад. Мороз сорок градусов, а калужатникам жарко. Наконец подводили к проруби усталую рыбину, накидывали на тонкое запястье хвоста петлю, подёргивали верёвку через жабры. Толпа зевак — взрослые и ребятишки — вытаскивали калугу на лёд.

Потом до глубокой ночи светились лампы в домах. От старого до малого лепили пельмени, намораживали по кулю. То-то удобно, когда наедут гости и надо мигом приготовить на стол!

Двадцать лет запрещалось ловить калугу: сильно убавилось её в Амуре. Теперь она расплодилась. Да вся будто из инкубатора, одного размера и веса — четыреста килограм-

мов. Даже защитники природы говорили: пора ловить калугу. Когда слишком много её, тоже вредно. Она поедает другую рыбу: шук, верхоглядов, сазанов, кету. . .

Однако запрет ещё продлён: ведь калуга мечет икру с двадцати лет. А рыбина в четыре центнера — юнец, нельзя трогать. Пускай даст приплод, тогда и ловить можно.

Живёт калуга сто лет и весом бывает в тонну. Ни в одной реке мира нет такой рыбы, только Амур славен ею!

Лодка нагоняла островбаржу. Ничто не мешало мне думать о калуге. Вспомнил: и на махалку — подлёдную блесну — ловятся игривые калужата. Если на блесне один-два крючка, для них не опасно. Наколятся и убегут. Но «краб» — шесть крючков — держит крепко. Калужонку в три пуда не уйти. Поймается вместо ленка или тайменя калужонок, надо отпустить. Однако не каждый рыбак отпускает. Вот и дежурят на льду дружинники да милиция.

Остров приблизился и точно полетел на меня, крутояром задирает мутную воду, вздымался к небу.

В затишье, у скатного берега, весельная лодка и четверо мужчин. Я хотел с разгона выскочить на берег, но помешала капроновая верёвка — зацепилась за мотор. Верёвка дёргалась — в реке бурлило.

Мужчины привязали калугу.

— А чего она путалась под ногами, — нехотя сказал мне высокий, с рыжей бородёнкой. — Бросаем сеть на сазана, она лезет, калуга. Пришлось привязать, пускай не мешает.

Обросшие, неумытые ловцы обступили меня, ухмылялись. Я легонько толкнул одного, другого, вышел из кольца. Ждал спиной: вот-вот хлопнут. Раз они среди белого дня ловят калуг, меня-то спрячут быстро.

Я залез в их лодку, к вороху сети. Такой сетью не то чтобы калуг ловить, и теплоходу не вырваться. Показал на рыбину:

— Синявка с полтонны будет?

— Примерно так, — ответил бородатый, — но для нас она малёк. Если крупнее не клюнет, придётся эту свежевать.

— Дай-ка закурить. — Я взял папиросу у парня (хоть бы рука не дрожала); просыпая табак, закурил. — Таковую тушу — и на четверых! Вы прожорливы.

— Если вякнешь, и тебя съедим, — тихо сказал мне парень.

Мы дымили друг на друга, ловили зрачки.

— Хватит человека разгрызывать, — улыбнулся бородач. — Объясните ему, кто мы такие. . .

— Судно идёт. . . — махнул

вниз по течению реки один мужчина. — С флажком. . . милицейский или рыбоинспекторский катер.

Я тоже увидел белые размахи густых брызг, ликовал, словно долго жил на необитаемом острове и наконец-то дождался спасителей.

— Отпустим-ка, ребята, калужонка, а то придерутся, — забеспокоился бородач.

— Кажется, не инспекторский, такой катер есть у речников. . .

— Отпустим, ребята, — настаивал бородач; ухватился за верёвку, перекинул через плечо. Другие тоже подбежали и потянули калугу на берег. Калуга ворочалась, била хвостом, вспенивая воду.

А катер точно застыл в куржаке волн. Ни с места! Но вот сорвался, шально полетел к нам. Не успел я и глазом моргнуть, как он осел на мели. Трое ринулись к лодкам — моей и рыбаков. Двое очутились возле калужатников.

— Ну, взяли ещё раз! . . — спокойно приговаривал седой, с натужно красным лицом, помогал тянуть за верёвку.

Калуга бесилась, пока не легла брюхом на песок. Легла и ослабела, будто задремала.

Инспектор показал красную книжку бородатому и жёстко потребовал у него документы.

Бородатый подался к лодке, двое инспекторов — за ним. Он втискивался до плеч в рун-

дук, вытаскивал наружу мешки, рюкзаки, тряпки.

«Какие у него документы! Тянет волынку, и всё, готовится к драке». Я заметил тяжёлое весло, инспекторы тоже были начеку.

— Вот они, бумаги! — обрадовался рыбак и торопливо открыл кожаную сумку. Достал бумаги с круглыми печатями и многими подписями. Я заглянул в документы и узнал: калугу разрешено поймать для чучела в музей уральского города.

— У вас всё в порядке! — рассердился старый инспектор. — А мы-то думали: вот штрафанём браконьеров! Чего же испугались?

Бородатый смущённо показывал на бумаги:

— Пока дали нам поймать калугу, сами видите, сколько барьеров взято. В крае и районе строго-настрого наказали: ловить в полтонны весом — не меньше. А эта, может, полегче...

Инспекторы засмеялись. Повеселели рыбаки, споря, прикидывали на глаз, как тяжела калуга.

Она ворочала хвостом, нагоняя волны на берег. Блестя гладкой кожей, сползла на глубину.

Катерок взбугрил воду снежным валом и полетел, надсадно звеня. Его топорщистые «усы» сгнули в пустыне разлива.

Анатолий Максимов

ПОД ВОДОЙ

Водоросли, водоросли!
До леса вы не доросли.
Игрушечный лесочек
Среди камней и кочек.
В лохматых зарослях темно.
Темным-темно речное дно.
Малёк серебряный блеснёт,
Как реактивный самолёт.

Я на мальков смотреть люблю,
Но никогда их не ловлю.
Пусть растут они в реке,
Где тени бродят на песке,
Где их родной лесочек
Среди камней и кочек...

М. Вехова

ПАРОХОД

Вот
по реке
плывёт пароход.
Баржи везёт.
Не одну,
а три.
Чем же нагружены баржи?
Смотри!
Железом,
досками,
кирпичом. . .
Чтобы люди могли
построить дом.
Как же маленький
пароход
Такие большие баржи
везёт?
У парохода
машина внутри.
Это она
тащит баржи,
три,
Это она
так громко пыхтит
И на своём
языке говорит:

— Ух-тих,
ух-тих,
ух-тих,
Я тружусь,
я работаю
за троих!
Ух-тут,
ух-тут,
ух-тут,
Я спешу,
я спешу,
меня люди ждут! . . —
Пых-тих,
пых-тих,
пароход пыхтит. . .
Да как загудит:
— Я старался,
спешил,
Чтобы не опоздать,
Выходите на пристань
меня встречать! —
Тяжёлые баржи
народ разгружает. . .
А пароход
отдыхает.
Он устал.

Ирина Михайлова

ЛЕТО

В просветы веток, как в оконце,
Глядело, улыбаясь, солнце,
Был воздух на цветах настоян,
И все деревья спали стоя.

Стрекозы, поздравляя с утром,
Кружась, сверкали перламутром.
Они справляли новоселье,
Где пни на корточки присели.
В просвет ветвей, словно в оконце,
С высот на них глядело солнце.

Н. Берендгоф

„УЧИТЕСЬ У РЕБЯТ!“

От зари и до заката
В речке плещутся ребята.
Утки с завистью глядят
И стыдят своих утят:
«Вы опять залезли в тень!
Вам опять купаться лень!
Научитесь, как ребята,
Плавать в речке целый день!»

В. Кривошеев

ЛОДКА

Садись ты в лодку,
Наверно, впервые,
И лодке в охотку
Зигзаги кривые.

Ты скажешь потом,
Что она тихоходка...
Но, может быть, в том
Виновата не лодка?

Евгений Ильин

НА ВЕСЁЛОЙ КАРУСЕЛИ

Хорошо на карусели!
На слона с тобой мы сели,
Завертелся шар земной
И поплыл кругами...
Небо было надо мной,
Стало под ногами...
Опустились горы вниз,
Люди к солнцу поднялись.
Покатались кувырком
Телебашня,
Площадь,
Дом...
Всё кружилось,
Всё вертелось,
А мне ужасно петь хотелось.

Леонид Раишковский

СЕРЕБРЯНЫЕ И ЗОЛОТЫЕ СТУПЕНЬКИ

Как вы думаете, с чего начинается спорт? Со значка ГТО. И путь к золотым медалям чемпиона так же начинается с этого маленького, но драгоценного значка. Его недаром называют спортивным орденом, который надо заслужить.

Со значками ГТО уходили на фронт наши воины. Многие из них совершили подвиги, стали Героями Советского Союза. Значок ГТО носят и герои труда — прославленные шахтёры, токари, ткачихи, учёные. . . И отважные покорители космоса — значкисты ГТО.

Всего лишь три буквы — ГТО, но какой глубокий смысл в них заключается: Готов к Труду и Обороне! Если ты увидишь паренька или девушку со значком ГТО, знай, что перед тобой сильный, здоровый человек, готовый преодолеть любые трудности.

Весной 1972 года у нас в стране введён новый комплекс ГТО. Он предназначен для всех граждан — от юных пионеров до седовласых

пенсионеров. Нормы ГТО сдают ребята начиная с 3—4-х классов.

В новом комплексе — пять ступеней. Первая ступень предназначена для мальчиков и девочек 10—13 лет. Она называется: «Смелые и ловкие».

Какие требования предъявляются к подросткам, сдающим нормы ГТО?

Прежде всего надо сознательно относиться к занятиям физической культурой, понимать их значение для здоровья человека. По утрам надо обязательно делать зарядку, соблюдать правила гигиены: умываться, чистить зубы, принимать душ или делать обтирания. Затем следует доказать, что ты не тратишь времени зря, стал ловким, быстрым, сильным и выносливым. А для этого надо многое знать и уметь. Например, мальчики 10—11 лет должны суметь пробежать 30 метров за пять и восемь десятых секунды, прыгнуть в длину с разбега на 3 метра 10 сантиметров и в высоту на 95 сантиметров. Кроме того, надо хорошо метать теннисный мяч, плавать, бегать на лыжах, суметь три раза подтянуться на перекладине.

Для девочек разработаны другие, более лёгкие нормы.

Тот, кто выполнит как следует все нормы, получит в награду серебряный значок ГТО. А если мальчик или девочка выполнит другие, более трудные нормы, их наградят самой почётной наградой — золотым значком ГТО.

Вот и получается: комплекс ГТО—как бы лесенка. Внизу серебряные ступеньки, аверху — золотые. И чем выше, тем труднее подниматься по ним.

Вот какие замечательные ступеньки ГТО созданы для вас, ребята!

Александр Светов

«НЕУЛОВИМЫЙ»

В вагоне электрички напротив высокого мужчины сидели мальчик и старушка.

— Дай! Дай! — требовал мальчик, вцепившись рукой в сумку, которую держала старушка.

— Нехорошо, Игорёк, грызть семечки в поезде, — урезонивала она. — Да и грязные. . . — Но всё же дала внуку семечек.

Мальчик быстро расправился с ними и бросил горсть шелухи под лавку. Пассажир покачал головой.

— На дачу едешь? — немного помолчав, спросил он.

— В лагерь «Зелёная роща». Ребята вчера уехали, а я. . . задержался. Но у меня справка от врача есть. . . я без инфекций.

— Это хорошо, что ты в лагерь едешь, — сказал пассажир. — Там тебя приучат к дисциплине.

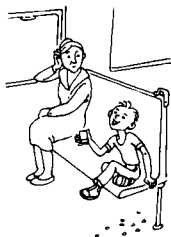
— Не. . . — возразил Игорь. — Я неуловимый! Вот устрою на лагерном костре фейерверк, и никто знать не будет. — Он полез в карман и достал коробочку пистонов. — Сто штук. Бабахнут на весь лес! Я ещё филином ухать умею. Подкрадусь вечером к девчачьей спальне и ухну. Ну и переполох будет! Хотел я ещё отцовскую бритву с механическим заводом в лагерь взять, да отец спрятал.

— Зачем тебе бритва? — спросил пассажир.

— Чтоб под носом каждый день брить. Тогда усы скорее вырастут. Как думаете, выросли бы у меня усы к концу лета?

— Про усы не знаю, а здравые мысли должны появиться.

— Люблю я в лагере что-нибудь потихоньку устроить, — разоткровенничался

Игорь. — Только в этом году начальник у нас жутко въедливый. Ещё в городе с каждым из ребят беседовал.

— С тобой не будет, — сказал пассажир, — ты же опоздал.

— Будет, — возразил Игорь. — Но я-то знаю, как с ним говорить. Пусть думает, что я самый послушный.

— Да не станет он с тобой говорить, вот увидишь.

— Это почему же?

— Потому что... уже поговорил! — ответил пассажир.

ЗАПОЗДАЛЫЙ ПЛАН

В день открытия третьей смены старшая вожатая пионерского лагеря «Салют» сказала ребятам:

— Перед отъездом домой проведём сбор «Чему мы научились за смену».

— А чему мы научимся? — спросил её октябрёнок Павлик Косов.

— Сами подумайте, — сказала вожатая.

Ребята тут же принялись думать.

— Научимся свои кровати заправлять? — предложил Вадик Хромов.

— Научимся! — поддержал его Павлик и сам предложил: — Можно из сучков и корешков всякие игрушки научиться делать.

— А из шишек — человечков! — добавил кто-то.

И посыпались предложения. Одно интереснее другого.

— Научимся вредные грибы от хороших отличать?

— Научимся!

— Научимся следы лесных зверюшек узнавать?

— Научимся!

А дни шли. Как-то вечером в лагере погас свет. Это натолкнуло Павлика на великолепную идею:

— Научимся различать на ощупь листья деревьев и травы?

— Научимся! — загудели в ответ ребята, а Вадик Хромов заявил:

— Я крапиву от лопуха хоть сейчас с закрытыми глазами отличу. Крапива кусается.

Все предложения Павлик аккуратно записывал себе в тетрадь, как велела ему вожатая в день открытия их смены. Наконец отобрал самые лучшие и пошёл к ней.

— Хороший план, — одобрила вожатая. — Прибереги его на следующий год. Теперь уже поздно. Послезавтра лагерь закрывается.

НИ БОЛЬШЕ НИ МЕНЬШЕ!

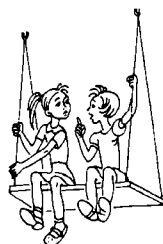
Римма и Лида качались во дворе на качелях. Лида прошептала Римме:

— У меня голова начинает кружиться. А у тебя не кружится?

— У меня уже зелёные круги в глазах расплываются, — ответила Римма.

— Давай слезем, — предложила Лида.

— Ты что! Как можно! — возразила Римма. — Все девочки по полчаса качались, а мы всего несколько минут. Вот откачаемся своё и слезем.

Важные пустяки прислал в „Круглый год“

Юрий Ермолаев.

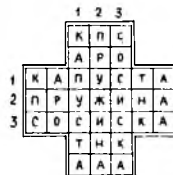

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

ИГРЫ И ЗАДАЧИ ЛЕТА

ДВАЖДЫ ТРИ

Вот задачка — «Дважды три».
Буквы в клеточках смотри
И запомни, как отгадки
Расположены внутри.
Разобрался? Дальше сам
Всё расставишь по местам.

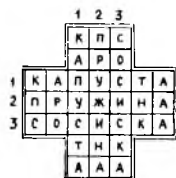
1. Меня ищите в винегрете.
2. А я упрямей всех на свете.
3. Меня едят в варёном виде,
И я на это не в обиде.

I

— Боюсь попасть я щуке в зубы.
— Во мне и флейты есть и трубы.
— Меня услышать каждый рад,
Я драгоценней всех наград.

II

— Все очень хвалят голос мой.
— Не провались в меня зимой.
— А я хитра, меня боится
И рысь, и мудрая волчица.

III

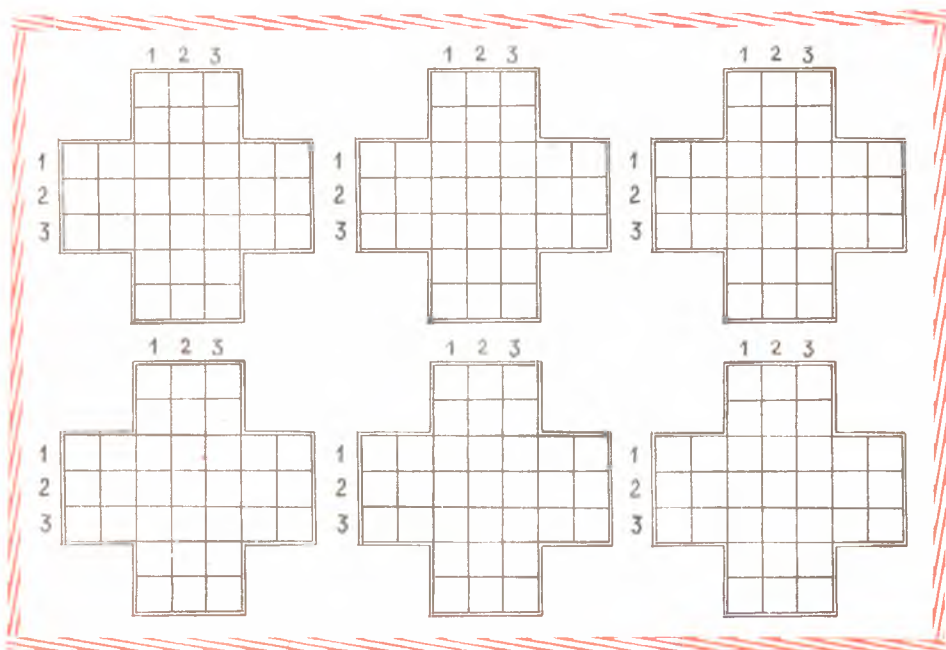
- Меня сгибает сом в дугу.
- Я укусить тебя могу.
- Я малышей прогнал из сквера,
- С меня не надо брать примера.

IV

- Меня принёс ты в первый класс.
- Мной должен быть любой из вас.
- Знаком ты с именем моим,
- Я вёл рабов на Древний Рим.

V

- Я шустрый жёлтый
- Не флейта я, но и не дудка!
- Боятся пальчики обжечь?
- А я бесстрашно лезу в печь!

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

КТО ПОД ВЕРБОЙ?

Тучи давят на поля,
Будет воду пить земля.

Ля.

Гладь реки. На берегу
Ветер вербу гнёт в дугу.

Гу.

Слева крыша шалаша,
Сложен он из камыша.

Ша.

Словно красный сок граната,
Над рекой лучи заката.

Та.

Кто под вербой на картине,
Поищи посередине.

**Загадки Лета — весёлые, крепкие,
Я бы даже сказал, какие-то загорелые!
А тебе так не кажется?**

Н. Разговоров

СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД *ш* СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

ДЛЯ ВСЕХ

Мы бродили по полям,
По лесам бродили
И делили пополам
Всё, что находили.
Тебе — цветок!
И мне — цветок!
Тебе — грибок!
И мне — грибок!
Речку мы делить не стали,
Облака делить не стали,
Острова делить не стали,
Словно маленький орех,
Ведь леса, поля и дали —
Всё для всех!

Наталия Бромлей

О С Е Н Ь

ОСЕНЬ

Листья в поле пожелтели,
И кружатся, и летят;
Лишь в бору поникли ели,
Зелень мрачную хранят.
Под нависшею скалою
Уж не любит меж цветов
Пахарь отдыхать порою
От полуденных трудов.
Зверь отважный поневоле
Скрыться где-нибудь спешит.
Ночью месяц тускл и поле
Сквозь туман лишь серебрит.

М. Ю. Лермонтов

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПРЯЧУТСЯ...

Холодно становится, холодно!

Прошло красное лето...

Стынет кровь, вялыми становятся движения, одолевает дремота.

Хвостатый тритон всё лето прожил в пруду, ни разу не вылезал из него. Теперь вскарабкался на берег, побрёл в лес. Нашёл гнилой пень, скользнул под кору, свернулся там в клубочек.

Лягушки, наоборот, скачут с берега в пруд. Ныряют на дно, забиваются поглубже в тину, в ил. Змеи, ящерицы прячутся под корни, зарываются в тёплый мох. Рыбы стаями громоздятся в омутах, в глубоких подводных ямах.

Забрались в щёлочки, скважинки коры, в трещины стен и заборов бабочки, мухи, комары, жуки. Муравьи закупорили все ворота, все входы-выходы своего высокого стовратного города. Забрались в самую глубину его, жмутся там в кучи, потесней, — застывают так.

Голодно становится, голодно!

Холод не так страшен тем животным, у которых кровь горячая, — зверям, птицам. Лишь бы пища была: поел — словно печечку в себе затопил.

Но с холодом приходит и голод.

Скрылись бабочки, мухи, комары — и нечего стало

есть летучим мышам. Они прячутся в дупла, в пещеры, в расселины скал, под крышу на чердаках. Повисают там вниз головой, прицепившись за что-нибудь коготками задних лапок. Запахиваются,

как плащом, своими крыльями, — засыпают.

Скрылись лягушки, жабы, ящерицы, змеи, улитки. Спрятался ёж в своё травяное гнездо под корнями. Барсук реже выходит из норы.

ВОР У ВОРА ЗАПАСЫ УКРАЛ

На что уж хитра и воровата лесная ушастая сова, а нашёлся вор и её провёл.

Видом ушастая сова — совсем филин, только маленький. Клюв крючком, перья на

голове торчком, лупоглазая. Как ни темна ночь, эти глаза всё увидят, уши всё услышат.

Зашуршит мышь в сухой листве — сова уж тут. Цоп! — и поднимается мышь на воз-

дух. Мелькнёт ли зайчишка через полянку — ночной разбойник уж над ним. Цоп! — и бьётся зайчишка в когтях.

Натаскала себе сова битых мышей в дупло. Сама не ест и другим не даёт: бережёт про чёрный день.

Днём сидит в дупле, сторожит запасы. Ночами на охоту летает. Сама нет-нет и вернётся к дуплу: всё ли цело?

Вдруг стала замечать сова: будто меньше запасы её становятся. Хозяйка зоркая: считать не обучена — примечает так, на глазок.

Ночь пришла, проголодалась сова, полетела на охоту.

Возвращается — нет ни одной мыши! Видит: копошится на дне дупла зверюшка серенький, с крысу длинной.

Хотела когтями впиться, а он шмыг низом в скважину и несётся по земле. В зубах — мышонок.

Сова — за ним и уже совсем было настигла, да разглядела, кто воришка, струхнула и не стала отнимать. Воришкой-то оказался хищный зверёк — ласка.

ПУТЁМ-ДОРОГОЮ

Каждый день, каждую ночь отправляются в путь крылатые странники.

Летят не спеша, потихоньку, с долгими остановками — не то что весной.

Видно, не хочется им расставаться с родиной.

Порядок перелёта обратный: теперь первыми летят яркие, пёстрые птицы, последними трогаются те, что прилетели весной первыми: зяблики,

жаворонки, чайки. У многих птиц вперёд летят молодые; у зябликов самки раньше самцов. Кто посильней и выносливей, дольше задерживается.

Большинство летит прямо на юг — во Францию, Италию, Испанию, на Средиземное море, в Африку.

Некоторые — на восток: через Урал, через Сибирь в Индию, даже в Америку. Тысячи километров мелькают внизу.

Виталий Бианки

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ

И. С. НИКИТИН И ЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ

(1824 ~ 1861)

В ноябре 1853 года в одном из номеров воронежской газеты было напечатано стихотворение «Русь», которое произвело большое впечатление на читателей. Стихотворение говорило о могуществе нашей родины, о богатстве её природы. В нём чувствовалась горячая, искренняя любовь к родине, гордость за неё.

Такие стихи мог написать только талантливый поэт. Между тем их автора — Ивана Саввича Никитина — никто до сих пор не знал. Он был сыном обедневшего торговца и содержал в Воронеже постоялый двор, где останавливались на ночлег извозчики.

Никитин всего несколько

лет учился в школе. Окончить школу ему не удалось — надо было самому зарабатывать на жизнь, помогать семье.

Но он всегда много читал, хорошо знал и любил русскую литературу. Чтение и перечитывание любимых книг было для Никитина единственной радостью в его трудной жизни. Особенно любил он поэзию. Ещё в школе он и сам начал писать стихи и писал их всю жизнь.

В письме к одному знакомому Никитин так вспоминал об этом: «...Любовь к родной литературе, к родному русскому слову не угасала во мне... Продавая извозчикам овёс и сено, я обдумывал прочитан-

ные мною и поразившие меня строки... Найдя свободную минутку, я уходил в какой-нибудь отдалённый уголок моего дома. Там... я слагал скромный стих, просившийся у меня из сердца...»

Очень долго Никитин никому не показывал свои стихи: ему казалось, что они недостаточно хороши, что у него нет поэтического дарования. Только в 1853 году он отважился послать несколько стихотворений, и в том числе «Русь», в воронежскую газету. С тех пор Никитин становится признанным поэтом. Его стихи печатают в газетах и журналах, они выходят отдельными книжками.

Но жизнь поэта не стала легче. Стихи не давали ему заработка, он по-прежнему жил в бедности и работал на постоялом дворе. Только под конец жизни ему удалось оставить эту работу и открыть книжную лавку.

Это была особенная книжная лавка: в ней не только можно было купить хорошую книгу, но и просто взять её для чтения, как в библиотеке. Теперь Никитин мог бы свободно заниматься любимым делом — поэзией, к которому стремился всю свою жизнь. Но непосильный труд и нужда надорвали слабое здоровье поэта. Он умер в 1861 году, через два года после открытия книжной лавки.

В своих стихах И. С. Никитин правдиво и ярко рассказал о тяжёлой жизни трудового народа в крепостной России. Рассказал о труженике-пахаре, который с восхода солнца и до ночи работал в поле, кормил своим трудом барина, попа, царских чиновников, а сам был «сыт сухой коркою», ютился в убогой, закопчённой избе и весь свой век боролся с горькой нуждой. Показал безотрадную, тяжёлую жизнь батраков, извозчиков, сельской и городской бедноты в царской России. Способные, сильные, бодрые духом, они надрывали свои силы, работая на богачей-хозяев, и погибали, забытые нуждой и горем.

Никитин с ненавистью и презрением изобразил в своих стихах угнетателей народа: помещика, его слугу — грозного старосту, перед которым трепещет вся деревня от мала до велика, купца, кулака. Поэт верил, что народ не покорится угнетателям, писал, что придёт пора, когда «падёт презренное тиранство и цепи с пахарей спадут...», а барство «станет ненавистной тенью, пятном в истории родной...».

Не все стихи Никитина были напечатаны при его жизни, но и те, которые увидели свет, вызывали горячее сочувствие к народу, возбуждали чувство негодования против виновников народного горя.

Хорошо описывал Никитин

русскую природу. Чудесные картины природы родного края всегда связаны в его стихах с жизнью и трудом крестьянина, которого природа радовала своей красотой и порой утешала в его горькой доле. Стихи Никитина о весеннем утре, о летнем вечере, о наступлении зимы принадлежат к лучшим произведениям русской классической поэзии.

Никитин жил в мрачную пору — во времена крепостного права. Ему надо было обладать не только талантом, но и огромной силой воли, чтобы стать признанным поэтом.

За свою короткую жизнь Никитин создал много замечательных произведений, которые дороги русскому народу.

В. Гакина

РУСЬ

Под большим шатром
Голубых небес
Вижу — даль степей
Зеленеется.

И на гранях их,
Выше тёмных туч,
Цепи гор стоят
Великанами.

По степям, в моря,
Реки катятся,
И лежат пути
Во все стороны.

Посмотрю на юг:
Нивы зрелые,
Что камыш густой,
Тихо движутся;

Мурава лугов
Ковром стелется,
Виноград в садах
Наливается.

Гляну к северу:
Там, в глуши пустынь,
Снег, что белый пух,
Быстро кружится;

Подымает грудь
Море синее,
И горами лёд
Ходит по морю;

И пожар небес
Ярким заревом
Освещает мглу
Непроглядную...

Широко ты, Русь,
По лицу земли
В красе царственной
Развернулася!

У тебя ли нет
Поля чистого,
Где б разгул нашла
Воля смелая?

У тебя ли нет
Про запас казны,
Для друзей стола,
Меча недругу?

У тебя ли нет
Богатырских сил,
Старины святой,
Громких подвигов?

Уж и есть за что,
Русь могучая,
Полюбить тебя,
Назвать матерью.

Стать за честь твою
Против недруга,
За тебя в нужде
Сложить голову!

ВСТРЕЧА ЗИМЫ

Попутру вчера дождь
В стёкла окон стучал,
Над землею туман
Облаками вставал.

Веял холод в лицо
От угрюмых небес,
И, бог знает о чём,
Плакал сумрачный лес.

В полдень дождь перестал,
И, что белый пушок,
На осеннюю грязь
Начал падать снежок.

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух лёгок и чист,
И замёрзла река.

На дворах и домах
Снег лежит полотном
И от солнца блестит
Разноцветным огнём.

На безлюдный простор
Побелевших полей
Смотрит весело лес
Из-под чёрных кудрей,

Словно рад он чему, —
И на ветках берёз,
Как алмазы, горят
Капли сдержанных слёз.

Здравствуй, гостья-зима!
Просим милости к нам
Песни севера петь
По лесам и степям.

Есть раздолье у нас, —
Где угодно гуляй;
Строй мосты по рекам
И ковры расстилай.

Нам не стать привыкать, —
Пусть мороз твой трещит:
Наша русская кровь
На морозе горит!

.

И. С. Никитин

ВОЛШЕБНЫЙ ДЕНЬ

Ещё вчера Федю стали готовить в школу. Мать послала его к деду Дмитрию — конюху и единственному парикмахеру в селе, с наказом, чтобы Федьку постригли наголо. Дед Дмитрий набросил на него чистое полотенце, повертел голову туда, сюда и сказал:

— Голова, Федька, у тебя белобрысая и круглая, как тыква, только пустая. Теперь твоя задача семечками её набить, чтобы из каждого зерна потом ростки пошли. Ну, клони голову!

Машинка противно залязгала у Федькиного уха.

Потом мать посадила его в большую лохань и мылила огромным куском мыла так, что Федька чуть не расплакался.

— А цыпки какие у беса, цыпки! — повторяла мать и снова намыливала.

Отец приехал к вечеру, сел

посреди комнаты на стул, позвал Федю и, легонько обхватив его коленками, развязал свёрток. Глянула оттуда золотистая бляха, сверкнул лаком чёрный козырёк фуражки, и у Феди сердце дрогнуло. А отец улыбался.

— Вот, Федька, тебе обмундирование, меряй, а я погляжу.

Федя стоял посреди комнаты во всём блеске нового мундира, любовно поглаживал школьную бляху и очень жалел, что её закрывает пиджак. Мать опустила на коленки и подшивала штаны. Только сестра Нюра смотрела на Федю иронически. Нюра училась в четвёртом классе, и для неё Федькин костюм ничего не значил. Её интересовал новый портфель с большими кармашками и треугольным замком.

... Утро пахло речкой. На

пожухлой траве роса кипела разноцветными блёстками. Чан и Сивка стояли возле конюшни и тёрлись мордами, точно будили друг друга. За станцией, у самого леса, словно кто-то по небу размазал жёлтую краску, и она светилась неровно, попеременно с синими полосами. Через несколько минут Федя стал чувствовать всякие неудобства. Фуражка с блестящим козырьком сжимала виски, портфель, который почти ехал по траве, стал совсем мокрым и бил по ноге, да ещё Нюрка без конца дёргала Федю за руку.

А идти надо было до станции, потом сесть на проходивший пассажирский поезд Москва — Воркута и ехать двадцать минут до Каменки, где находилась школа для детей станционных служащих. По дороге Федя вспомнил, что они с Сёмкой ещё не доделали ракету, которая закопана в огороде деда Дмитрия, и что, наверное, подбитый скворец, которого они с товарищем кормили каждое утро, проснулся, требуя еды.

И Феде так захотелось снова вернуться домой, побежать к Сёмке, что он невольно выдернул свою руку из Нюркиной.

— Не балуй, — по-взрослому сказала Нюра, но Федя уже шёл самостоятельно, думая только о Сёмке и жалея, что домой вернуться нельзя.

Школьников на станции собралось человек пятнадцать, половина из Петровки, откуда их привезли на подводе. Среди них был и Петька, сын дорожного мастера, который тоже впервые шёл в школу. Но подходить к нему было неохота, потому что Петька любит показывать рожи.

Вот и сейчас он снова строил рожу и спрятался за колонну, и если бы не портфель, который почему-то всё время мешал Феде, то можно было бы запустить в Петьку чем-нибудь.

Зелёный большущий паровоз прошёл рядом, дунул в землю и вздрогнул. Дрожь его передалась всем вагонам, и они остановились.

В вагоне Федя увидел самого настоящего моряка. Он выворачивал карманы и что-то искал. Под лавку закатилась серебряная пуговица. Моряк мельком взглянул на неё и продолжал поиски. Федя подал ему пуговицу, но тот махнул рукой:

— Возьми!

Федя хотел показать пуговицу Нюре, но она оживлённо болтала с подружкой. Тогда он решил обследовать весь вагон. Федя прошёл почти к самому тамбуру и вдруг увидел машину. Он никогда не видел такую машину. Она была плоская, с высокими колёсами, с пригнувшимся шофёром. Её держал мальчик лет шести.

— Дай посмотреть, — сказал Федя.

— Нет! — сказал мальчик и прижал машину к груди.

— Я тебе дам вот что, — сказал Федя и вытащил пуговицу с выпуклым якорем.

Мальчик взял пуговицу и дал машину.

— Это гончая, — сказал мальчик. — У меня и другие есть. Даже экскаватор. Идём покажу.

Федя колебался. Если сказать Нюре — не пустит. А он ведь только на минутку. И Федя поспешил за мальчиком через тамбурный переход в другой вагон.

Глаза у Феди разбежались. Он брал то одну, то другую игрушку, крутил колёса, и все они чудесно жужжали, трещали, а экскаватор, как жираф, гордо поднимал и опускал шею. Вагон на минуту остановился, а потом снова закачался, двигая игрушки и раскачивая ковш экскаватора.

«Вот бы Сёмке показать, — подумал Федя, — он не поверит...»

Дверь открылась. Вначале Федя увидел ноги, потом растерянное лицо проводника и за ним Нюру с моряком. Нюрка редела.

Федя улыбнулся.

— Я здесь, — бодро сказал он.

— Осьминог меня скрути, я же этому беглецу пуговицу давал! — забасил моряк.

Федька поминутно оглядывался: все говорили как будто о нём и не о нём. Каждый винил себя. Только Нюра, размазывая слёзы, повторяла:

— Я маме всё расскажу!

Сердце у Феди заныло. Он понял, что в школу не попадёт, и вспомнил лицо мамы, такое радостное, вспомнил, как она поцеловала его на прощание и легонько толкнула в плечо. Слёзы подступили к самым глазам, но Федя сдержался.

А когда на следующей станции Нюра с Федей сошли с поезда и стояли в полной растерянности, к ним подбежала дежурная.

— Как же это вы, мои миленькие, школу проехали? — распевая каждое слово, говорила она. — Что же мне делать? Начальник поезда просил, чтобы сделала что-нибудь. А что я могу сделать? Как же это вы, мои миленькие? . .

Певучий голос дежурной и тонкие берёзки в белых фарточках, которые о чём-то шуршали, напомнили Нюре об учительнице и подружке Насте, которая, наверное, сейчас уже сидит за партой, и Нюра снова расплакалась.

— Не плачь, дочка! Обязательно что-нибудь придумаем, — снова запела дежурная. Она вытащила большой карандаш с красным наконечником и сунула его Нюре. Федю мимоходом погладила по щеке и

скрылась в здании вокзала. Через несколько минут она вернулась.

— Вот и решили! Поедете обратно на паровозе. . . Ты доволен? — наклонилась она к Феде. Он не поверил, но на всякий случай кивнул головой.

Гроыхая на стрелках, шипя и лязгая буферами, к станции подходил товарный поезд. Схватив за руки Федю и Нюру, дежурная бежала к паровозу.

— Дядя Степан! — кричала она машинисту. — Выручи детей! Каменку проехали, школу. . .

— Нашла трамвай, — нахмурился машинист.

— Сегодня первое сентября, Степан Иванович!

Федя не дышал, он боялся пошевелиться, а не то чтобы потрогать колёса паровоза. Он уже хорошо знал, что слова «первое сентября» сегодня волшебные, и напряжённо ждал, что скажет машинист.

— Ладно, пускай лезут, — сказал дядя Степан.

Паровоз тяжело, осуждающе вздохнул и тронулся. Над головой Феде проплыл зелёный сверкающий глаз светофора.

В. Алексеев

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ

Сегодня первое число,
Сентябрь в календаре,
А солнце светит хоть бы что,
И жарко на дворе.

Ещё не скоро жёлтый лист
Осыплется с берёз.
Ещё не время для дождей,
Но нет и летних гроз.

Сегодня в школах настежь дверь
Распахнута с утра.
Минуло лето.

В школы вновь
Шагает детвора.

Рашид Нигмату

ПРАЗДНИК ПЕРВОГО ЗВОНКА

Мы все надели форму школьную,
Идём с букетами в руках,
Идём счастливые, довольные
На праздник Первого звонка.

А мамы, бабушки волнуются,
Нас провожая в первый класс.
Цветы, цветы, цветы на улице,
Цветы у каждого из нас.

И улыбается по-летнему
Осенний ласковый денёк
Идут на праздник семилетние,
На первый школьный свой урок.

Нина Френкель

О чём спорили карандаши

Сказка

Утром белую бумагу разбудил шум: коробка с карандашами начала вдруг подпрыгивать на столе.

Бумага от удивления приподнялась: что случилось с её лучшими друзьями?

Но тут крышка коробки, в которой обычно тихо лежали карандаши, открылась, и из неё выскочил самый длинный чёрный карандаш.

— Я самый главный! — закричал он. — Вы спали и не видели, что ночью всё вокруг было чёрным.

— Нет, главный я, — твёрдо заявил зелёный карандаш. — Попробуйте-ка без меня нарисовать траву и деревья!

Синий карандаш-коротышка усмехнулся и тихо промолвил:

— Чудаки, нашли о чём спорить! Неужели забыли, что все моря и океаны всегда синего цвета? — И он, солидно перевёртываясь с боку на бок, выкатился на стол.

Жёлтый сломанный карандаш очень страдал оттого, что в этот момент не мог произнести ни слова. Чтобы он смог заговорить, ему надо было очинить язычок.

— Нет, я главный, — пробасил коричневый.

— Я! Я! — пытаюсь перекричать остальных, шумели фиолетовый, голубой и оранжевый. . .

В конце концов все карандаши выскочили на стол и начали сражаться. Каждый защищал свою честь. Только красный карандаш спокойно выбрался из коробки и обратился к бумаге:

— Уважаемая белая бумага! Помоги моим братьям решить спор. Скажи: кто из них главный?

— Тише, тише! — крикнула бумага. — Успокойтесь, друзья, беритесь-ка лучше за работу: нарисуйте самую простую картинку, и она сразу всё объяснит.

— С большим удовольствием поработаю, — сказал зелёный и стал рисовать зелёное поле. Он так увлёкся, что, нарисовав поле, побежал дальше, к горизонту, где сразу вырос лес весёлых молодых ёлочек.

В это время синий карандаш забрался на один из зелёных стебельков и подрисовал ему васильковую головку, потом прыгнул на другой и изобразил колокольчик. Прыг да скок, прыг да скок — и в зелёном поле появилось множество синих глазков.

— Нет, нет! — закричали своими листочками толстые стебельки, когда синий каран-

даш захотел и на них надеть шапки-колокольчики. — У нас красные головки! Мы же маки!

И красный тут же забрался на оставшиеся стебельки и быстро раскрасил лепестки полевых маков, огоньков и гвоздик.

Потом принялся за работу голубой карандаш. Он, сменив своего родного синего брата, полез вверх по бумаге и начал раскрашивать небо.

Вдруг, откуда ни возьмись, прилетел шмель: это постарался коричневый карандаш.

— А мы лютики! — пропищали оставшиеся без шляпок стебельки. — Только наш карандаш сломался.

— Иду! Иду на помощь! — закричала точилка и быстро-быстро завертелась. — Получай свой язычок! — сказала она жёлтому карандашу.

— Спасибо, добрая точилка! — И жёлтый карандаш выпрыгнул на бумагу.

Раз-два-три! — и лютики получили свои жёлтые шляпки.

Раз-два! — и подсолнух весело закивал круглой головкой.

Затем жёлтый карандаш нарисовал кружочек и начал окружать его лучами. К нему на помощь подоспел оранжевый и нарисовал солнцу рот, глаза и курносый нос.

— Сейчас наступит ночь! — закричал чёрный карандаш. Он бросился вперёд, замахнулся своим длинным языком, и тут же на голубом небе появилась маленькая тёмная тучка.

— Ой, что ты! Мы не хотим, чтобы было темно! — закричали хором все карандаши. — Тогда нашей работы совсем не будет видно!

Чёрный карандаш насмешливо улыбнулся, так как в этот момент из нарисованной им тучи закапал дождик. Но сразу кончился: на небе появилась радуга — это братья-карандаши, взявшись дружно за руки, защитили солнышко.

И вдруг снова что-то неожиданно загремело, засвистало, засверкало. Это в небе взвилась красная ракета.

И красный карандаш вернулся к товарищам.

— Ура! — закричали, увидев ракету, карандаши. — Ура!

Но больше всех радовалась бумага. Ей очень было приятно, что на ней росли травы и цветы, стояли деревья, светило солнышко, поблёскивала радуга и даже летала стремительная красная ракета. Но ещё приятнее было то, что её лучшие друзья, карандаши, помирились и никто из них больше не говорил, что он самый главный.

Заметил ли ты, дружок, что чёрный карандаш в твоей коробке всегда самый длинный? Это оттого, что люди, как цветы, не любят темноты и всегда радуются солнцу и свету.

Юрий Федин

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

Внимание! Внимание!
Мы знаки препинания:
Тире,
Знак восклицания,
Кавычки,
Двоеточие,
И прочее,
И прочее. . .

ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Друзья мои, приятели,
Живу я много лет.
Примите восклицательный
Мой пламенный привет!
Обычно в предложениях
Стою я для того,
Чтоб выражать волнение,
Тревогу, восхищение,
Победу, торжество. . .
Не зря я от рождения
Противник тишины,
Где я, то предложение
С особым выражением
Произносить должны!

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК

Разные вопросы

Задаю я всем:

— Как?

— Откуда?

— Сколько?

— Почему?

— Зачем?

— Где?

— Куда?

— Какая?

— Отчего?

— О ком?

— Что?

— Кому?

— Который?

— Чья?

— Каким?

— О чём? . .

МЕЖДОМЕТИЕ

— Мне, — сказала междометье, —

Интересно жить на свете.

Выражаю поощрение,

Похвалу, упрёк, запрет,

Благодарность, восхищенье,

Возмущение, привет. . .

Те, кого охватит страх,

Произносят слово «Ах!».

Кто встречается с бедой,

Произносят слово «Ой!».

Кто отстанет от друзей,

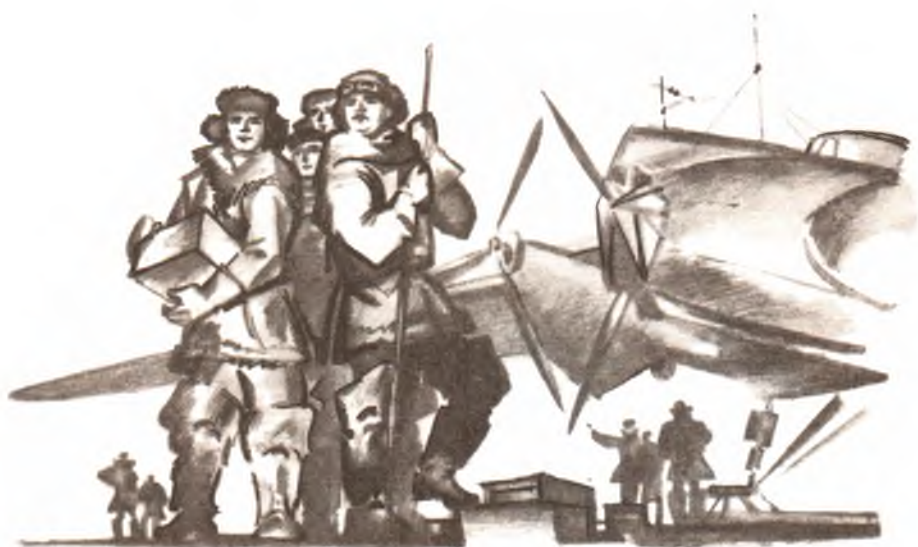
Произносят слово «Эй!».

У кого захватит дух,

Произносят слово «Ух!».

А. Тетивкин

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. Д. ПАПАНИНА

Имя Ивана Дмитриевича Папанина — знаменитого советского полярника, дважды Героя Советского Союза, известно всему миру.

Это он и его три товарища — Э. Т. Кренкель, П. П. Ширшов и Е. К. Фёдоров — в 1937 году впервые в истории Арктики прожили на льдине Северного полюса девять месяцев. Это им, советским людям, покорился Северный полюс.

Первая научная экспедиция, начальником которой был И. Д. Папанин, вела большую работу, и задание Родины папанинцы выполнили с честью. Вся страна тогда с гордостью и волнением следила за дрейфом отважной четвёрки, и Родина за большой и опасный труд по заслугам наградила их званием Героя Советского Союза и орденами Ленина.

О том, как жили папанинцы на льдине, какую научную работу они проводили, какие трудности и тревоги они испытывали, И. Д. Папанин рассказывает в своей книге, которую он написал для ребят. Книга эта называется «На полюсе». Предлагаем прочитать отрывки из этой книги.

Так вот он, полюс!

Наконец небо стало чистое, солнышко. . .

Можно лететь. Теперь прямо на полюс!

Быстро приготовили одну машину. Она была сильно нагружена. Аэродром на Рудольфе круто обрывался над морем. Надо оторваться от земли вовремя, не то — гибель.

Но не даром за рулём сидел замечательный лётчик, Герой Советского Союза Михаил Водопьянов. Тяжёлая машина легко взлетела. Мы в воздухе. Курс — Север.

Это было 21 мая 1937 года, в 4 часа 52 минуты.

Летим очень высоко. Ровно гудят моторы. Мы жадно смотрим вниз. Но там — облака. Иногда появляются просветы — «окна». В «окнах» видны льды, льды. Так летим шесть часов. Вдруг штурман Спирин закричал:

— Полюс! Мы над полюсом! . .

Водопьянов повёл самолёт на снижение. Всё ниже, ниже. . . Прошли облака. Под ними — туман. Наконец туман кончился.

Водопьянов стал выбирать место для посадки.

Долго кружил он над белыми торосами, приглядывался. Наконец выбрал огромную льдину и стал летать над ней,

но, прежде чем сесть, мы сбросили на лёд бомбу, чтобы проверить, прочный ли он. Вот лыжи коснулись льда, позади самолёта раскрылся парашют, чтобы скорее можно было затормозить, и машина остановилась.

Мы все, тринадцать человек, выскочили на лёд, стали друг другу жать руки, стали друг друга обнимать, целовать, поздравлять. . .

Мне кричат:

— Хозяин полюса, принимай свои владения!

Я оглядывался. Кругом ледяные поля. Так вот он, полюс, из-за которого погибло столько смелых путешественников и который считался недоступным! Теперь на полюс ступили мы, коммунисты!

Кренкель раскинул радиостанцию. Но что-то там застопорилось. Часы идут, а радио не работает. Все волновались: «Мы на полюсе, а никто про это не знает и, может быть, даже беспокоятся — думают, что мы погибли!»

Кренкель успокаивал:

— Ничего, наладится.

Через одиннадцать часов радио заработало. Мы обрадовались и сразу же передали первую радиограмму с полюса:

«Благополучно устроились, выбрана хорошая льдина».

«ОРЛЫ»

В Москве стояло жаркое лето. А у нас на полюсе не всегда было тепло и солнечно. Нередко небо затягивалось облаками, валил мокрый снег. Часто поднималась пурга, нашу палатку заносило снегом. Но мы на погоду не смотрели. Работали по семнадцать-восемнадцать часов в сутки.

Нам надо было многое узнать. Какой глубины океан у полюса? Что делается на дне? Какая вода в океане и куда она течёт? Водятся ли в ней животные? Куда везёт нас льдина?

Вопросов было много. Ответить на них нелегко. И вот мы и трудились, не жалея сил, старались раскрыть тайны природы.

Вот как мы работали у лебёдки. Сначала пешнями долбили во льду майну — такую дырку делали. Насквозь. К концу стальной проволоки Ширшов прикреплял сетку, термометр и разные приборы. Всё это он опускал в прорубь, чтобы достать с самого дна воду. Груз долго добирался до морского дна. Потом мы крутили ручку лебёдки и поднимали его. Это была очень тяжёлая работа. Шесть часов подряд мы, сменяясь, крутили лебёдку: пятнадцать минут крутят Фёдоров и я, пятнадцать минут — Кренкель и Ширшов. В самый лютый мороз от та-

кой работы нам становилось жарко.

Зато мы узнали: глубина океана на полюсе четыре километра двести пятьдесят метров. Это было наше открытие. Раньше никто не знал глубины моря у полюса.

Петя Ширшов нашёл в морской воде рачка-бокоплава, медуз и много других маленьких животных. Это тоже было наше открытие. Ведь раньше думали, что на полюсе никакой жизни нет. Ширшов разложил свои находки по банкам, склянкам и радовался.

Мы работали много. Зато спали потом как убитые. Кренкель, который всегда дежурил по ночам, утром будил нас:

— Орлы, вставайте!

В ответ могучий храп.

— Орлы, надо ж совесть иметь!

«Орлы» храпят как ни в чём не бывало.

Кренкель набрасывается на нас, как лютая тигра:

— Вставайте! Что я, с вами церемониться буду?

Тогда мы вылезаем из спальных мешков. А Теодорыч ложится. Ведь он всю ночь не спал: сидел у радио и каждый час выходил смотреть, нет ли трещины, не надо ли переезжать на новую «квартиру».

Мы завтракаем и принимаемся за работу. Петя либо

уходит к проруби на день, а то и на сутки, либо возится со своими скляночками. Без конца он что-то там разливает, переливает, взбалтывает, помещивает — точь-в-точь аптекарь.

А мы с Женей выходим на «улицу». Надо узнать, где мы находимся. Ведь льдина не стоит на месте. Она потихоньку увозит нас от полюса — дрейфует. Мы этого не замечаем. Но вот Женя Фёдоров наставляет свои приборы на солнце и объявляет:

— Сегодня льдина прошла пять километров.

Или десять. Или двенадцать.

Наша льдина шла то быстро, то тихо.

Я всегда помогал Жене. Я вместе с ним узнавал «наш адрес», помогал ему записы-

вать погоду. Если Женя почему-либо не сможет выйти из палатки, я за него всё сделаю. Ведь надо каждый день во что бы то ни стало передавать по радио, какая погода у полюса.

Я радовался, что со мной послали Теодорыча, Петю и Женю. Они работают без усталости. Часто по двое суток не спят; трудятся и в пургу, и в дождь, и в туман. Мы привезём много интересного для науки.

Пётр Петрович — большой учёный. Женя — тоже настоящий учёный. Все самые важные, самые главные звёзды он знает и по имени и где какая находится, точно он их сам разложил по огромному небу. . . Эрнст — замечательный радист.

С такими помощниками не пропадёшь!

ПОЛОСОЧКИ

Наступила памятная ночь — ночь на 1 февраля. Мне не спалось. В бурю я всегда плохо спал: всё прислушивался, не ломается ли льдина. А буря бушевала уже шестые сутки.

Кренкель дежурил и тоже не спал. Вот он говорит:

— Что, Дмитрич, не спишь? Давай сыграем.

— Давай.

Расставили шахматы, за-сели.

За палаткой воет ураганный ветер. Снег барабанит по стенкам. Петя и Женя спят.

Кренкель наступает, я обороняюсь изо всех сил. Мы засиделись. Часов в пять вдруг слышим: трещит палатка!

— Слышишь, Теодорыч?!

— Слышу, Дмитрич! Иди, твой ход!

— Постой, тут не до хода. Пойду посмотрю, в чём дело.

— Сиди, Дмитрич, я выйду.

Он вышел, а я не знаю, что делать: то ли ход обдумывать, то ли товарищей будить? Кренкель вернулся, стал стряхивать с себя снег.

— Ничего не видать,

тьма... — Он подсел к доске. — Всё в порядке, играем дальше.

Я сделал ход. Тут палатка опять затрещала. Значит, не всё в порядке. Я стал будить Петю и Женю:

— Вставайте, ребятки, что-то наша палатка нехорошо трещит.

Женя высунул голову из мешка, прислушался:

— По-моему, Дмитрич, это просто снег оседает.

А Ширшов говорит:

— Пойду посмотрю. У меня глаза лучше, чем у вас.

Он живо оделся и вышел. Ходил, ходил, потом вернулся и сказал:

— Это не снег, это наша льдинка отказалась нас дальше везти. Везде тонкие трещины, как чёрные змейки.

Тут все вчетвером вышли с фонарями наружу. Ветер ударил в лицо, валит с ног, сыплет снегом в глаза.

Зажгли мы фонари и видим: наша льдина покрылась полосочками, точно ножом её изрезали.

— Да, дела неважные, — сказал Теодорыч. — Пойдёмте выпьем по стаканчику горяченького чайку, обсудим, как быть.

Мы вернулись в палатку, развели примус. Пока грелся чайник, Петя вышел ещё раз посмотреть на трещины. Скоро он прибежал:

— Товарищи, наши полосочки разошлись, стали громадными — в пять метров шириной!

Мы потушили примус и все вышли на лёд. Трещина была не одна. Там, под антенной, мы увидели вторую, потом третью. Одна из них подползла под нашу палатку. Наше ледяное поле раскололось на куски. . .

— Браточки, когда обходите лагерь, — сказал я, — смотрите в оба, не провалитесь в трещину. Если с кем из вас что случится, считайте, что двое пропали — мне тогда тоже не возвращаться. Ведь я отвечаю за вас всех.

В Москву мы послали радиограмму:

«Наметилась трещина под жилой палаткой. Будем переселяться в снежный дом. В случае обрыва связи просим не беспокоиться. У нас будет всё в порядке».

НА ОБЛОМКЕ

«Льдинка» всё крошилась. Трещина под нами расширялась. Палатку стало заливать.

— Братки, пора переселяться, — сказал я. — В этой квартире оставаться опасно.

Мы покинули свой дом, в котором дружно прожили восемь месяцев, и устроились в шёлковой палатке.

Теперь мы жили на облом-

ке величиной с футбольную площадку. А тут новая беда. На осколках льдины остались наши продовольственные базы. Однажды Женя и Петя увидели, что некоторые из них дрейфуют среди обломков льда. Мы взяли нарты. Как акробаты, прыгали по льдинам, спасали научное оборудование, продовольствие. Но,

конечно, всё спасти не удалось. Продовольствия оставалось только месяца на три.

Мы видели, как плавали в разводьях наши бидоны с керосином, но достать их не могли. Мы видели, как уносило нашу лебёдку.

Пурга всё продолжалась. Ураганный ветер сорвал шёлковую палатку. Мы выстроили домик из снега. Всё наше продовольствие и имущество сложили на нарты. В минуту опасности их легко перебросить с места на место.

Тяжёлые были дни! Мы на обломке, а кругом вода, покрытая снегом. Провалишься — товарищи не услышат из-за ветра и не найдут. . .

Тогда по краям нашего обломка мы поставили чёрные флажки. Это для дежурных, чтобы они не провалились, когда обходят лагерь.

Волновались ли мы? Конечно, немножко волновались.

Но мы знали: что бы ни случилось, Родина не оставит нас в беде.

Мы слушали радио.

Вот сквозь льды и штормы к нам спешит маленький «Мурманец».

Вот вышли ледокольные пароходы «Таймыр» и «Мурман».

Вот вышел в открытое море большой ледокол «Ермак».

Все они спешат к нам на выручку. Так не будем же унывать. Всё в порядке! Работа станции «Северный полюс» продолжается!

В назначенное время Эрнст передавал сводку погоды. Женья следил за тем, куда несёт нас обломок. Петя, как всегда, изучал океан.

.

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ...

3 февраля мы впервые после многих месяцев увидели солнце. Красное, большое, оно выглянуло из-за горизонта. Мы обрадовались.

Но ещё больше мы обрадовались, когда однажды ночью увидели вдали луч прожектора.

Первым его заметил Кренкель.

Мы уже спали.

Эрнст хотел было нас разбудить, но подумал:

«А вдруг это просто звезда? Ребята меня тогда засмеют».

.

Но звезда становилась всё светлей, всё ярче.

Теодорыч решил: нет, это не звезда, это прожектор советского корабля. И давай нас будить:

— Товарищи, товарищи, смотрите, что там светится! . .

Мы вышли, посмотрели. Ура! Помощь совсем близко — там, за льдами.

Я завёл патефон. Мы слушали любимую песню:

Широка страна моя родная...

А потом к нам прилетел самолёт. Первый самолёт за девять месяцев! Лётчик ловко посадил машину на лёд. Я побежал к нему.

Это был Власов. Мы обнялись, расцеловались. От волнения оба не могли говорить. Только жали друг другу руки и всё обнимались.

Власов привёз нам письма, мандарины, пиво и улетел показывать кораблям дорогу к нашей льдине.

Утром мы в бинокль увидели: далеко за льдами темнеет дымок. Это пароходы. Они разводьями идут к нам. Женя и Пётр Петрович побрились, потом стали пересматривать нарту с тетрадями. Эта нарта нам была дороже жизни. На ней пятьдесят два килограмма исписанной бумаги. В этих тетрадках раскрыты тайны Северного океана и Северного полюса.

Это наш подарок науке, нашей Родине.

«Таймыр» и «Мурман» подошли к нашему обломку.

Восемьдесят человек с пароходов бежали к нам с красным знаменем.

Мы вчетвером пошли к ним навстречу.

В море, у берегов безлюдной Гренландии, встретились советские люди. Моряки хотели было броситься к нам, обнять нас. . .

Но начальник экспедиции Остальцев скомандовал:

— Смирно!

Он подошёл ко мне, вытянулся.

— По заданию правительства корабли «Таймыр» и «Мурман» прибыли в ваше распоряжение! Жду приказаний!

После этого нас стали обнимать, целовать и качать. Каждый старался взять что-нибудь на память.

У меня оторвали кусок куртки.

У Кренкеля — кусок штанов.

Брали на память консервы, шоколад, промёрзшие, твёрдые, как кирпич, книги.

Сами берут и просят:

— Подари чашку!

— Сделай надпись на книжке!

— Подари бульонный кубик!

Я им сказал:

— Берите всё, только научные записи не трогайте.

Тут начались споры: на какой пароход нам пойти. Таймырцы говорят:

— Идите к нам, у нас для вас чистая ванна приготовлена.

А мурманцы нарочно придумывают всякие страшные вещи и пугают нас:

— Не ходите на «Таймыр», там у них клопы.

Куда же пойти? Решили

бросить жребий. Написали записочки, положили в шапку, внимательно следили, чтобы жульничества не было.

Мы с Кренкелем вытянули записки с надписью «Мурман». Ширшов и Женя—«Таймыр»...

Наконец всё наше имущество перенесли на корабли.

Я подошёл к Кренкелю:

— Теодорыч, передай последнюю радиограмму!

Кренкель передал рапорт о том, что работа станции «Северный полюс» кончается. Вот последние слова рапорта:

«Красный флаг нашей страны продолжает развеваться над ледяными просторами».

— Всё. Можно сниматься.

Кренкель выстукивал:

«Всем, всем, всем...»

19 февраля 1938 года, 16 часов. Работу станции «Северный полюс» кончаю».

Он оборвал провода. Мы пошли к пароходам.

Я вернулся, ещё лучше укрепил флаг, чтоб его не сорвало ветром, и догнал остальных.

Прощай, льдина!

И. Папанин

В ЯСНЫЙ ДЕНЬ ОСЕННИЙ

1

С книжкой под мышкой
Выйду на крыльцо.
К облакам летящим
Подыму лицо.

Сяду.
На колени
Книжку положу.
В ясный день осенний
Тихо погляжу.

Постоял тихонечко
На конце строки.

И пошёл по строчке,
На снегу скользя,
Будто к водочке,
К старой букве Я.

Строчки, словно просеки,
Вытянулись в ряд.
Будто лес осенний,
Буковки сквозят.

2

По раскрытой книге,
В шапке до бровей,
Шевеля бровями,
Ходит муравей.

Он ступает твёрдо
Ножкой голубой.
Сам собой не больше
Буковки любой.

Будто бы в осинничке
У седой реки,

Будто бы пронёсся
Ночью снеговей,
И следы читает
Утром муравей.

Вот за поворотом,
В круглой букве О,
Увидал покрытое
Снегом озеро.

Буква П попалась
На пути ему,
Словно дверь без дома
Иль дыра в доме.

Дверь или ворота
В опустевший сад. . .
Запятыми — листья
По ветру летят.

И жуком ужасным,
Умершим уже,
Повстречалась тут же
В луже буква Ж.

Кое-как добравшись
К старой букве Я,
Муравей подумал,
Вышел на поля.

И, вдохнув глубоко
Весь простор земной,
Постучал о ножку
Ножкой голубой.

з

Синее крылечко,
Голубой забор;
За забором — поле,
А за полем — бор.

В поле,
Через речку
Хрупкие мосты;
Набраны курсивом
Голые кусты.

Вот ушёл куда-то
В шапке до бровей,
Шевеля бровями,
Мудрый муравей.

Голая страница
На ветру звенит.
Книга, словно птица,
На коленях спит.

И сквозные точки,
Вытянувшись в ряд,
Словно одиночки,
По полю спешат. . .

4

Потемнело небо.
Сумерки и тишь. . .
Одеревенелый
На крыльце сидишь.

И к холодным звёздам
Не поднять лица,
Будто стал ступенькой
Самого крыльца.

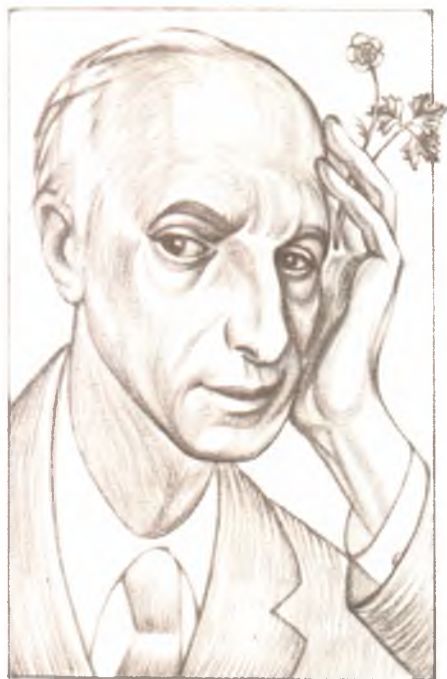
И куда ни взглянешь,
Ни обронишь взгляд, —
Жёлтые цыплята
Из окон глядят.

Отсветом из окон
Золотеет сруб.
Млечный Путь на небе —
Словно дым из труб. . .

И с крыльца уходишь,
Словно муравей,
Натянув рукою
Шапку до бровей.

Сергей Козлов

К 80-летию со дня рождения
польского поэта
Юлиана Тувима (1894—1953)

ЗОЛОТОЕ ПЕРО ЮЛИАНА ТУВИМА

В польском городе Лодзи у бухгалтера городского банка родился сын. Назвали его Юлеком.

Юлек был живой и весёлый мальчик. Играл с приятелями в прятки и в пожарных. Подражал птичьему теньканью и чириканию. А собирал чуть ли не всё на свете! Цветные картинки, перья, ракушки, лекарственные травы, марки и открытки, ободки от сигар... Он приносил домой бабочек, ужей, тритонов. Увлечения сменяли друг друга. То Юлек доставал газеты (по одному номеру каждого издания), то какие-то колёсики и винтики. То химикалии для важных опытов. То капельки ртути. Домашние термометры разбивались один за другим. Почему, это знал только Юлек.

Вместе с Купером и Жюлем Верном он бродил по лесам и пустыням дальних стран, охотился на тигров и ягуаров. Из книг про путешествия Юлек выписывал слова на экзотических языках. Это тоже была настоящая коллекция! Он знал, что «смола» — по-малайски «дамар», «голова» — по-дагомейски «афо», «рыбак» — по-якутски «балыксыт», «цветок» — по-древнемексикански «шочитл».

А вот кем станет, он ещё не знал.

Время шло. Юлеку исполнилось семнадцать. С завистью смотрела сестра Ирена на его письменный стол. Что там, какая новая кол-

лекция? Юлек часами ходил по комнате и бормотал что-то непонятное.

Однажды тайна раскрылась. Юлек потерял ключ от стола. Вызвали слесаря, тот при всех открыл таинственный ящик. Там лежали толстые тетради в чёрных переплётах. И на каждом переплёте было вытиснено золотое перо.

В тетради Юлек записывал свои первые стихи.

Вскоре имя мальчика из Лодзи стало известно всей Польше. А потом его узнали и в других странах. Его лирику взахлёб читали взрослые. Дети полюбили то, что он написал для них.

Кто из вас не знает про азбуку, свалившуюся с печки? «Г ударилась немножко, Ж рассыпалась совсем!» Кто не получал письмо с трогательной просьбой:

Дорогие мои дети!
Очень, очень вас прошу:
Мойтесь чище, мойтесь чаще —
Я грязнуль не выношу.

Кто, наконец, не слышал об артисте Тралиславе Трулялинском и о загулявшем соловье, которому захотелось пройтись пешочком?

Много смешных и умных стихов написал для ребят Юлиан Тувим. Перо у него было и вправду золотое.

В нашей книге мы печатаем его стихотворения «Где очки?» и «Чудеса». Новостью для вас будет страничка его воспоминаний про собственное детство.

Владимир Приходько

ГДЕ ОЧКИ?

Что стряслось у тёти Вали?
У неё очки пропали!

С головою залезала
Под матрац, под одеяло,

Ищет бедная старушка
За подушкой, под подушкой,

Заглянула в вёдра, в крышки.
В боты, в валенки, ботинки.

Всё вверх дном перевернула,
Посидела, отдохнула,

Нет очков у тёти Вали —
Очевидно, их украли!

Повздыхала, поворчала
И пошла искать сначала.

На сундук старушка села.
Рядом зеркало висело.

Снова шарит под подушкой,
Снова ищет за кадушкой.

И старушка увидала,
Что не там очки искала,

Засветила в кухне свечку,
Со свечой полезла в печку,

Что они на самом деле
У неё на лбу сидели.

Обыскала кладовую —
Всё напрасно, всё впустую!

Так чудесное стекло
Тёте Вале помогло.

ЧУДЕСА

Однажды в июле
(На солнце — под сорок!)
Вдруг выпал
Оранжевый снег
На пригорок.
И в небо над лугом
Привычно и ловко
Взлетела корова,
Как божья коровка.
А бабочки
Гнёзда из прутиков
Вили
И в сети

Зелёное солнце
Ловили.
Залаяли птицы,
Запели собаки...
Я вас уверяю,
Что это не враки.
Зажмуриwв глаза,
Я улёгся на луг,
И столько чудес
Приключилось вокруг!

Юлиан Тувим

Первая двойка

(Из воспоминаний „Моё детство в Лодзи“)

У нас в гимназии арифметику называли «арфма». Эта «арфма» всегда была моей ахиллесовой пятой: по временам у меня возникала охота лягнуть этой самой пятой всех учителей математики.

После нескольких дней, проведённых мной в школе, наш учитель Иван Александрович, по прозвищу «Провод», вызвал меня по «арфме». Я стоял у доски, решая чудовищную задачу: путешественник А вышел из города Б в семь часов утра, делая столько же километров в час, сколько стоит фунт чая, смешанного из трёх сортов, причём первого сорта взяли столько, сколько часов нужно, чтобы опорожнить бассейн, содержащий столько вёдер воды, сколько составляет остаток от деления числа 879 641 312 на число 37 643 и т. д.

Размышляя над всем этим, я пришёл к довольно неожиданному результату. Ответ звучал так: второй путешественник, некий Б, делает в час 3 фунта чая.

«Провод» не пожелал согласиться с таким ответом и заявил: «Тебе бы на фабрике шпули мотать, а не в гимназию ходить». И вот графа «арифметика» в моём дневнике украсилась первой, искусно и каллиграфически выведенной двойкой.

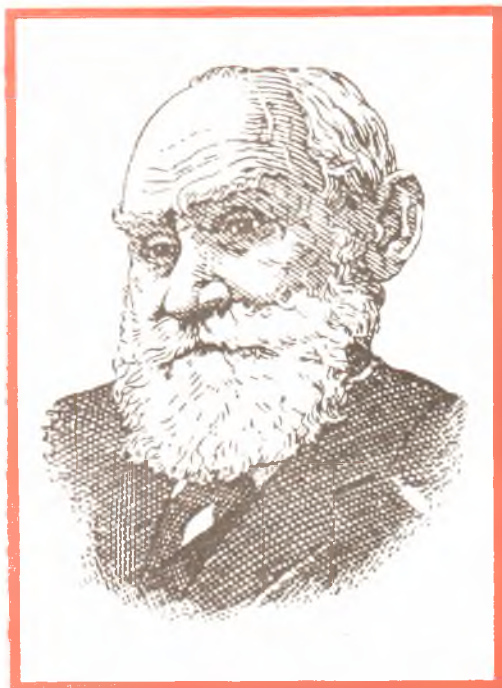
Дома, естественно, отчаянье. Моё будущее затянули чёрные тучи. Я стоял над пропастью: быть или не быть? На завтра я уже в семь часов утра поплёлся переулками в школу. В восемь появился «Провод». Я поднял два пальца вверх и, давась от слёз, прошептал: «Иван Александрович, я больше не буду».

«Провод» посмотрел на меня и спросил: «Чего ты больше не будешь?»

Я не знал, что ему ответить, и прошептал только одно: «Вычеркните эту двойку».

«Хорошо, — ответил он, — я тебя ещё спрошу. Не плачь, иди и попей водички».

О многих вещах, людях и событиях я позабыл за минувшие двадцать лет. Но свою первую двойку в дневнике вижу как на ладони и помню эти слёзы и водичку.

ИВАН
ПЕТРОВИЧ
ПАВЛОВ
(1849 ~ 1936)

Улица академика Павлова в Рязани всегда забита автобусами. Это приезжают экскурсанты из разных городов нашей страны и иностранные туристы. Они хотят попасть в дом, где 14(26) сентября 1849 года родился известный всему миру учёный Иван Петрович Павлов.

Теперь здесь музей. Вещи, книги, фотографии и рассказы экскурсовода помогают представить себе, как жил Павлов.

Рос он очень живым мальчиком. В саду были брусья, грапации, кольца. Он любил подвижные игры, особенно го-

родки. Эта любовь сохранилась у него навсегда. Недаром в день 75-летия И. П. Павлова его сотрудники преподнесли ему диплом «Мастера городкового цеха».

С детства любил Павлов заниматься физическим трудом: работал в саду и огороде, с удовольствием колол дрова. Он очень много читал. Рано стал увлекаться научными книгами. Особенно интересовали его книги по физиологии — науке о том, как работают органы животных и человека. Ещё юношей И. П. Павлов выбрал себе дорогу в жиз-

ни. Он решил изучать физиологию. Павлов уезжает из родной Рязани в Петербург (теперь это город Ленинград). Там он оканчивает университет и Медико-хирургическую академию. Вся жизнь Павлова становится связанной с этим городом.

В Ленинграде есть улица, которая носит имя Павлова. Здесь находится Институт экспериментальной медицины, где он работал. В 1935 году во дворе этого института по желанию Павлова был поставлен необыкновенный памятник — памятник собаке. Почему собаке? Да как же иначе! Ведь именно опытами на собаках в лаборатории Павлова показали, каким путём регулируется работа органов, отчего они так слаженно действуют. Собакам старались не причинять боли. А старые собаки, послужившие науке, оставались при институте «на пенсии» — их кормили, за ними ухаживали.

До исследований И. П. Павлова не знали, почему тот или иной орган начинает работать. Отчего, например, выделяется слюна при попадании пищи в рот. Откуда слюнные железы получают распоряжение открыть свои «краны»? Научного объяснения не было. На такие вопросы отвечала религия. По ней выходило, что всем управляет неизменяемая бессмертная душа. Только опыты Павлова доказали, что всё зависит

от нервной системы. Пища раздражает нервы, которые находятся во рту. По этим нервам возбуждение несётся в мозг, а от него уже по другим нервам передаётся слюнной железё. Так обстоит дело и с другими органами. От сердца, желудка, почки, любого органа идёт донесение о его состоянии в мозг, а мозг указывает, как должен работать орган. Мозг получает сигналы и отдаёт команду.

Мозг — очень сложный орган. Его нижние отделы дают команду слюнным железам, чтобы они смочили пищу и начали её перерабатывать, приказывают отдернуть руку, когда ты нечаянно прикоснулся к горячему чайнику. Отдёргивать руку и выделять слюну не надо учиться, с этим рождается и животное и человек. Это — *врождённые рефлексы*.

Однако И. П. Павлов заметил, что отделение слюны происходит не только во время кормления, но и тогда, когда собака только видит пищу или слышит шаги человека, который её постоянно кормит. Отчего это происходит? Опять ставят в лаборатории Павлова опыты. Чтобы ничего не мешало исследователям, опыты проводили в специальных камерах со звуконепроницаемыми стенами, которые помещались в особой части института — в «Башне молчания». Оказалось, что слюна может выделяться при зажигании

электрической лампочки. Для этого надо много, много раз зажигать свет незадолго до кормления, а потом стоит только зажечь лампочку, и слюна потечёт без всякой пищи. И на что только у собак не текут слюнки! Собака может научиться выделять слюну и на один только звонок и на почёсывание. В новых условиях, как показал Павлов, вырабатываются новые рефлексы — *условные рефлексы*. Они связаны с верхними отделами мозга. Сигналы на свет, на звонок, на почёсывание идут через нижние отделы до самой верхней части мозга, которую учёные называют корой головного мозга. Условными рефлексами объясняется «разумность» поведения животных. Почему, например, испуганно шархается в сторону щенков, если замаяхнуться на него палкой? Да потому, что палка много раз уже причиняла ему боль. Сигналы от окружающей среды идут в мозг — это *первая сигнальная система*. Она имеется и у животных и у человека. Но человек отличается от всех животных. Человек трудится. Где бы ни находили остатки первобытного человека, всегда обнаруживают и следы совместного труда людей. А совместный труд невозможен без слов. Речь отличает человека от самого высокоразвитого животного. И у человека, в отличие от животных, имеет-

ся ещё одна сигнальная система — *вторая сигнальная система*. Слово становится сигналом сигнала. Сигналы поступают в кору головного мозга в виде слов. Достаточно сказать тебе только о кислом лимоне, как у тебя потекут слюнки!

Все работы И. П. Павлова убедили, что нормальная деятельность организма зависит от нервной системы и особенно от коры головного мозга.

Учение Павлова получило признание во всём мире. Ему была присуждена высшая международная награда — Нобелевская премия. Павлов был членом Академии наук не только нашей страны, но и многих других стран. Его увенчали званием «Старейшины физиологов». В лабораторию Павлова стремились попасть учёные разных стран, посмотреть, как он работает. Вокруг него было всегда много учеников.

На столе в кабинете Павлова лежит календарь, раскрытый на 18 февраля 1936 года. В этот день И. П. Павлов в последний раз был в своей лаборатории, где он проработал 45 лет. Ему шёл 87-й год. Но он по-прежнему был бодрый, энергичный, всем интересующийся человек. 27 февраля великий физиолог умер.

Если кто-нибудь из вас захочет стать биологом или врачом, то ему предстоит удовольствие прочитать очень интересные труды И. П. Павлова.

**К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Н. А. ОСТРОВСКОГО**

О СТАРШЕМ ДРУГЕ

... Всякий раз, думая о Н. А. Островском, я вспоминаю, да так ясно, словно это было вчера, январский вечер 1936 года. Наша мать, писательница Анна Александровна Караваева, в тот вечер решила познакомить меня и мою сестру со своим молодым другом, писателем Николаем Островским, книга которого «Как закалялась сталь» уже была известна многим читателям.

Помню наше смущение первых минут, когда мы оказались в рабочей комнате писателя. Представьте себе лежащего на кровати худого и бледного человека в военной гимнастёрке, с орденом Ленина

на груди. 1 октября 1935 года правительство СССР, учитывая исключительные заслуги писателя в деле воспитания советской молодёжи, наградило его этим самым высшим орденом страны.

Николай Алексеевич лежал совершенно неподвижно, только тонкие пальцы его рук слегка шевелились, тёмно-каштановые волосы свободно вились вокруг чистого, высокого лба, белые ровные зубы сверкали в улыбке. Николай Алексеевич оказался весёлым человеком и занимательным собеседником. Он сразу заинтересовался нашими школьными и пионерскими делами, и скоро

мы совсем не чувствовали, что сидим у постели неизлечимо больного человека, который так весело и непринуждённо беседует с нами.

Разговор зашёл о книгах, о его новом романе «Рождённые бурей». Совершенно освоившись, я вдруг спросила:

— Николай Алексеевич, а скоро выйдет ваш новый роман? Мы с сестрой хотим быть его первыми читателями.

— Ого, даже первыми, — отозвался Николай Алексеевич и добавил: — Трудновато мне быстро-то писать. Но вы подождите немного. Я небось тоже долгонько ждал от одной из вас отзыв на мой роман и всё-таки дождался, — закончил он, лукаво улыбнувшись.

Я поняла, что именно меня имел в виду Николай Алексеевич. Это я обещала автору написать о его романе «Как закалялась сталь». И вот при личной встрече Николай Островский мягко, дружески и тактично напомнил мне, что обещания надо выполнять в срок. Этот маленький урок я запомнила на всю жизнь...

Николай Островский получал много писем от читателей, но особо он ценил письма молодёжи, потому что именно для юношества он писал свой первый роман...

В залах Музея Николая Островского в Москве всегда многолюдно. Комсомольцы и октябрята, пионеры, иностранные гости столицы, рабочие и колхозники — все они с сердцами, полными любви и уважения, приходят сюда, чтобы посмотреть интересную экспозицию, послушать рассказы экскурсоводов о творчестве писателя, о его яркой и доброй жизни.

Николай Островский родился 29 сентября 1904 года на Украине, в селе Вилия. К четырём годам Коля научился читать и считать, и потому в четырёхлетнюю сельскую школу его приняли сразу во второй класс. Рос любознательным, сообразительным мальчиком. Любил играть «в войну», и ребята выбирали его

командиром, потому что он не обижал слабых и был справедлив. Очень рано полюбил книги, и они стали на всю жизнь его верными помощниками и товарищами.

Ольга Осиповна, мать Николая Островского, писала: «Вспоминаю, как Коля в детские годы заботился обо мне и во всём хотел помочь. Он воду мне таскал, за хворостом в лес ходил и всё делал быстро. Выполнит всё и говорит: «Мама, твои приказания выполнил. Теперь пойду читать».

В 1914 году, когда Коле было 10 лет, разразилась первая мировая война. Семья Островских в числе беженцев покинула пограничное село Вилию и переехала в небольшой украинский городок Шепетовку. Здесь Коля Островский испытал всю тяжесть подневольного труда, работая мальчиком на побегушках в буфете станции Шепетовка. И потому не удивительно, что он рано втя-

нулся в революционную работу, в борьбу простого народа за право свободно жить и трудиться. Через три года, в 1917 году, в нашей стране совершилась Великая Октябрьская социалистическая революция.

В июле 1919 года Коля Островский стал одним из первых комсомольцев страны, а в августе того же года ушёл добровольцем на фронт гражданской войны, в конницу Будённого. Беззаветно сражался с врагами Родины 15-летний кавалерист Островский, но в бою под Львовом получил тяжелейшие ранения, которые не позволили ему вернуться в ряды красных конников.

Но Николай не остался в стороне от жизни страны. Он продолжал учиться, «сражаться» с послевоенной разрухой.

В 20-е годы бывший боец Красной Армии был организатором первых комсомольских ячеек в городах Западной Украины: Берездове и Изяславе. Но и теперь, уже тяжело больной, он не раз брал в руки винтовку, поднимая молодёжь на борьбу с бандами кулаков и помещиков, совершавших налёты на пограничные города и сёла Страны Советов.

В 1924 году, в год ленинского призыва, Николай Островский стал коммунистом, и с тех пор работать для партии, для народа, для будущего страны стало главной целью его жизни.

Непосильный труд, лишения детства, боевые ранения подорвали здоровье Н. Островского. В 1927 году болезнь навсегда приковала его к постели, а через два года он потерял зрение. Но желание быть полезным любимой Отчизне, Коммунистической партии придавало ему мужество в борьбе с недугом, закаляло волю к труду. Николай Островский пишет книгу о поколении первых комсомольцев страны, об их борьбе за Советскую власть. Главный герой книги Павел Корчагин во многом напоминал самого автора произведения. Несгибаемая воля и упорство автора победили. Роман «Как закалялась сталь» был закончен молодым автором. Правда, писать его своей рукой Островский уже не мог, запи-

сывали роман со слов автора его секретари: советские люди, покорённые его железной волей и стремлением написать книгу. В молодёжном журнале «Молодая гвардия» за 1932 год была напечатана первая часть книги Н. Островского, а вскоре весь роман «Как закалялась сталь» вышел отдельной книгой и сразу стал любимым произведением молодёжи Советского Союза.

Николай Островский был безмерно счастлив и приступил к работе над своим вторым романом: «Рождённые бурей» — о группе молодых революционеров разных национальностей, объединённых одной благородной целью — борьбой за счастье Родины. Книга не была им закончена. 22 декабря 1936 года страна узнала печальную весть — умер писатель Николай Островский.

Всего 32 года прожил писатель, но книги, им написанные, волнуют человеческие сердца правдой, искренностью, любовью к людям и жизни.

Через пять лет после смерти писателя началась Великая Отечественная война, и книги Н. Островского сразу стали боевым оружием, помогавшим нашим воинам разить врага. Комсомольцы, бойцы армии генерала В. И. Чуйкова, писали в московский Музей писателя: «12 лет назад Николай Островский привёл в нашу семью своего героя Павла Кор-

чагина. Он сразу стал для нас товарищем и другом. Он научил нас главному — любви к жизни, Родине и ненависти к врагу. И когда мы вернёмся домой после победы, мы принесём не один томик «Как закалялась сталь» с простреленными и обожжёнными страницами, чтобы люди могли видеть, как вместе с нами на фронтах сражался за Родину её бессмертный сын, наш друг и брат Корчагин-Островский».

Юные герои-партизаны и разведчики Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, Юрий Смирнов, Валя Котик, Саша Чекалин, отважные молодоговардейцы воспитывали свой героический дух на примере жизни и борьбы Николая Островского и его героев.

Ещё в тридцатые годы Павел Корчагин «перешагнул» границы нашего государства и нашёл себе верных друзей среди молодёжи многих стран мира. Правительства буржуазных стран как огня боялись и боялись произведений Островского, призывающих к борьбе с властью богатеев, зовущих в бой за свободу и равенство всех трудящихся людей. В годы второй мировой войны комсомольцы и коммунисты зарубежных стран тайно переводили и издавали книги Островского на языки своих стран, а чаще просто переписывали от руки страницу за страницей и передавали для чтения вер-

ным людям. Смельчаков ждала тюрьма и даже смерть, но не было и нет такой силы, которая запретила бы людям труда любить книги советского писателя Николая Островского.

Бессмертный образ Павки Корчагина поддерживал вьетнамских патриотов в их героической борьбе с захватчиками; постоянно был Павка и среди бойцов армии Фиделя Кастро. А вот что написал в московский Музей писателя алжирский мальчик Бутарфа Мустафа: «Я восхищён книгой «Как закалялась сталь» и считаю её одной из лучших русских книг, которые мне приходилось читать. Я не богат, но книги мне дарят друзья, так как отец запрещает мне читать. А я хочу стать таким же, как Павел Корчагин».

Первый космонавт мира Юрий Алексеевич Гагарин писал: «Что касается меня, то в самые трудные минуты я вспоминал железное упорство и негибаемую волю Павки Корчагина...»

Желаю и вам, дорогие ребята, когда подрастёте, прочесть замечательные романы Николая Островского и в своей жизни следовать заветам писателя-коммуниста: быть трудолюбивыми, стойкими в борьбе с трудностями, горячо любить свою Родину, как любил и защищал её своею жизнью Николай Островский.

Татьяна Доступова

ЮНЫЙ КОММУНАР

... В поповском доме горел свет. Но на окне плотные занавески. Только щелинка между ними. Разве через неё увидишь, что делается в горнице? Да и подойти к окну нельзя: мешает огромный, густой куст сирени. Попробуй раздвинь — затрещат его голые ветки, насторожатся люди за окном. Около плетня, как раз напротив окна, толстая, ветвистая липа. Стёпа ощупал её шероховатую кору. Влезть бы на неё, тогда бы можно заглянуть в комнату через верхнее, незанавешенное стекло.

Внезапно в кустах сирени замяукали, завизжали коты. От неожиданности Стёпа вздрогнул и прижался к плетню. В тот же момент открылось окно и показалась голова попа Онуфрия:

— Брысь, дьяволы! Я вас! — В кусты полетело что-то тяжёлое.

Коты мигом взлетели на липу. Поп закрыл окно и тщательно поправил занавески. Даже той щелинки, что была, не осталось.

Стёпа постоял несколько минут в раздумье и стал взбираться на липу. Лезть было трудно, мешала свитка. Наконец он ухватился за толстый сук, сел на него верхом. Отсюда Стёпа увидел край стола, на нём бутылку и три стакана. Вокруг бутылки стояли тарелки с какой-то снедью и нарезанными большими кусками хлеба. А вот и лысая голова отца Онуфрия. Он с кем-то разговаривает. Вот повернул голову к двери, что-то сказал... В горницу вошла попадья, принесла сковородку с яичницей.

Поп налил три стакана из бутылки. Один взял сам, другой — попадья, за третьим протянулась чья-то рука. Но кто

этот третий? Как ни старался Стёпа, как ни изворачивался, сидя на суку, увидеть его не смог: человек сидел в углу.

Стёпа уже хотел было слезть с дерева и стал нащупывать ногами подходящую ветку, но мигом застыл: скрипнула дверь поповского дома.

Вдруг над головой Стёпы что-то зашуршало. Мальчик испугался, а потом вспомнил: коты. Они носились как ошалелые по верхним ветвям липы. И тут же мальчик уловил звук отворяющейся двери.

Из дома вышли отец Онуфрий, а с ним незнакомец. Они молча направились к калитке. Как ни старался Стёпа, но разглядеть незнакомца не мог — слишком было темно.

Поп и незнакомец вышли на улицу и остановились под липой. Стёпа услышал хриплый голос попа:

— Ну, с богом. Смотри не упусти птицу. Зайди к Симону, предупреди.

Стёпа замер, боясь шевельнуться. Они стояли прямо под ним. Прыгни Стёпа с липы — и угодил бы прямо на голову отцу Онуфрию.

Между тем вверху на липе снова завозились коты и отчаянно замаякали. Вдруг один из них свалился на Стёпу и уцепился когтями за свитку. Но Стёпа не растерялся: изо всей силы локтем ударил кота. Тот оторвался и полетел вниз.

— А-а-а! Застрелю-юю! —

дико закричал поповский гость.

По голосу Стёпа узнал звонаря.

— Тише ты, дурак! Спрячь цацку!¹ — зарокотал басом отец Онуфрий. — Такой переполох наделал! Кота испугался! Тьфу!

— Да он мне, как чёрт, на голову свалился! — воскликнул звонарь.

— Машешь без толку руками! Кота простого разом отшвырнуть не можешь, а ещё на такое дело собрался. . .

Отец Онуфрий повернулся и пошёл в дом.

Звонарь медленно, оглядываясь по сторонам, двинулся по улице в сторону своей хаты.

Вскоре в поповском доме погас свет.

Темно на селе. Тихо. Стёпка сидел, прислушиваясь. В сарае на поповском дворе захрюкал сонный поросёнок. На другом конце села залаяли собаки. И снова тишина. . .

Мальчик осторожно спустился на землю. Горели ладони, — наверно, поцарапал об кору. Ощупал: крови нет, только саднили царапины. Он подтянул штаны, поправил отцовский наган за поясом и побежал к своей хате.

На брёвнах, что были свалены около дома, темнела одинокая фигурка.

— Стёпа, ты? — тихо спросила Марыля.

¹ Ц а ц к а (белорус.) — игрушка. Здесь: револьвер.

— Я, — ответил он и присел рядом. — А почему ты одна?

— В звонарёвой хате темно. Наверно, спят.

— Он у попа водку пил. А Витька пришёл?

— Нет. Я ждала его всё время, думала сходить за ним. Да как же оставить без присмотра хату звонаря?

— Хорошо, что не пошла. За его хатой всё время глядеть надо.

Стёпка поднялся, и вдруг ночную тишину стегнул тонкий, протяжный свист. Он полетел по селу, через поле, к лесу. Где-то там и затих. Залаяли собаки. По соседству, в хате старой Авдули, хлопнула дверь.

— Ой, Стёпка, оглушил ты меня! — Марыля ладонями закрыла уши. — Разве так можно свистеть? Хоть бы предупредил!.. Что-то холодно стало.

Девочка зябко передёрнула плечиками.

Стёпка сбросил свитку и подал ей:

— Возьми, а то простудишься.

— Давай лучше вместе накроемся. — Марыля развернула свитку. — Садись.

Стёпа сел. Девочка опустилась рядом и накинула сверху свитку. Помолчали... А Витьки всё не было...

Вынырнул он из темноты неожиданно.

— Почему так долго? — недовольно спросил Стёпа.

— Почему? О-они же долго сидели...

От волнения Витя сильнее заикался.

— З-значит, подошёл я к Симоновой хате, а собаки — гав-г-гав! Я тихо кликнул: «Полкан, Полкан!» Окликнул собачку ласково, а о-она хвостом крутит. А т-тут С-симонихина Фёкла вышла на крыльцо: «Кто тут?» — спросила. «П-пантелей дома, тётенька Фёкла?» — спрашиваю. Она, н-наверное, удивилась: мы же с П-пантелеем не д-дружим. «Н-нет, отвечает, в Михалёво пошёл в гости к с-своёкам». Врёт она. А мне и лучше. Зачем мне её П-пантелей. Т-тётка в хату, а я за кучу дров, что наколотые во дворе лежат. С-сизу, с краю выглядываю, вижу в окно, как С-симон перед зеркалом в новой рубашке с-собой любит. И т-тут слышу: к-кто-то идёт. Полкан залаял. А то был звонарь. Он постучал в окно. П-позвал Симона, и оба присели на бревне. «Д-деньги в сельсовете есть?» — спрашивает звонарь. «Есть», — отвечает С-симон. «Гости будут сегодня, к-ключи от амбара и сельсовета у кого?» А С-симон говорит, что они у т-твоего деда. В-вот и всё. А потом они р-разошлись.

— Время и нам идти домой, — сказал Стёпа.

— Ага... — Марыля вста-

ла и тихо, будто сама себя спрашивая, произнесла: — А скоро вернётся Иосиф Иосифович?

— С часу на час надо ждать, — уверенно сказал Степан. — Иначе... — Что иначе, он и сам не знал. — Ну, бувайте здоровы! Спать пора! — Стёпа хлопнул калиткой.

Из головы никак не выходило то, что рассказал Витя. Вот успеет ли Иосиф Иосифович с красноармейцами вернуться вовремя. Надо что-то делать сейчас же, немедленно... Перво-наперво поговорить с дедом. Ведь ему, старому Нечипору, доверили зерно, которое так ждут в Москве...

— Кто там?

— Это я, дедуля, — шёпотом сказал Стёпа.

— Ты, внучек? Почему не спишь? Ужинал?

— Дедуля! Поп с Симоном да звонарём хотят захватить зерно из амбара и деньги в сельсовете. Надо спасать добро от бандитов. Ведь зерно-то свозили крестьяне, чтоб отправить в Москву голодающим рабочим и детям.

— Да, да, нельзя, чтоб бандиты его разграбили... Мы...

Старый Нечипор не успел закончить, как вдруг кто-то громко застучал в дверь хаты.

Стёпа вздрогнул. «Бандиты», — понял мальчик и сразу вытащил из-за пояса револьвер. В нём семь патронов, семь

выстрелов. А двери? Их скорее на железный засов!

Мгновенно Стёпа оказался в сенях, дёрнул железный засов, крепко задвинул его в скобу и вбежал обратно в комнату.

— И кого тут дьявол носит в такую пору? — заворчал дед Нечипор как ни в чём не бывало. — Кто там?

— Дед Нечипор! Я это, я, старшина, — загундосил Симон, — здесь жестящика какой-то человек ищет. И ключи от амбара нужны. За зерном приехали.

— Жестящик, мил человек, в Михалёво отправился. Говорил, придёт утром. А я того... сейчас оденусь. Погодите-ка...

Голоса за дверью стали громче.

Стёпа подбежал к деду:

— Бандиты, дедуля! И Симон с ними. Хотят убить Иосифа Иосифовича, забрать зерно и деньги...

Шум за дверью усиливался.

— Бреешь, старая собака! Жестящик в хате! Открывай! Открыва-а-ай!

И, словно по команде, бандиты стали бить в дверь чем попало: прикладами винтовок, ногами, кулаками.

— Внучек, — сказал дед Нечипор, — может, ты того... удерёшь... А я сам тут с ними управлюсь. Прыгай в окно в огород... Беги... Созывай народ...

— Не пойду! — ответил Стёпа и стиснул зубы.

В темноте щёлкнул курок пистолета. Стёпа кинулся к окну: за окном мелькнула тень человека. Нечипор схватил внука за шиворот и оттащил от окна. И вовремя. Грохнул выстрел, зазвенели стёкла, и осколки разлетелись по полу.

— Сюда, за печь! За печь, внучек, прячься!

Под натиском бандитов затрещала дверь.

Стёпа и дед Нечипор укрылись за печкой. Оттуда просматривались окна и дверь.

Снова вспышка пламени.

Выстрел.

— погоди, бандюга, — проговорил дед Нечипор, — сейчас я тебя уложу!

Стёпа почувствовал, что его уха коснулось холодное железо. Не успел оглянуться, как мощный грохот оглушил его: это дед Нечипор выстрелил из своего ружья.

За окном послышался дикий крик.

— Не по вкусу пришлось, гад? Так ведь того... не сало это, а жареные гвозди, — улыбнулся старик.

Ружьё заряжено было давно, ещё в партизанские времена, и вместо дробы в нём куски гвоздей.

В это время дверь рухнула. Пригнувшись, один из бандитов бросился в хату. Стёпка вскинул револьвер и нажал курок. Выстрела он не слышал,

только видел, что бандит рухнул. Почувствовал сильный толчок в руку. «Ничего, это отдача», — мелькнула мысль. И сразу же сверкнул новый выстрел, больно ожёг щёку.

Снова выстрел. Стёпа пригнулся. Пуля попала в печку, взметнулась кирпичная пыль. Мальчик заметил, откуда стрелял бандит, — тот прятался за крыльцом, а винтовку приладил на пороге.

Стёпа прицелился и выстрелил. Увидел, как винтовка упала на крыльцо. Другой бандит показался в окне. Грохнул дедушкин выстрел.

— Поджигай! Пусть изжарятся живьём!

Стёпа узнал голос звонаря.

Мальчик сжал револьвер так сильно, что пальцам стало больно. Вспыхнул огонёк. И на этот огонёк мгновенно выстрелил Стёпа.

Теперь бандиты стреляли на авось, — с печки посыпались кирпичные осколки; стреляли из окна и двери.

Вдруг Стёпа почувствовал сильный удар и горячую боль в груди. Мальчик пошатнулся, зажал левой рукой рану.

— Внучек! — крикнул дед Нечипор. — Что с тобой?!

В дверях показался бандит. Стёпа прицелился. Но почему-то револьвер в его руке стал очень тяжёлым... Мальчик покачнулся, сделал шаг вперёд, изо всех сил нажал курок и, словно молодой дубок, подруб-

ленный острым топором, повалился на пол, не выпуская из руки нагана...

Начинался рассвет. Тонкая золотистая полоска появилась на горизонте. Розоватый отблеск её упал на тёмные, почти чёрные тучи, нависшие над селом.

Потом из-за леса показалось солнце. Красное-красное, как кровь, что сочилась из груди юного коммунара — Стёпы Цыганка...

И тут раздались топот и громкое ржание лошадей. Их перекрыл мощный, словно громовой раскат, голос:

— Окружа-а-ай!!! Ни одного бандита не упускать!!! Гаси огонь! Бандиты хату подожгли!!!

В дымящийся проём двери стремительно вбежал Иосиф Иосифович и трое красноар-

мейцев. Они кинулись к лежащим на полу Стёпе и деду Нечипору. Иосиф Иосифович поднял голову мальчика, прислушался, дышит ли, приложил ухо к сердцу... Нет, не дышал уже Стёпа Цыганок, не билось его храброе сердце...

Иосиф Иосифович поднялся, вытер рукавом закоптевшее лицо, по которому скатились две скудные слезинки. Тяжело раненного деда Нечипора красноармейцы подняли, вынесли из хаты и бережно положили на покрытую сеном подводку...

— Давай быстрее вези его в больницу. Там его наши врачи подлечат. Да осторожней гляди на ухабах! — крикнул Иосиф Иосифович. — Крепкий был наш дедок... Думаю, выдюжит! Поживёт ещё с нами!

Павел Ткачёв

КАК ОБИДНО...

Осень длинной, тонкой кистью
Перекрашивает листья.
Красный,
Жёлтый,
Золотой, —
Как хорош ты, лист цветной!
А ветер щёки толстые
Надул,
Надул,
Надул
И на деревья пёстрые
Подул,
Подул,
Подул!
Красный,
Жёлтый,
Золотой. . .
Облетел весь лист цветной!
Как обидно,
Как обидно:
Листьев нет, —

лишь ветки видно.

Ирина Михайлова

СТРИЖИ

— Улетели сегодня стрижи. . .
— А куда улетели, скажи?
— А туда улетели они,
Где на солнышке греются дни,
Где совсем не бывает зимы.
Но милее им всё-таки мы!
И они прилетят по весне
И опять засвистят в вышине.

Ел. Благинина

КОШКИ-МЫШКИ

Слышно: «Кошки!»
Слышно: «Мышки!»
Но не видно
даже с вышки,
где же кошки,
где же мышки.
Только листья,
только шишки. . .

Нету мышки,
нету кошки,
только листья
на дорожке,
только ветры
к листьям
вышли
и играют
в «кошки-мышки» . . .

Э. Мошковская

ДОЖДИК ВЫБИЛСЯ ИЗ СИЛ...

Дождик выбился из сил —
Он не лил,
А моросил.
А потом
Совсем устал,
Даже капать перестал! . .
Как дождю не отдохнуть,
Если ночью
Снова в путь!

Леонид Рашковский

СЕНОКОС

Сенокос,
Сенокос,
Сена воз
И снова воз,
Сена стог
И новый стог. . .
И в полях,
И вдоль дорог
Разбредись стога,
Как стадо,

Только их
Пасти не надо.
Надо просто
Не забыть,
Где им нравится
Бродить,
Чтоб, когда
Пойдут снега,
Отыскать
Свои стога.

Михаил Садовский

РОСА И МОЛОКО

На поляночках в лесу
Я, пастух, коров пасу.
Попутру мои бурёнки
Лижут белую росу.
На траве густой и сочной
Мне коров пасти легко.
От росы, росы молочной,
Станет белым молоко!

В. Кривошеев

АВТОЛАВКА НА СЕНОКОСЕ

Люди косят. . . К ним на луг
Магазин приехал вдруг:
«Покупайте всё, что надо!
Подходите-ка сюда!
Вот вам плитки шоколада!
Вот фруктовая вода!
Горожанам незнакомы
На колёсах гастрономы, —
Не подъедет ни на шаг
Городской универмаг.
Но в колхозные бригады
Мы, друзья, приехать рады.
Понимаем, что сейчас
Время дорого для вас!»

В. Кривошеев

Лисята — трактористы

Коля сидел за рулём и думал: вот бы пролететь сейчас на самолёте! Замелькают зелёные полосы леса, домики, словно игрушечные, речка и поля, поля...

Но Коля не летел. Он работал на тракторе. Устало тарахтел мотор. Сзади, переваливаясь, полз плуг, оставляя узкую полосу чёрной, чуть влажной земли. Кричали грачи, отыскивая червяков. Начало смеркаться. От деревьев поползли остроугольные тени. Скоро пора заканчивать работу. Тракторист устал, то и дело трёт глаза, чтобы не задремать. Машина медленно, будто тоже устала, ползёт вперёд.

Вдруг Колю трянуло, руль выдернуло из рук. Трактор перекосялся и замер. Ни вперёд, ни назад. Не успел Коля слезть с сиденья, как кто-то промелькнул под колёсами и скрылся за деревьями.

«Кошка! — подумал Коля. — Но откуда она тут, за десять километров от деревни?..»

Заглушил он мотор и прыгнул на землю. Колесо провалилось в яму. Стал внимательно приглядываться к земле и корням деревьев. И совсем рядом в земле уви-

дел дыру. Вспомнил Коля, что в деревне стали пропадать куры, и всё стало ясно.

«Так и есть! — сказал Коля сам себе. — Нора. Лисья нора. А вот и второй выход. Мало того, что лиса из деревни себе на обед кур таскает, она ещё и мать плохая: детей бросила от страха — и бежать. В засыпанную нору не вернётся. Погибнут теперь лисята от голода. Да и я хорош! Не зевал бы по сторонам — объехал.

Коля поднял хворостину, привязал к ней кусок тряпки, обмакнул в горячее и вытащил спички. Тряпка вспыхнула, от неё повалил густой белый дым. Вот хворостина воткнута в нору. Если есть кто живой, не выдержит, через второй ход выскочит.

Минуты не прошло — выползают один за другим два лисёнка. Маленькие, точно рыжие котята. Уши торчат, острыми мордочками в землю тыкаются. Друг друга обнюхивают и пофыркивают. Будто спрашивают: «Что же нам теперь делать?»

Коля нагнулся, сложил лисят спиной к спине, как продавец складывает игрушки, чтобы завернуть. Поднял и прижал рукой к груди. Лисята тихонько повизгивали.

Коля подошёл к трактору. Открыл свободной рукой железный ящик с инструментами, вынул молоток, ключи и бросил под сиденье. Нарвал молодой травы, положил на дно ящика и посадил лисят.

Ящик оказался малышам впору. Пришлось только загнуть и придержать рукой тонкие, похожие на мышинные хвостики. Не то прищепишь, закрывая крышку.

Теперь надо выбраться из норы, в которой застряло колесо. Нашёл Коля камень, подложил под колесо. Мотор взревел, машина дёрнулась и покатилась. Трактор выехал с поля на дорогу. Пока Коля доехал до полевого стана, совсем стемнело.

— Скорей, — кричит повариха тётя Настя, — ужин твой давно остыл!..

— А мне сегодня надо три ужина, — говорит Коля.

— Это за что же?

— Да вот, детишек привёз. «Юных трактористов»...

Все, кто был в бригаде, пришли посмотреть зверей. А лисята, испуганные, со всех ног бросились к сараю. Шмыгнули в щель — и будто их не было. А когда тарелку с молоком подсунули наполовину под дверь, побежали в тарелке волны, и скоро молоко исчезло.

С тех пор началась у лисят новая жизнь. Рядом с сараем сделали им дом. Это

был ящик из-под конфет с зелёной наклейкой «Золотой ключик». 20 килограммов». Коля все вечера возился с лисятами. Кормил, мыл им мордочки. Трактористы посмеивались:

— Ишь ты, в цирке, что ли, выступать собираешься?..

Лисята подросли. Раньше вылезали из-под ящика только вечером, когда смеркалось. А сейчас слышат днём голоса трактористов, съезжающих обедать, и бегут наперегонки к столовой. Знают, что здесь их приласкают и чем-нибудь вкусным угостят.

В воскресенье вечером приехал директор совхоза Иван Кузьмич, человек строгий, а лисята ему наперерез бегут. Увидел директор лисят и спрашивает сердито:

— Что за игрушки заводные? Кому тут делать нечего?..

Коля покраснел. А повариха тётя Настя отвечает:

— Это не игрушки, Иван Кузьмич. Живые лисята. А заводные — это правда. В жизни таких резвых не видала...

— На носу сев, — сказал директор, — работы невпроворот, а вы тут зоопарк устроили...

Не выдержал Коля:

— Да вы не бойтесь, Иван Кузьмич! Мы своё дело сделаем, не подведём. Лисята не помешают.

— Не помешают? Ну смотрите. Завтра с утра тебе, Николай, хлеб сеять. Да и всем остальным придётся вставать не в семь, как обычно, а в половине пятого. Прогноз погоды на ближайшие три дня хороший, а после дожди. Надо уложиться, всё посеять, пока землю не развезло...

Директор сел в «газик» и умчался в степь. А Коля расстроился: досталось лисятам ни за что ни про что. Взял он ящик из-под конфет и перетащил к себе в комнату, чтобы зверята поменьше на глаза попадались.

Пора было спать. Коля поставил на стол будильник, стрелку звонка перевёл на половину пятого и лёг. Как играла гармошка во дворе и как ложились остальные, Коля уже не слышал.

Проснулся он внезапно. Открыл глаза и увидел лисёнка. Тот прошёл по Колиной ноге, забрался на живот и уселся на груди. Сидел и ждал, пока хозяин проснётся. Тут Коля почувствовал, что с него сползает одеяло. Он наклонил голову и видит: второй лисёнок лезет по свисающему с кровати одеялу вверх.

«Вот чертенята! — подумал Коля. — Поспать не дают».

Он взглянул на часы — они стояли. А за окном поднималось солнце. Забыл Коля ча-

сы завести. Только стрелку поставил. Проспали! Он схватил с тумбочки ручные часы: ровно половина пятого. Как раз осталось время, чтобы позавтракать да машины завести.

— Подъём, братцы! — крикнул Коля.

За стеной слышались голоса. У крыльца забрякали умывальники. Завтракали быстро. Тётя Настя едва успевала подкладывать добавку. За столом опять заговорили о лисятах.

— Если б не они, наверняка бы проспали! А директор ещё спрашивает, зачем зоопарк...

— Как же ты их приучил, Коля?

— Сам удивляюсь. Наверно, просто есть захотели, — отвечает Коля.

В углу лисята, отталкивая друг друга, уплетали остатки вчерашних шей.

— Давай, давай, ребята! За работу! — поторапливал бригадир.

Коля допил чай, положил в карман несколько кусков сахара и пошёл к трактору. Вытер тряпкой пыль и сел за руль. Мотор застрекотал. Коля прицепил сеялку и, махнув рукой бригадиру, двинулся в поле.

Утро было прозрачное, спокойное, только шум мотора нарушал тишину. Но Колино ухо сквозь равномер-

ный шум различило какое-то пофыркивание. Коля обернулся. Так и есть! В ящике для инструмента, на молотке и плоскогубцах, сидят лисята. Сидят, вертят головами и фырчат.

На другой день, хотя будильник и завели, лисята опять начали пищать, когда солнце выползло из-за горизонта. Разбудили они трактористов и на третий день.

— Ребята, — сказал Коля, когда все собрались за ужином, — у нас три будильника: два живых и железный. На что нам столько? Давайте железный девочкам подарим. Им коров доить, ещё раньше нашего надо вставать. Будильник новый. Подарим, а?

— Подарить можно, да как бы лисята не подвели...

— Не подведут, они работают точно. Как... часы!

Сказано — сделано. Будильник отдали девочкам. А лисята продолжали каждый день будить Колю. Разбудят и первыми бегут в столовую.

Через три дня, когда сев подошёл к концу, в бригаду снова приехал директор Иван Кузьмич. Он посадил бригадира в машину, и они поехали смотреть поля. Через час вернулись. Все собрались во дворе. Директор нашёл Колю.

— Ну, Николай, — спросил он, — где твои лисята?

— Не знаю, — осторожно ответил Коля.

Он подумал, что сейчас директор опять начнёт сердиться. Но Иван Кузьмич улыбнулся:

— Молодец ты у нас, молодец! Обязательно тебя за хорошую работу премирую. А про лисят мне бригадир всё рассказал. Что же? Собаки в космос летали. Почему бы лисятам на тракторе не покататься?

Иван Кузьмич подошёл к ящику из-под конфет, в котором жили лисята, и постучал по нему пальцами. Из щели тут же высунулись две рыжие мордочки.

— Ишь ты! — сказал директор. — Любопытные. Значит, они у вас вместо будильника? Если лисята работают хорошо, будят трактористов исправно, им тоже премия...

Он вынул из кармана свёрток.

— Жена вот в дорогу завтрак дала, — словно извиняясь, объяснил Иван Кузьмич.

Он отломил два ломтика сала и положил перед лисятами. Лисята потянули носами, вылезли из ящика и, пофыркивая, принялись за еду.

Юрий Дружников

ЖИВОЙ УГОЛОК НА ЛЕНИНСКИХ ГОРАХ

Дорогие ребята!

Знаете ли вы о том, что один из самых интересных и больших живых уголков находится в Московском городском Дворце пионеров на Ленинских горах?

Здесь живут разные животные и птицы. Вероятно, те из вас, ребята, что живут в Москве или приезжали сюда, уже побывали во Дворце пионеров и его живом уголке.

Существует живой уголок уже тринадцать лет. И все эти годы им руководит зоолог Александр Леонидович Кравецкий — высокий, худощавый человек с добрыми глазами. Он очень любит своих питомцев и умело заботится о них. Лечит, ухаживает, кормит. Знает все их вкусы и повадки. Помогают ему юннаты — мальчики и девочки. Александр Леонидович охотно подолгу рассказывает о своих питомцах. И самыми интересными историями, что довелось услышать мне, я хочу поделиться с вами.

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

В живом уголке есть небольшой бассейн. В нём живут: речная чайка, дикая утка — чирок и водоплавающие черепахи.

Чайка и утка товарищи по несчастью. У чайки конец одного крыла надломлен, уточкино крыло прострелено дробью. Обе пострадали от чьей-то жестокости. И никогда уже не смогут летать.

Вот как это произошло. На песчаном берегу Москвы-реки с утра было мало народа. Две

белоснежные чайки подплыли к берегу и стали прохаживаться по песку.

Откуда-то набежали трое подростков и забросали чаек камнями. Отдыхающие на берегу люди возмутились и отогнали хулиганов. Одна из чаек успела улететь, а другая, раненная камнем, билась крыльями о песок. Находившаяся поблизости пожилая женщина поспешила к чайке, унесла её к себе, промыла, перевязала сломанное крыло. Оно вскоре

срослось, но осталось неподвижным. И женщина отдала чайку в живой уголок.

История уточки похожа на историю чайки.

Одна художница очень любила природу. Как-то во время школьных каникул сына Володи они, вместе гуляя под Москвой, вышли к небольшому озеру, заросшему камышами и травой-осокой.

Володя первым увидел возле воды коричневую, с зелёной грудкой, дикуую утку. Клюв её был раскрыт, правое крыло залито кровью.

— Мама, — взволнованно стал просить мальчик, — возьми её! Она здесь погибнет!

Они взяли утку домой, выходили, крыло зажило, но летать она всё же не могла.

Теперь чайка и утка живут вместе в уголке, мирно плавают в бассейне, гуляют по его берегу, выложенному камешками и обсаженному растениями, — знают, что здесь их никто не обидит.

И очень дружат. Как только чайка спускается в бассейн, за ней спешит, переваливаясь, утка. Выходит из воды утка, за ней выходит и чайка. В бассейне вместе с ними живут ещё водоплавающие черепахи и навещает друзей жёлтая цапля. Но о ней и о черепахах я расскажу отдельно.

ЦАПЛЯ КУЗИНА

Подарили её живому уголку харьковские пионеры, при-

ехавшие на экскурсию в Москву.

Александр Леонидович прозвал цаплю Кузиной. Пёрышки у цапли жёлтые, почти золотистые, вся она небольшая, на тонких ногах, с удлинённым блестящим клювом.

Кузина людей не дичилась. И решено было в клетке её не оставлять, и цапля стала свободно летать по всему живому уголку. Больше всего ей понравилась люстра. Там и светло и тепло. И Кузина на ней поселилась. Часто слетает она вниз и расхаживает между клетками с животными и птицами. Подолгу задерживается у аквариумов с аппетитными рыбками. «Такое лакомство! И под стеклом! Пробраться бы к ним. . .»

Имя она своё знает. Когда Александр Леонидович позвёт: «Кузина!» — и покажет её любимую еду — мышь, цапля

немедленно подбегает и берёт мышь из его рук. А мясо и рыбу она ест каждый день.

Кузина необыкновенно чистоплотна. На стене ей сделали полочку, посыпали песком. Туда цапля ходит по своим «делишкам». А когда ей ставят плошку с едой, она берёт клювом кусочек мяса или сырой рыбы, тщательно полощет его в бассейне и потом только съедает.

Чайка и утка, хотя и получают свои порции, иногда не прочь утащить этот кусочек, но побаиваются крепкого клюва цапли.

А вот с водоплавающими черепахами справиться Кузине сложнее. Увидят они, что цапле принесли завтрак или обед, тут же плывут к тому месту,

где она обычно моет свою еду. И устраивают засаду.

Только Кузина прыгнет на край бассейна и опустит в воду клюв, черепахи тут как тут и пытаются вырвать у неё лакомый кусочек.

Кузина очень сердится, ударяет их клювом, но когда она отгоняет одну черепаху, другой иногда удаётся выхватить добычу.

Отбив атаку, она съедает вымытый кусочек, победоносно смотрит на черепах и летит за следующим. И снова долго, тщательно полощет его в воде.

ЗЕЛЁНЫЕ МАРТЫШКИ

В живом уголке часто раздаются телефонные звонки. Но этот утренний звонок оказался не совсем обычным. Взволнованный мужской голос спросил:

— Не возьмёте ли вы двух обезьянок? Мы совершенно измучились с ними. Сын привёз их из Судана. Родина их Африка. Обезьянки весёлые, умные. Но сладу с ними нет. Всё переворачивают вверх дном, рвут, прячут вещи. Собираешься уходить — не можешь найти ботинок, на люстре обезьянки устроили качели. В маленькой клетке постоянно держать их нельзя, а большую ставить некуда.

И в тот же день пожилой

человек принёс клетку с Максом и Микой.

Макс и Мика из породы зелёных мартышек: серые с зе-

леноватым оттенком и с белым пушком вокруг мордочек. Макс — побольше, мускулистее; Мика — маленькая, худенькая.

В живом уголке поместили их в высокой, чуть не до потолка, широкой клетке. Наверху сделали площадку, на ней Макс и Мика отдыхают и спят. Едят они капусту, свёклу, яблоки, картофель, кефир. Сначала повертят в лапах яблоко или свёклу, потом понюхают и начинают есть. А если что не понравилось, сразу отбрасывают.

Макс и Мика очень полюбили витамины. Стоит Александру Леонидовичу показать

им знакомую баночку, Макс и Мика прилипают к решётке, стараются просунуть в неё лапки.

В новой обстановке Макс сразу стал защитником Мики. Если посетитель ему не нравится, Макс закрывает собой Микку, скалит зубы, ворчит. А недавно, защищая свою подружку, он применил даже физическую силу.

Служащая живого уголка тётя Люда принесла в обычный час мартышкам кефир. Только приоткрыла она клетку и поставила туда кефир, юркая Мика выскочила. Тётя Люда испугалась, как бы обезьянка не набедокурила, принялась загонять её в клетку, размахивая при этом руками.

Макс, решив, что подружке грозит опасность, с силой раскрыв дверцу клетки и тоже выскочил. Мгновенно вскарабкавшись на плечо тёти Люды, он сжал передние лапы в кулачки и принялся колотить её по голове.

Тётя Люда подняла крик. Макс соскочил на пол, схватил подбежавшую к нему Микку за переднюю лапу и втащил её в клетку. Потом как ни в чём не бывало уселся с ней на верхней площадке, озорно поблёскивая маленькими умными глазами.

Всё это произошло в течение нескольких секунд. Но набить шишку на голове тёти Люды Макс всё же успел.

ЛЕСНОЙ НАЙДЁНЫШ

Группа студентов в начале лета проходили практику в Вологодской области. В выход-

ной день пошли они в лес по грибы.

Вскоре из лесной чащи раздался выстрел. За ним другой. И недалеко от студентов тяжело упала с дерева большая сова. Голова её была прострелена.

Вслед за совой не то выпал, не то выпорхнул из гнезда маленький пушистый птенец с большой головой и с загнутым клювом. Летать он ещё не умел.

Студенты понимали, что один он погибнет в лесу. И хотя совёнок убегал от них, больно щипал маленьким, но крепким клювом и отчаянно вырывался, они поймали его, унесли в общежитие, выходили, и совёнок привык к людям.

А когда практика закончи-

лась, студентам пришлось его взять в Москву и подарить живому уголку.

Совёнка прозвали Петей. Поселили его в высоком вольере с деревянными перекладинами наподобие веток. Стали кормить Петю сырым мясом, живыми мышами. И выросла из совёнка большая красивая сова, покрытая серебристо-серыми и коричневыми пёрышками. Глаза у Пети круглые, блестящие, днём он ими видит плохо, а ночью очень хорошо.

Круглая голова Пети с выдающимися по бокам ушками заканчивается пышным, светлым оперением, похожим на бороду. Может, поэтому он не любит бородатых мужчин. Думает, верно: «Надели бороду, чтобы дразнить меня».

Как-то случилось вот что. Подошёл близко к клетке молодой человек, обросший «помодному» бородой. Петя; увидев его, пришёл в ярость. Взлетел на прутья клетки, принялся бить по ним крыльями, трясти бородой. И успокоился только тогда, когда бородач, под смех окружающих, сконфуженно отошёл от клетки.

Петя хорошо себя чувствует в живом уголке.

Имя своё он знает. Очень любит Александра Леонидовича, радуется, когда тот подхо-

дит к клетке и берёт его. Петя спокойно сидит на его руке.

По воскресеньям в живой уголок приходят юннаты, кормят его, чистят клетку, и Петя не дичится их, а они стараются угостить его самым вкусным.

И всё-таки, когда по вечерам жизнь в уголке затихает, Петя начинает грустить и потихоньку издавать протяжные звуки: «Гуу-гуу-гуу...» Это он, как и его предки, перекликается со своими далёкими сородичами.

ИЗ АФРИКИ В МОСКВУ

Прибыли эти маленькие необычные существа — три разноцветных хамелеона — из Египта. Их привезли в коробке с дырочками, чтобы они могли дышать.

И подарили их живому уголку.

И юннаты, что ухаживали в этот день за животными, сбежались посмотреть на невиданных путешественников.

— Смотрите, глаза какие! Выпуклые, покрыты толстыми веками, а в них дырочка для зрачка посередине. И смотрят-то они одновременно в разные стороны! Этот глаз прямо, а тот — влево. И у них по четыре лапки, и на каждой по пять пальцев. И срослись они по два и по три...

— Сами маленькие, санти-

метров, видно, по двадцать, не больше, а хвосты какие длинные!.. А язык! Смотрите, какой длинный язык высунул этот коричневый! — удивлённо восклицали ребята.

— Хамелеоны относятся к породе ящериц. Живут они в

тёплых странах, на деревьях и в кустарниках, — рассказывал юннатам Александр Леонидович. — Иногда они встречаются длиною до метра. А особенность хамелеонов состоит в том, что кожа их способна менять свою окраску.

Хамелеоны, прибывшие в живой уголок, были разного цвета. Зелёного прозвали Мямликом, коричневого — Шустриком, а сероватого в крапинку — Петриком.

Хамелеонов поместили в высокий стеклянный ящик — террариум. Пол в нём посыпали песком, сверху, по краям ящика, прикрепили специальные обогревательные лампы; в

одном из углов сделали маленький водоёмчик, а в центре укрепили большую, развесистую ветку.

В террариуме хамелеоны сразу почувствовали себя как дома. Тут же полезли на ветку и с важным видом расселись на ней. А когда им принесли на завтрак червячков в плошке, Петрик зацепился хвостом за ветку, повис вниз головой и, выбросив свой длинный язык, мгновенно отправил им в рот червячка, затем другого, третьего. Мямлик брал их из рук Александра Леонидовича. А Шустрик спустился вниз к плошке и поспешно стал заглатывать червячков.

Прожили они в террариуме около трёх месяцев и чувствовали себя очень хорошо. Но однажды хамелеоны устроили переполох в живом уголке.

В январе стояли сильные морозы и, хотя помещение живого уголка хорошо отапливалось, террариум с хамелеонами всё же решили перенести на ночь в ещё более тёплую комнату.

Наутро, когда сотрудники Дома пионеров пришли на работу, то увидели, что хамелеоны стали совершенно синими.

— Что с ними случилось?! Может, они погибают?— ужаснулись сотрудники, и один из них поспешил за Александром Леонидовичем, другой уже звонил ветеринарному врачу.

Прибежал из лаборатории взволнованный Александр Леонидович, посмотрел внимательно на хамелеонов, потом на стену, возле которой стоял террариум, и вдруг рассмеялся. На стене висел большой синий плакат, и хамелеоны, находясь возле него довольно долго, переняли синий цвет.

После того как их водворили на старое место, Петрик, Мямлик и Шустрик постепенно приняли свой обычный вид.

И теперь уже, когда хамелеоны становятся другого цвета, это никого больше не волнует.

ТОТОША И КОКОША

Однажды народному артисту СССР Сергею Владимировичу Образцову подарили двух крошечных крокодильчиков-кайманов, сантиметров по 18 в длину, не больше.

В Москву крокодилышки прибыли на самолёте тепло укутанными. Ведь перемена климата могла на них отразиться.

Прожили они у Сергея Владимировича три с половиной года. За это время длина крокодилов достигла уже 80 сантиметров, и держать их в квартире стало очень сложно и опасно. И Сергей Владимирович подарил их Московскому городскому Дворцу пионеров.

В живом уголке прозвали крокодилов Тотошей и Кокошей. Поместили их в большой стеклянный террариум, наполненный водой. По углам террариума прикрепили специальные лампы. Они греют крокодилов, заменяя им солнце. Верх террариума закрыли не полностью, чтобы у Тотоши и Кокоши было достаточно воздуха. Но вокруг террариума для безопасности поставили ограду из высоких деревянных кольев.

Вначале с крокодилами было много хлопот. На новом месте они перестали есть, и приходилось раскрывать их страшные челюсти и закладывать в пасть еду. Александр Леонидович то и дело ходил с перевязанной рукой.

Вдобавок ко всему Тотоша и Кокоша принялись драться. И кончилось тем, что Тотоша так укусил Кокошу в голову, что пришлось делать операцию — зашивать рану. Пред-

ставляете, что тут поднялось! Зашивать рану крокодилу! Досталось и врачу и тем, кто помогал при операции.

А вскоре произошло ещё одно чрезвычайное происшествие.

Рано утром, как обычно, пришёл убирать террариум молодой рабочий Виктор. Дверь, отделяющая живой уголок от других помещений, на ночь запиралась на ключ. И кроме того, на неё ещё вешали замок. Виктор взял у дежурного ключи, открыл сначала замок и оставил его висеть на двери, затем отпер её ключом.

Взяв щётку, совок и тряпку, он пошёл по проходу между аквариумами и клетками в противоположный конец жи-

вого уголка. И вдруг услышал, что кто-то бежит за ним.

Он обернулся и обмер: его догонял, ощерив пасть, Тотоша.

Опомнившись, Виктор бросился к клеткам и, петляя между ними, выскочил из уголка. Защёлкнул висевший на дверях замок и во весь дух помчался в нижний этаж к дежурному.

— Крокодил сбежал! — задыхаясь, кричал он.

Александр Леонидович перед уходом на работу услышал телефонный звонок.

— Крокодил вылез! Крокодил сбежал! — кричал ему в трубку охрипшим от волнения голосом Виктор.

— Еду! Готовьте большую мокрую тряпку или мешок! — крикнул в ответ Александр Леонидович, выскочил на улицу, остановил первую идущую машину, объяснил водителю, что произошло, и через несколько минут был у Дворца пионеров.

У входных дверей его уже ждали: растерянный Виктор с большой мокрой тряпкой, дежурный пожарник с огнетушителем, гардеробщица с ведром воды и дворник с метлой.

Александр Леонидович, схватив мокрую тряпку, мигом поднялся на второй этаж, Виктор — за ним, за Виктором — остальные.

Открыв висячий замок, Александр Леонидович вбежал в живой уголок и увидел на полу Тотошу, внимательно изучавшего забившихся под самый верх клетки, перепуганных Мику и Макса.

Александр Леонидович подбежал к Тотоше, набросил на него мокрую тряпку и, ухватив поперёк туловища, опустил в террариум к застывшему от удивления Кокоше.

Как Тотоша вылез из террариума, как перевалился через его деревянную ограду, до сих пор остаётся загадкой.

После этого события крокодилов переместили в другой террариум, перегородили его, и Тотоша с Кокошей живут теперь отдельно. Это пошло им на пользу. Они стали лучше есть и немного подросли.

Кайманы растут до трёх с половиной метров, но, к счастью, в течение ста лет!

Целестина Нячко

МАША-МУРАША

Сказка

Далеко-далеко в тёмном лесу жила-была Маша по прозвищу Мураша. Вот однажды муравьи и говорят ей:

— Машенька, Мурашенька, мы на работу пойдём, а ты подомовничай, подмети, по воду сходи, печь истопи.

Сказали и пошли.

А Маша надулась, к стене повернулась и ну приговаривать:

— «Подмети» — стану я! «По воду сходи» — как же! «Печь истопи» — вот ещё! Возьму-ка я ореховый посошок, пойду гулять на зелёный лужок.

Гуляла-гуляла и дорогу домой потеряла. Заблудилась. Бродила-ходила, а солнце тоже не стояло на месте, оно ушло за реку. Заря побледнела, земля потемнела. Остыла трава, выпала роса. Холодно стало Маше, страшно Мураше. Сунулась она туда, кинулась сюда и увидала мышиную норку. Заглянула, а там светло, там тепло. На столе светлячок, будто свечка, светится, в печи гнилушка зелёным огоньком горит. На печи чайник поёт-шумит, под лавкой мышата спят, на лавке зеркальце блестит. А перед зеркалом сама хозяйка мышь. Нацепила на хвост голубой пояс, надела на голову зелёную шляпку, натянула на лапки красные перчатки.

— Ах, Машенька! Ах, Мурашенька! Я к друзьям на

свадьбу спешу, а ты здесь посиди, за моими детками присмотри, светляка чаем угости. Принесу тебе за это пирога с капустой.

Сказала и убежала.

— «Здесь посиди» — стану я! «За детками присмотри» — как же! «Светляка чаем угости» — вот ещё! Возьму-ка я свой ореховый посошок и пойду гулять на серебряный лужок.

— Не ходи, солнце давно зашло, — сказал светляк.

— Поду-у-маешь! Солнца нет, зато луна есть.

Взяла посошок и пошла.

А небо черным-черно, ни звёзд, ни луны, туча по небу ползёт, тень по земле стелется. Шла Маша, шла Мураша и оступилась, в ямку упала, посошок потеряла, нос разбила и заплакала:

— Муравьи плохие, мышь злая, одна я на всём свете хорошая, милая, пригожая...

А мышь в это время со свадьбы домой шла, пирог с капустой несла. Услышала плач, оглянулась, подошла поближе и увидела Машу.

— Машенька, Мурашенька, протяну я тебе свою серую лапку в красной перчатке, ухватись и вылезешь из ямы.

— Как же!

— Машенька, Мурашенька, спущу я тебе свой хвостик с голубым пояском, уцепись и вылезешь из ямы.

— Стану я!

— Машенька, Мурашенька, сломя-ка я ивовый прут, повешу на него свою зелёную шляпку, садись туда, я тебя вытащу.

— Вот ещё!

— Ну и оставайся где хочешь.

Кинула ей мышь пирога с капустой, а сама побежала к своим деткам.

Маша пирог съела, надулась, к стене повернулась и только было начала приговаривать: «Вот ещё! Как же! Стану я!» Но тут как хлынул дождь из тучи! Залило дождём все ямы и овраги, подхватила вода Машу, понесла Мурашу вон из леса. Испугалась Маша, заплакала:

— Ой-ой-ой! Спасите, помогите... Я больше такой сердитой не буду!

Может, вы когда-нибудь её повстречаете, да вряд ли узнаете. Она теперь поумнела. Посмотрите, какие славные пироги испекла, как приветливо нам улыбается.

Анна Гарф

КАК ПАПА ОБМАНЫВАЛ УЧИТЕЛЬНИЦУ

Когда папа был маленьким и учился в школе, он очень любил свою учительницу. И все ребята её любили. Она была высокая, некрасивая, всегда носила только тёмные платья. Это взрослые говорили, что она некрасивая. Маленькому папе она казалась очень красивой. А звали её так: Афанасия Никифоровна. Она была весёлая и строгая. Но важнее всего было то, что она была очень справедливая. И все ребята знали: если Афанасия Никифоровна сердится на них, значит, они виноваты. Никогда она не сердилась на ребят зря. И у неё не было любимчиков. Она любила всех своих учеников. И на каждого могла рассердиться, если он шалил или не сделал уроков. Все ребята знали, что Афанасия Никифоровна работает в этой школе уже двадцать лет. И все знали, что она не любит хвастунов, жадин и ябедников.

На уроке Афанасии Никифоровны всегда было очень интересно. Поэтому все сидели тихо и слушали. Однажды маленького папу укололи в спину булавкой. Было очень больно. И он крикнул:

— Ой!

Тогда учительница спросила:

— Что это значит? Почему ты нам мешаешь?

Маленький папа молчал.

И учительница сказала:

— Выйди из класса.

Маленький папа встал и пошёл к двери. Но тут закричали две девочки. Они кричали:

— Его Зайчиков уколол!

И тогда Афанасия Никифоровна сказала:

— Пусть выйдут из класса тот, кто кричал, тот, кто колот, и те, кто ябедничает. Правильно я говорю?

И все закричали:

— Правильно!

И девочки вышли из класса вместе с маленьким папой и Зайчиковым. Маленький папа шёл и плакал. Ему было очень обидно, что его сначала укололи, а потом выгнали. Зайчиков шёл и смеялся над девочками и маленьким папой. Но видно было, что ему не так уж весело. Девочки не смеялись и не плакали, но им тоже было обидно.

На следующий день маленький папа пришёл в школу с большим гвоздём. И когда Афанасия Никифоровна поверну-

лась к ученикам спиной и стала писать на классной доске, маленький папа вынул свой гвоздь и уколол Зайчикова в руку. Зайчиков завопил так громко, что маленький папа даже испугался. Афанасия Никифоровна очень рассердилась.

— Опять Зайчиков? — сказала она.

— Это не я-а-а... это меня-а-а... — простонал Зайчиков, держась за руку.

— Ах, вчера ты, а сегодня тебя? Очень интересно. Кто же уколол Зайчикова?

Все посмотрели на маленького папу. Но все молчали. Никто не хотел ябедничать. И даже Зайчиков замолчал и только тихо всхлипывал.

— Кто же это сделал? — спросила Афанасия Никифоровна своим самым сердитым голосом.

Маленький папа так испугался, что вдруг сказал:

— Я его не колол...

Тогда Афанасия Никифоровна спросила:

— Чем же ты его не колол?

И маленький папа быстро ответил:

— Вот этим гвоздём.

Тут все засмеялись так громко, что прибежал учитель из соседнего класса. Он спросил:

— Афанасия Никифоровна, чему вы так радуетесь?

— Мы радуемся тому, — сказала Афанасия Никифоровна, — что один мальчик не колол другого вот этим гвоздём, тот не кричал и весь класс не ябедничал. И никто не обманывал свою старую учительницу.

Тут всем ребятам стало очень стыдно. И все стали сердито смотреть на маленького папу. И он встал и сказал:

— Вчера меня кололи, и я кричал. Сегодня я сам его уколол, и он кричал. А я врал.

Тут маленький папа помолчал и сказал:

— Я больше не буду, Афанасия Никифоровна.

— И я не буду, — сказал Зайчиков, но погрозил папе кулаком, и ему никто не поверил.

Афанасия Никифоровна сказала:

— Врать — хуже всего.

И маленький папа больше ей не врал никогда.

Почти никогда.

Александр Раскин

МОРЕ И БЕРЕГ

Море к берегу ходило
И подарки приносило:
Травку, камушки, рыбёшку
Подавало на ладошку
И просило:
— Пропусти,
Дай разлиться по степи! —
Берег дальше скал
Море не пускал.
Море злилось,
Море с силой
Волны к берегу носило,
А потом,
Устав сердиться,
Приходило помириться.

СКАЛЫ

И. Махонина

— Почему на скалах складки?
Почему они не гладки?
От подножья до вершины
Всё морщинки и морщины?
— Потому что скалы
Видели не мало.
Им на солнцепёке
Обжигало щёки,
Бури и обвалы
Пережили скалы.
Нет над ними крыши —
Только небо выше...
Так стоят они века,
Провожая облака.

*

Горы, горы, вы уснули,
Одеяла натянули,
Все вершины в одеяла
Закрутили, завернули...

Утром солнце заглянуло,
Одеяло потянуло,
Через море потянуло,
Одеяло
Потонуло!..

И. Махонина

Э. Мошковская

ВЫЯСНИЛ

В начале учебного года пошли третьеклассники в лес. Только закуковала кукушка, Петя Евсиков крикнул ей:

— Кукушка, кукушка, сколько я получу за контрольную по математике?

— Ку-ку, — ответила кукушка.

— Вот хорошо, что спросил, — обрадовался Петя. — Теперь и готовиться не надо. Чего зря стараться.

УДИВИТЕЛЬНОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Прошёл месяц ученья, и во втором «А» каждому октябрёнку дали поручение. Кто начал за классными цветами ухаживать, кто захотел быть санитаром, кто стал журнал погоды вести. И Наде Ершовой дали поручение. Она стала заведовать классными ручками и карандашами. Ручки и карандаши хранятся у Нади в специальном пенале для тех ребят, кто их забывает дома.

Забудет Петя ручку или карандаш в портфель положить, а писать в классе нужно. Вот он и обратится к Наде:

— Дай, пожалуйста, мне ручку.

Даст Надя, а сама скажет:

— В другой раз не забывай. Не будь рассеянным.

И вдруг в самом деле случилось такое: один день прошёл — никто к Наде не обратился. Другой прошёл, неделя! Не спрашивают ребята у Нади карандаши с ручками.

Расстроилась Надя. Выходит, никакого у неё поручения не стало. Вторую неделю бездельничает. Не выдержала она и сказала учительнице:

— Плохо я своё поручение выполняю. Никому ручки с карандашами не выдаю. Ничего не делаю.

А учительница улыбнулась и сказала:

— Почему же плохо? Очень хорошо! Значит, ты отучила ребят ручки с карандашами забывать. Все у нас аккуратными стали.

Вот какое, оказывается, у Нади удивительное поручение: чем реже приходится выполнять его, тем дела в классе лучше.

ЖАРКО!

Учительница географии вызвала отвечать Петю Ложкина.

— Расскажи о климате Африки,—сказала она.

— О климате? — переспросил Петя и умоляюще посмотрел на одноклассников.

— Да, о климате, — повторила учительница.

— Климат в Африке... он... климат...

— Ну-ну, — поторопила Петю учительница.

— Климат Африки... надо же... вот ведь... уф! — У Пети появились на лбу капельки пота.

— Так какой же климат в Африке? — снова спросила учительница.

— Какой климат-то? Этот... как его... — Петя расстегнул ворот рубашки.

— Садись, — сказала учительница.

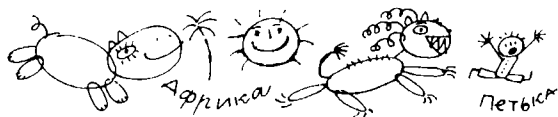
Петя сел за парту и вытер рукавом пот с лица.

— Ну и взмок я с этой Африкой! — пожаловался он соседу по парте.

— Ещё бы! — посочувствовал одноклассник. — Там ведь тропическая жара.

„Важные пустяки“ прислал в „Круглый год“ Юрий Ермолаев.

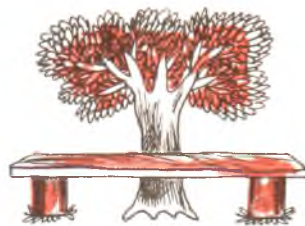
СПОР ИДЁТ КРУГЛЫЙ ГОД

ИГРЫ И ЗАДАЧИ ОСЕНИ

СЕМЕЙКА НА СКАМЕЙКЕ

На дворе стоит скамейка
Под каштаном золотым,
Очень дружную семейкой
На скамейке мы сидим.

С книжкой восьмая справа —
Это Клава.
В синей куртке пятый слева —
Это Сева.
Между Клавою и Севой
Маша с Евой.
А седьмая слева — это
Мариэтта.
Сколько нас всего в семейке
На скамейке?

Сева, Маша, Ева, Клава.

Примечание Осени: „Учтите, что нет ни одного свободного места!“

ПАНТЕЛЕЙ

Широкоплечие мужчины
Поют, садясь за руль машины.

Мужчины с узкими плечами,
Садясь за руль, молчат, как камень.

Те, кто за руль садятся с пеньем,
Не отличаются терпеньем.

Терпенье тем дано с избытком,
Кто чинит домики улиткам.

Чтоб домик починить улитке,
Клей варят на электроплитке.

Где есть малейший запах клея,
Там не ищите Пантелея.

Едва почуяв запах клея,
Он на пол падает, бледнея.

Прошу ответить поскорей,
Широкоплеч ли Пантелей.

ХИТРЫЙ ИКС

С хитрым иксом я дружу.
По секрету вам скажу:
Выбегая из тетрадки,
Задаёт он мне загадки.

Кто ответит, например,
Что такое икс + р.

Думал я весь день вчера,
Что такое икс + ра.

Подсказал мне старший брат,
Что такое икс + рат.

Догадался я без брата,
Что такое икс + рата.

Икс + н + ра + та,
То с бензином, то пуста.

Икс + та + на + ра.
Кто решил, тому «Ура!».

*Примечание „Круглого года“: „Я считаю, что
везде надо переставлять бунвы до тех пор, пока
не получатся слова. По-моему, такой хитроумной
задачи нам не предлагали ни Зима, ни Весна, ни
Лето. А ты как думаешь?“*

Н. Разговоров

ВНИМАНИЕ! СВЕТОФОР!

НА НАШЕМ ПЕРЕКРЁСТКЕ

МИГАЛКА

Раньше наш перекрёсток был тихий, спокойный. Бывало, редко-редко когда машина пройдёт. А как выросли по соседству новые дома, как продлили улицу до большого шумного проспекта, наш перекрёсток стал оживлённым. По продольной улице много машин едет, и по поперечной — не меньше. Чтобы машины на перекрёстке не столкнулись, пришлось над ним одноглазый светофор повесить — мигалку.

Круглые сутки мигает светофор своим жёлтым глазом. Это он предупреждает транспорт: мол, осторожнее, как бы вам в бок не угодила машина, едущая по поперечной улице!

ТРЁХГЛАЗЫЙ

Висела, висела над перекрёстком одноглазая мигалка, а потом уступила место трёхглазому светофору. Он намного строже своей предшественницы. И хорошо, что строже, — при таком сильном движении, как здесь, без строгостей нельзя. Раньше, бывало, если съедутся машины со всех четырёх сторон, водители долго соображают, кому из них ехать первому, кому обождать, лихорадочно вспоминают многочисленные пункты правил движения на нерегулируемых перекрёстках.

Зато теперь всё иначе: горит красный глаз светофора — стой на месте; появился жёлтый — готовься в путь; вспыхнул зелёный — вперёд! Просто и безопасно.

СВЕТАЩИЕСЯ ЧЕЛОВЕЧКИ

Пешеходам тоже стало хорошо. Взглянут на светофор, увидят красный свет — стоят; увидят зелёный — преспокойно пересекают перекрёсток, не рискуя угодить под машину.

Но, может быть, не всякий пешеход догадается взглянуть на светофор, расположенный высоко над перекрёстком. Что ж, пришлось и этому недогадливому угодить, поставив на всех четырёх углах перекрёстка, прямо на уровне пешеходных глаз, специальные пешеходные светофоры. А чтобы уж никаких сомнений не было, для кого эти светофоры предназначены, на их красных и зелёных глазах сделаны специальные надписи: «Стойте!», «Идите!» — или светящиеся фигурки пешеходов.

Не замечать, не понимать такой светофор пешеходам просто стыдно. Как это не замечать, если надписи «Стойте!», «Идите!» так в глаза и лезут! Как это не понимать, если светящиеся человечки красноречивее всяких слов так и кричат: «Мы — пешеходы!», «Мы — пешеходы!»

Сигналы нашего нового светофора должны быть понятны даже детям.

Г. Юрмин

МОЁ ПРИОБЬЕ

Октябрь, я песню тебе пою
Под свист белёсой пурги.
Тобою рождённые,
Песню свою
Слагают дети тайги.

Тобою рождённая,
Над Югрой,
Как мачта, стройна и легка,
Стоит телевышка,
Стальной стрелой
Врезаясь в облака.
Ленты дорог рассекают лес,
Пробившись сквозь бурелом.
И факелы нефти
Края небес
Коснулись алым крылом.

Приобье моё,
Леса да снега,
Моторов весёлый гром!
Ты вся — новостройка, моя тайга,
Рождённая Октябрём.

Сибирь, новостроек передний край,
Готова для новых дел.
Идёт в коммунизм
Мой таёжный край,
Как Ленин великий велел.

Тобою рождённые,
Песню свою
Слагают дети тайги.
Октябрь!
Я песню тебе пою
Под свист белёсой пурги.

Минуль Шульгин

ОПЯТЬ ЗИМА

ОДНА СУДЬБА И РОДИНА ОДНА

Мы утром снежным,
 утром новогодним
Почувствуем,
Поймём ещё ясней,
Как мы сильны,
Как молоды сегодня,
Как много в мире
 есть у нас друзей.
Даль широка.
И в контурах огромных
Под снегом
Так отчётливо видны
Дороги,
Города,
Поля и домны, —
Все рубежи
 любимейшей страны.
Едины мы.
И вечно наше братство,
Что в битвах
 кровью общей скреплено,
Его храним
Как высшее богатство,
Для нас как знамя честное
Оно.
Многоязычны мы и
 многолики,

Но с той поры,
Как наш Союз возник,
Понятный сердцу,
Гордый и великий
Объединил нас
Ленинский язык.
В избе и в юрте,
 в сакле или в хате —
Везде и всюду
Говорим на нём.
В семье народов —
Ста могучих братьев —
Творим,
Мечтаем,
Боремся,
Живём!
Живём трудом,
Живём насущным хлебом
И знаем:
На любые времена
У нас у всех одна земля
И небо,
Одна судьба
И Родина одна!

Раим Фархади

ЛЕСНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ

ПОРА СПАТЬ

Сплошная серая туча на-
двинулась на солнце. С неба
падает мокрый серый снег.

Сердито хрюкая, проковы-
лял к себе в нору жирный
барсук. Он недоволен: сыро
в лесу, грязно. Пора поглуб-
же под землю — в сухое, чис-
тое песчаное логово. Пора
спать заваливаться.

Маленькие всклокочен-
ные лесные вороны — кук-
ши — передрались в чаще.
Мелькают мокрым пером цве-
та кофейной гущи. Орут рез-
кими вороньими голосами.

Глухо каркнул с вершины

старый ворон: завидел па-
даль вдаль. Полетел, блестя
лаком иссиня-чёрных кры-
льев.

Тихо в лесу. Серый снег
тяжело падает на почернев-
шие деревья, на бурую землю.
На земле гниёт лист.

Снег гуще, гуще. Пошёл
большими хлопьями, засыпал
чёрные сучья деревьев, по-
крыл землю.

Схваченные морозом, од-
на за другой замерзают реки
нашей области: Волхов,
Свирь, Нева. Наконец замёрз
и Финский залив.

ПРИСПОСОБИЛСЯ

Поздней осенью медведь
выбрал себе место для берло-
ги на склоне холма, заросше-
го частым ельничком. На-
драл когтями узкие полоски
еловой коры, снёс в яму на
холме, сверху накидал мяг-
кого моху. Подгрыз ёлочки
вокруг ямы так, что они ша-
лахом накрыли её, залез

под них и заснул спокойно.

Но не прошло и месяца,
как лайки нашли его берло-
гу, и он едва успел убежать
от охотника. Пришлось лечь
прямо на снегу — на слуху.
Но и тут его разыскивали охот-
ники, и опять он чуть спасся.

И вот спрятался он в тре-
тий раз. Да так, что никому

и в голову не пришло, где его надо искать.

Только весной обнаружилось, что он отлично выпался высоко на дереве. Верхние ветви этого дерева, когда-то сломанного бурей, росли в небо, образуя как бы яму. Ле-

том орёл натаскал сюда хворосту и мягкой подстилки, вывел здесь птенцов и улетел. А зимой догадался забраться в эту воздушную «яму» потревоженный в своей берлоге медведь.

Виталий Бианки

КАК ВИДИТ ХУДОЖНИК

ПЕРВАЯ ПОБЕЛКА

Уже забелели крыши, грядки в огородах. На лугу белая пелена, и лес поседел. Пушинки цепляются за каждую веточку, хвоинку. Только под ёлками темнеет земля. В лесу от этого пестро. Хороводы поганок, засыпанные снегом, стоят, как вазочки с сахарным песком.

Тихо. Никто не ходит, птиц не видно. И вдруг я слышу, будто скрипят хромовые сапоги. Это старую берёзу успевают ещё подтачивать жуки-короеды и древоточцы. Летом я не раз встречал на берёзе чёрного дятла, или желну, как называют его. Желна — редкая птица, большой работающий дятел. Ключом он орудует, что столяр долотом.

Знакомый муравейник выглядит заброшенным. Хозяева ушли на нижние этажи и закрылись до весны. Я вспомнил, как однажды комар напился моей крови и не смог перелететь этот муравейник, упал. Муравьи тут же навалились на комара и стали закатывать его в свою кладовую, как бочонок с красным сиропом. Так-то вот погубила комара жадность.

Теперь всякие мошки и комары забились в щели.

А мухоморы встречают зиму во всей красе. Иные вышли из-под ёлки и застряли в снегу. На белой пороше красные шляпки далеко видно, они точно фонари горят.

А снег идёт. Первая побелка удалась зиме, всё меньше и меньше остаётся голой земли. Снег присыпает и мухоморы. Гаснут один за другим их красные и жёлтые фонарики.

В ШУБАХ И ШАПКАХ

Куда ни посмотришь в зимнем лесу, всюду снег. Кругом комья, пласты и снежные кружева. Не сразу разберёшь, где ёлочка, где пенёк. Однако пеньки закрылись — и их не видно, а ёлочки обязательно где-нибудь да высунут колючую лапку.

Небольшая ель запахнулась в белую шубу с головой и стоит себе. Будто тётенька, закутанная в пуховый платок. В руках у неё сумка хозяйственная: это ком снега так пристроился. Я чуть было «Здравствуйте» не сказал, когда ёлка слегка качнулась: думал, и впрямь кто-то идёт мне навстречу.

А ёлочки-малютки в снежных комьях — словно совы белые расселись под большими деревьями. Весь лес убран снегом. К стволам, как гвоздями, сухими сучьями прибиты комья и комочки. Интересно! Я достал блокнот, погрел руки за пазухой и стал рисовать. Первой зарисовал ёлку-тётку в шубе, с сумкой. Затем снежную арку. Она похожа на низкие ворота — человеку не пройти. Только мышь проложила мелкую строчку, которую пересек заячий след...

Дальше я иду не спеша и среди снежных фигур высматриваю диковины разные. Вот встретился на моём пути рыцарь. Это сосенка выставила свою вершину-крестик из комьев, похожих на шлем. Рыцарь с виду сердитый, недовольный чем-то. Таким я и нарисовал его. Подул на пальцы, перевёл взгляд кверху. Ба! Рябиновые кисти свесились надо мной. Опушённые снежком, они будто краснощёкие барышни-боярышни в белых шапках.

— Здравствуйте! — сказал я и задел ветку.

Боярышни дружно закивали, а шапки свои не уронили: холодно. Замёрз и я. Глянул с завистью на деревья в боярских шубах и побежал, быстро отталкиваясь палками, чтобы согреться.

ДЕСАНТ

Будто невзначай, посыпался снег с высокой пихты. Это ветер пробрался в чашу. По тому, как он подхватывал снежную пудру и закручивал вихрем, было ясно: началась метель. Я заторопился из леса.

С деревьев повалились пласты снега. Ели взмахнули зелёными лапами, как руками, и, чудилось, заголосили: «Ах, батюшки, как зимовать будем!...»

Мне оставалось пройти небольшое поле. Но когда я вышел на опушку, то невольно остановился. Ветер с воем вырывался на простор. Подхватывая семена с высоких лип, он нёс их над полем.

Семена липы — это два-три мелких орешка с листочками. Сухой листок изогнут так, что, сорванный с дерева, вертится пропеллером на ветру и несёт орешки.

Их тысячи кружились в снежном вихре. «Моторы», как видно, работали неодинаково. Иные семена, пристроенные к листочку-пропеллеру, держались устойчиво, летели далеко. А другие кувыркались и падали рядом.

Воздушный десант опускался на поле, густо усеяв его золотыми листочками.

Из миллионной армии семян только единицы могут закрепиться и вырасти, а остальные погибнут. Но деревья из года в год посылают семена-десанты, стараются захватить поля и расширить лесные владения.

Зимой нам кажется: лес спит. Нет, только дремлет. И напрасно говорят, будто скучно в зимнем лесу. Не верьте. Но чтобы увидеть интересное, надо не просто смотреть, а удивляться, да ещё уметь хотя бы чуточку сочинять.

Анатолий Тумбасов

СНЕЖКИ

Зимняя ночь застала меня в подмосковном лесу. Отсюда более километра петляет до посёлка Юность лесная тропинка. Было тихо. Стояла оттепель. Днём термометр показывал нолевую температуру воздуха.

Идти по лесу в такую пору и в такую погоду — одно удовольствие. Правда, стоявшая тишина как-то по-особенному заставляла настораживаться, острее прислушиваться.

И вдруг из-за толстого дерева кто-то бросил в меня снежный плотный комок. Его удар угодил мне прямо в грудь. От неожиданности я даже остановился и крикнул:

— Кто там?

Молчание.

Я поднял голову: обвисшие ветки, не шевелясь, крепко держались на стволах.

И, не успев сделать шагов двадцать, я снова получаю удар, на этот раз уже в спину. От удара снежный ком рассыпался.

Я опять остановился. Теперь уж смотрю во все стороны и вверх. Ничего не замечаю, кроме снежных перчаток на ветках толстых стволов, длинных белевших дорожек-брустверов, лежавших на

заваленных ещё с осени деревьях, высоких папах на пнях да черневшего шатра над головой.

Кто-то, прячась, из-за деревьев бросал снежки. Причём без промаха. Шутил. «Не иначе как отдыхающие из местного дома отдыха, — подумал я, — принявшие меня за знакомого». Ещё идя по лесу, я видел группу игравших в снежки. Но к чему такие шутки со мною?

Я стою, озираюсь вокруг, высматриваю виновников. Казалось, что и лес высматривает их, молча, тихо, боясь даже пошевелиться какой-нибудь веткой. Но тщетно, я никого не нахожу. Но, перед тем как тронуться с места, для острастки бросавших комья и успокоения себя крикнул:

— Хватит шутить, выходи!

Безветрие быстро погасило мой голос, и он тут же заглох. Никто не отозвался на мой зов: ни причудливой формы снежные фигуры, ни деревья. Никто не вышел из-за них.

И я не стал более осматриваться в ночном лесу, а, ускорив шаг, быстро пошёл прочь от этого таинственного места. На ходу я часто огля-

дывался на темневшую на снегу извилистую тропинку, легко прятавшуюся в молодом лесочке, который я уже ранее проходил. Как бы там ни было, падавшие на меня снежные комья вызывали какое-то беспокойное чувство. Такое ощущение заставило меня идти, как говорят, не чувствуя под собой ног.

А впереди ещё восемьсот метров пути. Вот уже и старые высокие липы, берёзы, сосны. Под их пышными белыми кронами идти было веселее. Вдали показались бледные огоньки шоссейных фонарей. Вверху что-то зашуршало, загудело. Налетел ветер.

Что такое? Удар в плечо, секундой позже — в другое, затем в спину и голову — одновременно. Удар за ударом. Их много, со всех сторон и сверху. Казалось, что кто-то организовал засаду.

Деваться некуда, и я остановился и на этот раз, чтобы окончательно выяснить, в чём же дело. Очередная шутка незнакомых отдыхающих? Пошёл мокрый снег?.. Нет. Ни то, ни другое.

Летели большие снежные комья-шапки с верхних веток высоких деревьев. Тихо отрываясь, затем шурша, они цеплялись за нижние ветки, скользили, звучно шлёпались на снежную перину, на меня, от ударов рассыпались, осы-

пая приятной пылью и создавая впечатление снегопада. Обледеневшие комья падали на меня то с прямым падением, то с перелётом. Деревья, сбрасывая с веток покрывшийся коркой льда и подтаявший снег, бросались с помощью порывистого ветра друг в друга, в меня тяжёлыми рыхлыми комьями, будто играли в снежки между собой и мною. А я-то думал...

Теперь я уже и не торопился уходить из леса, шёл

не спеша, подставляя свои бока под удары сбрасываемых деревьями снежков.

Перед посёлком деревья прекратили игру в снежки. Ближние к шоссе, они давно сбросили свои белые шапки, и сейчас им уже нечем было играть.

Домой я вернулся весь в снегу. Зато вдоволь наигрался с деревьями в снежки.

Борис Павлов

БОЛЕЛЬЩИКИ

Весною — футболом,
Зимою — хоккеем,
Здоровья и сил не жалея,
Болеем.
Мы требуем «шайбу»
С надеждой и болью
Зимой — на хоккее,
Весной — на футболе.
Мы нежно и искренне
Преданы спорту:
Любимцев своих
Провожаем эскортом,
Когда те уходят
Шеренгой весёлой
Зимою — с хоккея,
Весною — с футбола.
Любимым командам
Желаем победы!
И, будто болезнь,
Переносим их беды.
Мы их вдохновляем
С трибун как умеем

Весной — на футболе,
Зимой — на хоккее.
Но мяч залетает
И в наши ворота. . .
Нам кажется,
Судьи прошляпили что-то,
И мы их ругаем
Всё злее и злее
Весной — на футболе,
Зимой — на хоккее.
И всё же
В спортивную верим удачу:
Свистим, и кричим,
И смеёмся, и плачем.
И спорт молодеет,
И мы не стареем —
Болеем футболом,
Болеем хоккеем.
Шайбу-у!!!

Леонид Рашновский

ЛЫЖИ

Скользили лыжи вразнобой —
Вперёд одна, назад другая.
Смеялись лыжи надо мной,
Носы упрямо задирая.
Но я ещё упрямей был —
Я их кататься научил!

Евгений Ильин

К 50-летию создания
художественно-производственных
мастерских в Палехе

И ПРАВДА И СКАЗКА...

Внешне Палех похож на многие большие русские сёла.

Стоит на холме, в центре — старинная церковь, есть двухэтажные кирпичные дома, новые полустеклянные магазины и столовая, возле которой в обеденное время полно автомашин и шумного проезжего люда. На окраинных же улицах спокойно пасутся степенные гуси, горланят петухи, по утрам пахнет дымом, в праздники — пирогами, а осенью — душистым сеном. Летними вечерами ребятя бегают отсюда к ближнему лесу лакомиться поспевающим на полях горохом. Это совсем недалеко.

Но если пойти по этому селу, то обнаружишь нечто странное. На дверях церкви написано, что это — музей. За-

тейливое двухэтажное здание, что стоит на главной улице, — тоже музей. А обыкновенная изба в четыре окошка, расположенная на углу напротив, оказывается даже мемориальным Домом-музеем И. И. Голикова.

Мало того, если спуститься от церкви вниз, к самому длинному здесь зданию, то увидишь перед ним памятник бритоголовому усатому человеку, под которым обозначено, что это тоже Иван Иванович Голиков.

Кто же он, этот Голиков? И что это за село, в котором целых три музея?

До революции в Палехе жили иконописцы. В здешних Владимирско-Ивановских краях было несколько таких сёл.

Земли-то вокруг бедные, вот крестьяне и придумали себе когда-то такой приработок. Из поколения в поколение искусство иконописи передавали. С малых лет мальчишек учили краски растирать, доски грунтовать, срисовывать с икон сначала отдельные детали украшений, цветы, потом руки и ноги, потом одежды, фигуры и лица, потом прописывать всё золотом. У кого были способности, лет за шесть, восемь овладевал этой сложной наукой.

начинал сам писать иконы для продажи. А у многих так ничего и не получалось, приходилось им только крестьянствовать. Да и художники летом в полях работали, без своего хлеба им тоже никак было не прожить.

В общем, наполовину художники, наполовину — крестьяне.

Иван Иванович Голиков, как и его отец и дед, тоже был иконописцем. Но только начал самостоятельно трудиться, забрали в солдаты. Участвовал в империалистической войне. Октябрьскую революцию встре-

тил в 27-м Сибирском стрелковом полку.

Когда же вернулся домой, икон в селе уже никто не писал, никому они стали не нужны.

А как хотелось взять в руки кисти, как хотелось окунуть их в огненную киноварь, в золотистую охру, в изумрудную зелень и класть эти краски одну к другой, чтобы из них получились в конце концов целые сцены, люди, кони, деревья, облака! И чтобы всё

было таким же необыкновенным, героическим и радостным, как вся новая жизнь, которая начиналась в молодой стране.

Но что он умел? Умел лишь писать торжественных святых так, как их писали на Руси и сто и пятьсот лет назад: перерезанно удлинённых, в полусказочных нарядах и обстановке.

И всё-таки Голиков изобразил таким манером обыкновенного пахаря. Получилось очень любопытно.

Потом написал на маленькой лаковой шкатулке лихую

тройку. Коней сделал красными, как в древнерусской живописи, но они у него не гарцуют, а летят как вихрь и везут в саночках красноармейца. То есть сказка и правда тут в одно целое слились.

Голиков почувствовал, что нашёл правильный путь: новое можно было изображать старыми средствами, оно становилось даже ещё интереснее от этого. Натура у Ивана Ивановича была кишучая, фантазия богатая, он стал писать миниатюры буквально одну за другой. Сельских комсомольцев написал. Перевозку хлеба. Красных конников. Битвы. Музыкантов.

Увлёк своими повестями и других бывших иконописцев: Котухина, Баканова, Маркичева, Зубкова... В 1924 году они организовали «Артель древней живописи». В нашей

стране родилось совершенно новое, глубоко народное русское искусство, которое по имени села было названо Палехским.

Алексей Максимович Горький сказал, что это «одно из маленьких чудес, созданных революцией».

Да вы наверняка видели чёрные лаковые пластины, украшения и шкатулки с разными миниатюрами на них. Иная шкатулочка не больше спичечного коробка величиной, а на её крышке целый деревенский праздник разворачивается. С гармонистами, с нарядными девушками, с плясунами. Даже с весёлыми собачонками у их ног. Вглядишься, выражение каждого лица видно. И каждая складочка, и листочки на деревьях, и цветы. Краски все яркие, глубокие, а поверх ещё и настоящими золотыми узорами разукрашены. Отодвинешь, а шкатулочка словно драгоценный самоцвет горит. Просто не верится, что её обыкновенные человеческие руки сделали.

Затейливые живописные сказы и былины Александра Котухина, поэтические сценки сельской жизни Ивана Маркичева, задумчивые пейзажи Ивана Зубкова, героические повествования Ивана Вакурова, фантазии Николая Зиновьева, новостройки Павла Баженова...

Перечислить даже самых ярких и неповторимых художников нового Палеха и то очень трудно. Они были и в первом поколении, которое начинало всё дело пятьдесят лет назад, и в предвоенные годы, и после войны. Есть и сейчас, когда коллектив палешан вырос уже до ста семидесяти человек, когда для художников построены удобные светлые

мастерские и в селе работает своё художественное училище.

Здесь каждый вносит лепту теперь уже во всемирную славу родного села.

И всё-таки доля Ивана Ивановича Голикова в этой славе самая большая. Он умер рано, в 1937 году, а оставил после себя столько работ, сколько не оставляет и десять художников — более тысячи.

А. Борунов. Красные конники.

Н. Зиновьев. Сказка.

К. Мельников.
Труженики села.

И. Голиков. Битва.

И какие разные все, какие великолепные и волнующие! Особенно битвы красных с беляками, где он сплетал коней и всадников в такие клубки, что чем больше глядишь на них, тем больше кажется, что они движутся, что они живые. И вроде храп коней начинаешь слышать, и звон клинков... А потом вдруг обратишь внимание, что один конь — голубой, другой — красный, третий — жёлтый, четвёртый — сиреневый, пятый — зелёный... Не бывает же на свете таких коней! Но ведь у него-то они живые. Как же это?

Голиков знаете что делал? Он уходил в поле и собирал

И. Голиков. Охота на оленей.

большие букеты разных цветов. Он очень любил цветы, летом каждое утро их собирал. Принесёт домой, рассыплет на

столе и смотрит, как голубое в них с красным переплетается, с жёлтым, с сиреневым. . .

И ещё он страстно любил

И. Ливанова.
Хозяйка космоса.

песни. Семейство укладывается вечером спать, а он вдруг попросит жену:

— Настя, «Тройку»! Ребятишки, подтягивайте!

Голос у Настасьи Васильевны был красивый. Пели все лёжа, а Иван Иванович в это время работал.

— Веселее ребятишки, под песню лучше получается. . .

. . . Если вы встретите миниатюры Голикова в музее, обязательно приглядитесь: вы

всё это увидите в них — и песни, и цветы. И в вихревых его охотах, и в тройках, и в плясках, в пряхах, в жатвах, былинах, пахарях, иллюстрациях к «Слову о полку Игореве». Поэтому правда и превращается у него в сказку, в настоящее чудо.

А потом, глядя на эти миниатюры, вы почувствуете, как бесконечно интересна и прекрасна вся наша жизнь.

А. Рогов

К 175-летию со дня рождения русского живописца К. П. Брюллова
(1799—1852)

*Пять
рассказов
про
Брюллова*

„Для кисти русской первый день“

Летом 1833 года художник Карл Брюллов, который работал тогда в Италии, окончил картину «Последний день Помпеи». Жители города Рима и многие приезжие толпились у дверей его мастерской в надежде увидеть замечательное творение. Имя русского живописца скоро сделалось известно всей Европе.

Девятнадцать столетий назад город Помпея погиб во время извержения вулкана Везувия. Это событие — гибель города — изобразил на своей картине Брюллов. Охваченное пламенем небо застилают чёрные тучи дыма и пепла. Течёт раскалённая лава. Рушатся здания. Люди, в ужасе бегущие из города, как бы застыли на мгновенье, ослеплённые зловещей вспышкой молнии.

Но и в эту страшную минуту красота человека, величие и сила человеческого духа торжествуют над смертельной опасностью. Женщина крепко обняла своих дочерей — даже смерть, не заставит её разжать руки. Юноши несут на плечах старого отца. Обессиленная мать просит сына оставить её и спастись самому, но тот неумолим: они либо пойдут вместе, либо вместе будут ожидать гибели. Мужест-

венный помпеянец в порыве отчаяния укрывает плащом жену и детей, как бы желая лёгкой тканью уберечь их от огня и града горячих камней. Брюллов изобразил в толпе и себя: в миг ужасного бедствия художник спасает самое дорогое — ящик с кистями и красками.

... Ни одна русская картина не знала прежде такой славы. Когда Брюллов привёз «Последний день Помпеи» на родину, в Россию, его встречали как победителя. Учителя художника и его товарищи надели на него лавровый венок. Все повторяли строки стихотворения, написанного к приезду прославленного живописца:

И стал «Последний день Помпеи»
Для кисти русской первый день! ..

От рассвета до заката

Отец Карла Брюллова, Павел Иванович, был художником и резчиком по дереву. Он рано заметил способности сына и сделался первым его учителем. Трудюбивый Павел Иванович знал, что искусство, кроме таланта, требует упорства и постоянных занятий. Каждый день маленький Карл должен был нарисовать положенное число человечков и лошадок.

В Академию художеств Карла Брюллова приняли десяти лет. Он быстро оставил позади товарищей по классу и старших учеников. И друзья, и учителя угадывали в нём будущего гения. Карл легко выполнял академические задания, охотно помогал товарищам, делал картинки к настольным играм, писал декорации для ученических спектаклей. Дома, по воскресеньям, он работал ещё больше, чем в Академии: рисовал, лепил, чертил географические карты, копировал картины великих мастеров.

Добиваясь точности и совершенства, юный живописец сделал семь копий с этюда монаха, написанного испанским художником Веласкесом; голову старика, принадлежащую кисти Веласкеса, он скопировал около двадцати раз.

Уже будучи знаменитым, Брюллов говорил, что художник должен садиться за работу с восходом солнца и кончать её, ложась спать.

Брюллов всю жизнь презирал бездельников. Однажды он писал портрет знатной графини. В тот день у него болела левая рука. Он сказал:

- Что-то сегодня моя графиня меня беспокоит.
- Про какую графиню вы, Карл Павлович, говорите?
- Про мою левую руку.
- Почему же она графиня?
- Потому что ничего не делает...

Нетерпеливый Крылов и нетерпеливый Брюллов

Брюллов исполнил много портретов. Один из лучших среди них — портрет прославленного сочинителя басен Ивана Андреевича Крылова. Художник с охотой и любовью писал портрет своего друга. Голову Крылова, его красивое, спокойное лицо, обрамлённое лёгкими, пушистыми седыми волосами и бакенбардами, его мудрые глаза Брюллов написал за один приём.

Крылов, обычно неторопливый, даже медлительный, во время сеанса был очень нетерпелив. Брюллов то и дело уговаривал его посидеть ещё, развлекал рассказами.

Совсем по-другому поступал Брюллов, когда работа не привлекала его. Однажды сам царь Николай Первый приказал Брюллову написать его портрет. Он объявил день и час, когда приедет в мастерскую художника. Но случилось так, что царь немного опоздал. Брюллов не стал дожидаться, взял шляпу и был таков.

— Какой нетерпеливый мужчина! — гневно промолвил царь, когда не застал художника в мастерской.

Последняя встреча

Картины и рисунки Брюллова очень нравились Пушкину. О «Последнем дне Помпеи» он написал стихотворение. Поэт и художник часто встречались, много беседовали об искусстве.

Однажды Пушкин вместе с поэтом Жуковским приехал в мастерскую Брюллова. Художник стал «угощать» друзей своими акварельными работами. Пушкин был от них в восторге. Он любовался каждым рисунком и горячо высказывал своё одобрение, а Брюллов, посмеиваясь, знай себе доставал из портфеля всё новые и новые листы.

Один смешной рисунок привёл поэта в совершенное восхищение. Пушкин не мог с ним расстаться, хохотал до слёз и просил Брюллова подарить ему это сокровище. Но работа была уже куплена богатой княгиней. Пушкин был безутешен. С рисунком в руках стал он на колени перед Брюлловым и умолял его: «Отдай, голубчик! Ведь другого ты не нарисуешь для меня!» Брюллов рисунка не отдал, но пообещал Пушкину написать взамен его портрет. Художнику не суждено было выполнить своё обещание: через два дня после этой встречи Пушкин был смертельно ранен на дуэли.

Самый дорогой портрет

Великий украинский поэт Тарас Шевченко был также замечательным художником. Склонность к рисованию обнаружилась в нём с детства. Шевченко родился в семье крепостного крестьянина, и помещик, господин его, задумал сделать из него «комнатного живописца». Отправляясь в Петербург, помещик приказал доставить туда и Тараса. Юноша пришёл в столицу пешком, вслед за телегами, нагруженными барским добром. Он был отдан в учение к «разных живописных дел мастеру», который заставлял его выполнять малярные работы.

Белыми петербургскими ночами Тарас убегал в Летний сад и рисовал стоящие там мраморные статуи. Однажды ночью увидел его в Летнем саду художник Сошенко. Он принял горячее участие в судьбе Тараса. Немного времени спустя он привёл оробевшего юношу к Брюллову. «Великий Карл», как называли Брюллова современники, с интересом рассматривал рисунки крепостного юноши.

Брюллов и его друзья решили вырвать Шевченко из крепостной неволи. Великий художник отправился к помещику, хозяину Тараса, чтобы просить его отпустить талантливого юношу. Он вернулся в мастерскую оскорблённый и разгневанный: господин не пожелал отпу-

стить своего раба безвозмездно. На другой день он назначил цену выкупа — две с половиной тысячи рублей.

У Брюллова и его друзей таких денег не было. Но художник нашёл выход из положения. Он написал портрет известного поэта Жуковского и назначил за него цену — тоже две с половиной тысячи рублей. Портрет вышел превосходный: Жуковский изображён у стола с книгами, в лице поэта, в его позе переданы глубина и сосредоточенность, доброта и мягкость его натуры. Портрет разыграли в лотерею. Знатные вельможи, которым не было никакого дела до судьбы крепостного юноши, не прочь были раскошелиться в надежде приобрести портрет кисти великого мастера. Нужные деньги были собраны, Тарас Шевченко получил «вольную» и стал учеником Брюллова.

В. Порудоминский

КОГДА УХОДИМ МЫ В ЛЕСА

Когда уходим мы в леса,
Мы собираем голоса.
Магнитофон! Магнитофон!
Что слышит, то и пишет он.

Пищат бельчата из норы,
Пищат над ухом комары.
Шмели, жуки и птицы
Поют без репетиций.

И вот потом, среди зимы,
Всех в лето приглашаем мы.
Услышать каждый хочет,
Как летний гром грохочет.

МЕДВЕЖОНОК

Медвежонок, как ребёнок,
Задремал на старом пне.
И ему совсем не страшно,
И совсем не страшно мне,
Потому что он домашний
И доверчивый вполне.
Здесь живёт он на просторе
И не знает о врагах,
Здесь таёжный санаторий
От него в пяти шагах.
Все несут ему котлеты,
И омлеты, и конфеты.
Ходит повар по пятам,
Ищет мишку по кустам.

БУРУНДУК

Тут не суслик, не хорёк,
Тут живёт другой зверёк.
У него на спинке

серые тропинки.

— Тук-тук, тук-тук,

как живёшь, бурундук? —

Бурундук смахнул слезу:

— Я орехи не грызу.

Что на зиму прятал,

Всё нашли бельчата.

— Ты не плачь, бурундук,

Подарю тебе сундук,

Подарю тебе замок,

Чтоб никто открыть не смог.

Н. Бромлей

Где зимуют бабочки ?

По ночным улицам Лондона, разрывая тишину спящего города тревожными сиренами, мчались две полицейские машины. Между ними, на такой же скорости, ехала машина специального назначения. У ворот небольшого, окружённого старым садом особняка машины остановились, полицейские быстро заняли места у входа в дом, а люди, приехавшие в третьей машине, быстро прошли в особняк. Через некоторое время они вышли из кабинета хозяина особняка, осторожно неся перед собой надёжно упакованный маленький садочек для насекомых, в котором билась крупная бабочка.

Полицейские снова включили сирены, и машины умчались с такой же скоростью, с какой и прибыли.

Похоже было, что проводилась операция по поимке важного и опасного преступника. Действительно, опасность была. Но в эту ночь был пойман не преступник — было сделано удивительное открытие, поразившее воображение даже самых смелых учёных.

Одно время люди считали, что большинство насекомых, в частности бабочки, осенью погибают, а к весне из

зимующих куколок появляются новые. Но потом учёные поняли, что это не так: для того чтобы из куколки появилась бабочка, солнце должно пригревать уже достаточно сильно, уже должно быть достаточно тепло. А ведь мы все знаем, что уже ранней весной, когда не так ещё и тепло, появляются крапивницы или траурницы. Откуда они взялись?

Ещё удивительнее, когда бабочку увидишь зимой. Это случается не так часто, но всё-таки случается. Помню, как однажды в детстве я увидел такую бабочку. Бабочка на снегу! А было это то ли в январе, то ли в декабре, не помню точно. Помню лишь, что стояли сильные морозы и я торопился домой. И вдруг — прямо передо мной на снегу лежала бабочка! Её тёмные крылышки чётко выделялись на белом фоне, и казалась она вся какой-то ненастоящей. Но она всё-таки была настоящая, я в этом убедился, когда принёс свою находку домой. Сначала я решил, что сделал какое-то великое открытие, но мне объяснили, откуда взялась бабочка на снегу.

Оказывается, бабочки, которые появляются из куколок в конце лета, не погибают осенью. Сначала они летают, как и полагается, а когда вечера и ночи становятся холодными, отыскивают какое-нибудь подходящее убежище и прячутся в нём. Если днём пригревает солнышко, они вылезают ненадолго, и тогда на фоне осеннего пейзажа ярко сверкают их крылышки.

Но вот наступают холодные пасмурные дни. Бабочки уже не вылезают из своего укрытия — засыпают до весны. Но это в том случае, если спрятались они в действительно надёжное укрытие. Но бывает — и нередко, — забираются бабочки на чердаки, забиваются в щели под самую крышу. И тогда во время оттепели или если солнце посильнее пригреет крышу, бабочка может проснуться: ведь она почувствует тепло. Однако тепло-то только под нагретой крышей. Но бабочка не знает этого — она устремляется на улицу. Долететь до слухового окна у неё ещё хватает сил, а дальше...

Иногда бабочек губит то, что до поры до времени их спасает печная труба. Пристроилась бабочка на зиму у печной трубы — хорошо ей. Осенью люди слегка подтапливают печь, и труба немного нагревается. Но вот ударили морозы, печку стали топить по-настоящему, труба сильно нагрелась, и тогда бабочка проснулась.

Она не поняла, не сообразила, что это не солнечные лучи разбудили её. Поползла бабочка по трубе, расправила крылышки, увидела чердачное окошко и вылетела в него. И упала окоченевшая, может быть даже не успев заметить, что не зелёная трава на земле и не зелёная листва на деревьях, а всё вокруг покрыто холодным белым снегом. Но так случается не часто. Большинство бабочек благополучно зимует и весной вылетает из своих надёжных убежищ. Их — крушинниц, дневного павлиньего глаза, траурниц, крапивниц, зорек — легко узнать: они не такие яркие, как только что появившиеся на свет бабочки, а у траурниц жёлтые каёмки по краям крыльев становятся совсем белыми.

Весной можно увидеть «поблётших» и капустницу, и адмиралов, и репейниц. А они где потеряли свой блеск? Ведь они не зимуют у нас. Трудно сказать, задумывались ли над этим люди, но если и задумывались, то ответа не находили. Не находили до тех пор, пока по ночным улицам Лондона не промчались с громким воем сирен (полицейские и специальная) машины.

Особняк, куда мчались эти машины, занимал английский учёный, энтомолог профессор Катллвел. Год назад он решил проверить одну очень смелую теорию. Дело в том, что в Англии живёт бабочка Номофилла-ноктуэлла. Бабочка эта тёмного цвета. Больше нигде, кроме Северной Африки, эта бабочка не живёт. Но в Африке живёт Номофилла-ноктуэлла, имеющая светлые крылья. Кто-то высказал предположение, что светлые бабочки, появившись на свет в Африке, немедленно отправляются в далёкое путешествие — в Англию. Тут, отложив яички, они сразу же погибают, а в Англии появляется новое поколение бабочек — темнокрылых. Эти бабочки летят в Африку, откладывают там яички, появляются светлокрылые бабочки, которые летят в Англию, и так далее.

Катллвел решил это проверить. Он стал кормить гусениц Номофиллы-ноктуэллы листьями, обрызганными специальным веществом. Для гусениц оно было безопасно, они его даже не замечали. Но становились «мечеными». И не только они сами — будущие бабочки тоже должны были быть «мечеными», и эти «метки» можно обнаружить при помощи специальных приборов.

И вот, дождавшись следующего лета, профессор при-

готовил специальные лампы, приборы, ловушки и стал ждать. Он надеялся, что хоть одна меченая бабочка прилетит в его сад, приборы обнаружат её, и тогда будет ясно, что светлокрылая бабочка — потомок гусеницы, появившейся из яичка темнокрылой бабочки. И таким образом будет доказано, что бабочки совершают перелёты из Англии в Африку и обратно.

Вскоре аппарат стал подавать сигналы. Но странно: меченая бабочка должна была подавать слабые сигналы, а аппарат регистрировал очень сильные. Настолько сильные, что профессор испугался. Тогда-то он и вызвал машину специального назначения, и бабочку, подававшую такие сильные сигналы, увезли на исследование.

И вот что выяснилось. Бабочка действительно летела из Африки. По дороге каким-то образом (возможно, её занёс ветер) она оказалась в районе, где происходили испытания французской атомной бомбы. Кусочек радиоактивного вещества впился в голову бабочки. Но ни радиоактивное вещество, ни рана на голове не повредили бабочке, во всяком случае не помешали ей прибыть в Англию и влететь в ловушку, поставленную профессором Катллвелом.

Таким образом, путешествие Номофиллы-ноктуэллы из Африки в Англию было доказано. Удивительно! Невероятно!

Да, удивительно. Но так ли уж невероятно?

Оказывается, учёным было известно, что путешествует, совершает тысячекилометровые перелёты бабочка монарх, живущая в Америке. На зиму она отправляется в Южную Америку или на острова, а летом возвращается в Северную.

Вообще о перелётах насекомых люди знали давно. Старинные книги и летописи донесли до нас сведения, что тучи насекомых не раз «затмевали солнце», моряки неоднократно встречали в открытых морях, за сотни километров от берега, огромные стаи бабочек. Но кто же мог подумать, что эти насекомые совершают такие перелёты?!

И действительно, даже сейчас, когда это уже точно известно, не верится. Кажется просто невероятным, что маленькие и слабые существа способны на такое. Как выдерживают их крылышки? Как борются они с ветром — ведь для них даже небольшой ветерок уже опасен.

уже может отнести в сторону. Как вообще находят они дорогу?

Эти и тысячи других вопросов встали перед людьми, едва они узнали о перелётах бабочек. И вот, чтоб изучить перелёты бабочек, стали организовывать специальные станции. И опять трудности. Птицам, чтоб изучить их перелёт, надевают на лапки кольца. А бабочкам ведь кольцо на лапку не наденешь. Учёные нашли выход: бабочек стали помечать несмывающейся краской — на крыльях у них стали появляться красные, жёлтые, зелёные, голубые полосы и пятнышки. И учёный, поймавший такую бабочку, уже знает: светло-голубой краской помечена бабочка в ГДР, жёлтой — в Австрии, красной — в Швейцарии, а зелёной — в ФРГ. Чтоб обозначения были ещё более точными, кроме цвета, учёные договорились ещё и о форме и о количестве полосок и точек.

Совершают огромные перелёты не только бабочки, но и божьи коровки, и стрекозы, и некоторые другие насекомые. Изучение этих перелётов только начинается, и люди, вероятно, в скором времени сделают такие открытия, о которых и гадать даже невозможно.

И каждый раз, когда я вижу весной или в начале лета чуть поблёкшую, со слегка обтрёпанными крылышками крапивницу или репейницу, я смотрю на них с особым вниманием. Даже испытываю какое-то уважение: ведь очень возможно, что эти бабочки пролетели тысячи или десятки тысяч километров!

Юрий Дмитриев

ВНИМАНИЕ! СВЕТОФОР!

ПОЧЕМУ? ПОЧЕМУ? И ЕЩЁ РАЗ ПОЧЕМУ?

ПОЧЕМУ СВЕТОФОР НАЗЫВАЕТСЯ СВЕТОФОРом?

В самом деле, почему?

Начать надо с того, что слово это составлено из двух частей: «свет» и «фор».

Ну, «свет» и есть свет.

А «фор»?

Слово «фор» произошло от греческого «форос», что означает «несущий» или «носитель» — как будет угодно.

А всё вместе — «светофор» — значит «носитель света», «несущий свет».

Он и верно «несёт свет», причём чаще трёх разных цветов: красного цвета, жёлтого цвета и зелёного цвета.

Вот почему «светофор».

**ПОЧЕМУ КРАСНЫЙ СВЕТ —
ЗАПРЕЩАЮЩИЙ, ЗЕЛЁНЫЙ —
РАЗРЕШАЮЩИЙ, А НЕ НАОБОРОТ?**

Красный свет — сигнал опасности, сигнал тревоги. И так не только в светофоре. Именно красные лампочки, а не какого-либо другого цвета загораются с наступлением темноты на углах забора, ограждающего место, где ремонтируют дорогу или улицу; именно красные фонарики вспыхивают позади каждой машины, когда она тормозит; именно красный огонёк, тревожно мигая, сигнализирует водителям и пешеходам на железнодорожном переезде о приближении поезда; именно в красный цвет окрашены мчащиеся к месту происшествия пожарные машины; и маяк, друг и помощник капитанов, посылает далеко в море не какой-нибудь, а красный луч.

И это неспроста. Красный цвет — самый заметный, он издали виден, и его не спутаешь ни с каким другим. А синий, зелёный, жёлтый можно спутать.

Г. Юрмин

РУССКАЯ ЗИМА

Белая дорога... Кружит белый пух:
То летят снежинки роем белых мух
Белая дорога, белые дома...
Это наступила русская зима.
Быстро мчатся санки с ледяной горы,
И хохочет ветер в уши детворы.

Николай Берендгоф

ЗИМНИЙ ДОЖДИК

Тёплый дождик в январе —
То-то радость детворе!
Снег намок,
подтаял

снег

В ожиданье стужи,
Плачет бравый снеговик,
Оказавшись
В луже.

Т. Белозёров

ЗИМОЙ

Зимой злые вьюги
Повсюду гуляют,
Вот только на юге
Они не бывают!
Не нравится снегу
Погода в Крыму:
На солнышке вредно
Валяться ему!
А вьюге без снега
Какая работа?
И вьюгам на юг
Прилетать неохота!

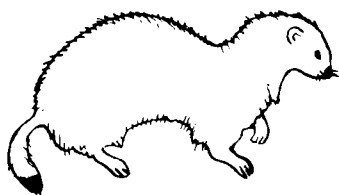
И. Махонина

ДЕД-МОРОЗ

Дед-Мороз идёт по Крыму,
Дед-Мороз ругает зиму!
Он обиделся всерьёз,
Он расстроился до слёз:
Тёплый дождь в Крыму идёт
В зимний праздник —
В Новый год!
Что тут делать?
Плачь не плачь —
Надевать придётся плащ!
В магазин заходит он,
Просит плащ и капюшон,
Новый зонтик яркий,
Чтоб спасти подарки!
Дед идёт по городу —
Выжимает бороду...

И. Махонина

ОТВАЖНЫЙ ГОРНОСТАЙ

Рассказ

Когда я совсем маленький был, наша семья жила в юрте. Мои родители и все наши родичи — охотники.

Они уйдут зимой на охоту, а я до вечера один дома остаюсь, но мне ничуть не скучно. Гостей около юрты всегда много — мелкие лесные птицы, что на зиму в тёплые края не улетают, зверюшки, что к зиме в норках своих не засыпают.

И горностай сюда повадился.

Горностай — зверёк маленький, куда меньше белки, лапы у него короткие, но сильные, будто пружинки, так и пружинят. Тело у него удлинённое, гибкое. Летом он бурый; прижмётся к сучку или к листьям прелым, его и не видно. А зимой он как снег белый, только глазки тёмные блестят, да кончик носа и кончик хвоста чернеют на снегу.

На охоту горностай выходит под вечер, в сумерки, ночью. Но, случалось, я и днём видал его.

Однажды мы с отцом вошли в юрту — видим высоко с решётки, где мясо лежало, соскочил горностай, да как прыгнул, прямо на нас, так смело кинулся, а сам ведь с кулак, не больше. Я даже испугался, задел плечом дверь, и горностай выскочил на волю. Но тут за ним побежала наша собака Лайка. Я надел лыжи и тоже помчался. Да разве горностая догонишь! Он бежит, бежит и сразу — юрк в снег! Будто утонул, пропал.

Но он, оказывается, быстро-быстро перебирая лапками, бежит под снегом.

Но Лайка горностая не отпускает: куда он, туда она. Она его носом чует. Выскочили на берег озера. Оно ещё не замёрзло, и хотя горностай умеет плавать, но холодно ему окунуться, да и устал, должно быть. По наледи бежать, берегом, не то что по снегу. Некуда ему теперь податься, вот вот Лайка его настигнет.

Но тут вдруг горностай

обернулся, завертелся да как прыгнет на собаку! Вцепился ей в губу и повис, не отпускает. Лайка хотела сбить его лапой, но куда там! Он только ещё крепче уцепился.

И вот наша строгая собака завизжала тонким голосом, будто заплакала. Поджала

хвост и с визгом помчалась домой.

Только у самой юрты горностай отпустил нашу Лайку. А сам упал в снег и пропал.

А собака ещё долго кругом юрты бегала, губу чесала и плакала.

Анна Гарф

ОБИДЕЛА

К соревнованиям октябрятских звёздочек «По первой лыжне» третьеклассник Игорёк готовился очень старательно. То бегал вокруг дома, развивая силу ног, то смазывал лыжи, проверял прочность креплений. Игорёк не собирался стать победителем. До чемпиона их класса Яши Сечина ему было далеко. Но участвовать в соревнованиях Игорьку всё равно очень хотелось. И вдруг он сказал своему другу Косте:

— Не пойду я на соревнования. Вчера Элька Прохорова видела меня на лыжах. Посмотрела, какие они у меня, и давай смеяться: «Сам Гулливер, а лыжи, как у лилипутика!»

— Вот вредная девчонка! — воскликнул Костя и подумал. «Кто ж виноват, что Игорь так сильно вырос за лето. Только прошлой зимой купили ему лыжи, а они уже не по росту. А теперь вот пожалуйста, из-за неё Игорь расхотел участвовать в соревнованиях».

Но в день соревнований Костя всё же вытащил Игорька из дома.

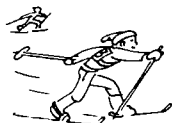
— Доставай скорее свои «лилипутики», и бежим в школу! — выпалил он. — У Эльки заболели зубы. Её мать брала у нас грелку для Эльки и аспирин.

В одно мгновение Игорёк слетал на чердак за лыжами, и друзья пошли к школе.

— Видишь, нет её. . . — шепнул Костя Игорьку, оглядев собравшихся.

Но когда звёздочка Игорька вышла на старт, он заметил, что к школе бежит Элька. Игорёк вспыхнул, но тут раздался свисток судьи, и он вместе с другими ребятами рванул вперёд.

Соревнующиеся должны были объехать вокруг школы по лыжне три раза. Надо было видеть, как быстро проносился Игорёк мимо Эльки. Две его

маленькие лыжины прямо сливались в глазах болельщиков в одну длинную полосу.

На третьем, последнем кругу, как раз против Эльки, Игорёк вдруг опередил. . . Яшу Сечина. Да, да, самого Яшу! Теперь Игорёк шёл к финишу первым. Раздались хлопки. Но, порвав финишную ленточку, Игорёк тут же спрятался за деревьями и не показывался до тех пор, пока судья не позвал всех ребят в школу. Там Игорьку вручили первый приз — чудесные гоночные лыжи с врезанными в них креплениями и лёгкими бамбуковыми палками.

— Вот тебе и лилипутики. Какой рекорд поставил! Самого Яшку опередил — радовался за друга Костя.

— Это Элька помогла мне Сечина обогнать, — наклонившись к Косте, тихо сказал Игорёк. — Я нёсся так быстро, чтобы она меня меньше видела на «лилипутиках».

Костя удивился:

«Что же получается? Элька обидела Игорька, значит, поступила плохо. А если бы не обидела, он не стал бы чемпионом их класса. А может, стал бы? — возразил сам себе Костя. — Может, ещё лучшее время показал бы?»

Как вы считаете?

Юрий Ермолаев

В ЗВЕРИНЦЕ

Тигра увидев,
Мышонок смеялся:
— Кот наконец
В мышеловку попался!

ЗЕБРА

Вот лошадка так лошадка!
Вся в линейку,
Как тетрадка,
Очень ей идёт рубашка —
Полосатая тельняшка.

Леонид Рашновский

В УГОЛКЕ ИМЕНИ В. Л. ДУРОВА

ПЕЛИКАН

Африканский пеликан
Прибыл к нам издалека.
Пеликан обучен счёту —
Лихо щёлкает на счётах
И легко ответит вам,
Сколько будет дважды два.

ЕНОТ-ПОЛОСКУН

Прачка Тишка с утра
Рукавички стирал,
А потом полоскал,
А потом выжимал,
Потом снова стирал,
полоскал,
выжимал. . .

* * *

Я — заяц-беляк.
Вот мой барабан
С кожей тугой и гладкой.
Хоть я и трус,
Но бью,
 не боюсь,
Свой барабан
 лапкой!

Инна Заграевская

Новогодняя история

Новогодние истории всегда необыкновенные, загадочные и даже волшебные, но история, которую мы вам расскажем, началась очень обыкновенно.

Ученик третьего класса Митя Рогов 31 декабря получил свой новогодний табель, сунул его в портфель и поплёлся домой. Кто же побежит вприпрыжку, если в портфеле лежит табель, в котором красуется двойка, похожая на жирную утку? Никто не побежит.

Рогов шёл не спеша, пропуская ледяные раскатки, на которых он всегда лихо прокатывался даже на одной ноге!

Двойка! Она появилась в

его табеле неожиданно. Рогову просто не повезло. Другим везёт, а ему нет.

— Я тебе ставлю двойку, — сказал ему учитель Василий Петрович, — потому, что у тебя на плечах неплохая голова. Ты прекрасно успеваешь всю четверть и вдруг устроил себе симоны-гулимоны, вот и расхлёбывай! Учти, — продолжал Василий Петрович, — завтра Новый год. Если у тебя настоящий характер и есть сила воли, то время ещё есть, можно исправить положение.

Василий Петрович не спросил Рогова: может быть, у Рогова ангина и он поэтому не выучил урока, или Рогов видел плохой сон и забыл вы-

ученный урок, — а взял поставил двойку, и всё.

Рогов плёлся по дороге; в его неплохой голове не было ничего, кроме досады.

Ему было всё равно, наступит завтра Новый год или нет.

А сколько было радостных надежд: праздник, подарки! Билет на хоккей «наши со шведами»!

И вот всё, всё рухнуло. Рогову хотелось, чтобы дорога из школы домой была бесконечной, но бесконечных дорог на свете нет, каждая куда-то приводит. В конце концов Рогов подошёл к своему дому. На крыльце почему-то топталась Чижикова. Рогов сидит с нею за одной партой уже третий год, но до девиза «Верная дружба» им ещё далеко.

— Ты что тут делаешь? — спросил Рогов.

Чижикова прижала палец к губам, не слышно сбегала со ступеней и прошептала:

— Я жду тебя.

— Зачем?

— Идём, идём! — И Чижикова зашагала не оглядываясь.

Рогов, конечно, её догнал.

— Зачем приплёпала? Отвечай!

— Ты сошёл с ума, — зашептала Чижикова, — под Новый год тащишь двойку.

— Двойка моя, а не твоя. — И Рогов прижал к груди портфель.

— Ты будешь её беречь или будешь действовать? —

спросила Чижикова. — У тебя есть мужской характер? Разве ты не слыхал, что сказал Василий Петрович?

Не дождавшись ответа, Чижикова отодвинула доску в заборе, около которого они остановились.

— Скорее лезь за мной! — приказала она, и Рогов протиснулся вслед за ней в узкую щель.

* * *

Они очутились в необыкновенном саду; занесённый снегом сад цвёл, на яблоневых ветвях, покрытых лёгкими цветами пушистого инея, прыгали малиновые снегири, а у корней приземистых деревьев кувыркались в сугробах солнечные зайцы.

В глубине сказочного сада стоял голубой дом с радужными окнами; над его крышей, на высоком шпиле, сидела неведомая птица. Она открыла глаз, наклонила голову, но не слетела вниз, не постучала в окно дома, не известила его хозяина о том, что в его сад пожаловали гости.

Рогов никогда не видел такого сада, такого дома и такой диковинной птицы.

— Зачем мы сюда пришли?

— Ты помнишь, что тебе сказал Василий Петрович? — повторила Чижикова, и Рогов её не узнал.

Конечно, это была Чижи-

кова в своей меховой шубке, в шапке с помпоном, из-под шапки торчат две косички с коричневыми бантиками, но это и не она. У Чижиковой никогда не было такого голоса, которого нельзя не послушаться.

— Мы не должны терять ни одной минуты, — говорит Чижикова, и Рогов идёт за ней прямо к собачьей будке; собака на привязи, но всё-таки это чужая собака.

Рогов даже зажмурился. Но ничего страшного не произошло. Чужая лохматая собака легла у ног Чижиковой и завиляла хвостом.

— Садись здесь, — сказала Чижикова, указывая Рогову на скамейку.

— Этому мальчику нужно выучить урок, — объяснила она лохматой собаке.

— Пожалуйста, — ответила собака, — я ему не помешаю.

И Рогов послушно уселся на скамейку. Мало этого, он достал из портфеля учебник, быстро перелистал страницы, нашёл нужный параграф. Он себя просто не узнавал.

Происходило настоящее волшебство, Чижикова буквально не давала ему опомниться.

— Я буду ходить и считать до двух тысяч, — сказала она. — Это вполне достаточно, чтобы понять, что нам было задано. Учи, учи. — И Чижикова стала

ходить по тропке в незнакомом саду — взад и вперёд.

И вдруг на секунду Чижикова стала почти прежней Чижиковой. Этой секунды было бы вполне достаточно, чтобы Рогов успел стряхнуть с себя её чародейство, добежать до забора, пролезть в щель, и пусть бы Чижикова считала хоть до пяти тысяч!

— Куда? — спросила Чижикова строго.

И Рогов снова уткнулся в учебник.

— Выучил? — спросила Чижикова.

Рогов кивнул головой.

— Теперь ты подойдёшь к двери, — Чижикова показала на голубой дом, — подойдёшь к двери и постучишь.

— Я лучше пойду к себе домой, — сказал Рогов.

Но Чижикова его не слушала.

— Постучишь, — повторила она, — и скажешь только три слова: «Я выучил урок». — И, произнеся эти три слова, Чижикова исчезла.

Рогов обомлел. Он бросился к забору, Чижиковой у забора не было, не было и щели, через которую они пропикли в чудесный сад.

Рогов бросился к калитке — дверь в голубом доме распахнулась.

Появился Василий Петрович.

Волшебство продолжалось.

— Я выучил урок! — выпалил Рогов.

— Прекрасно! — Василий Петрович нагнулся, поднял на снежной тропинке коричневый бантик и сказал: — Оказывается, у тебя настоящий характер!

Василий Петрович с Роговым вошли в голубой дом. И, выслушав Рогова, Василий Петрович зачеркнул двойку и написал красным карандашом пятёрку.

Рогов бежал домой вприпрыжку — его ждали. Он получил подарки и билет на хоккей «наши со шведами».

А на другой день наступил Новый год.

Первый день Нового года был метельный, и снег занёс вчерашние следы на дорогах и в чудесном саду, в котором были Рогов и Чижикова.

Г. Карпенко

❄️ Новогодние ❄️
❄️ пожелания ❄️

Вот стишок мой новогодний.
Пожелаю вам сегодня:

В Январе лучей Апреля,
Чтобы вас получше грели.

Чтобы ветры чаще дули —
Да не в Марте, а в Июле.

Чтобы день ваш был без ночи
Или ночь была короче.

Чтобы в море дни и годы
Не бывало непогоды.

Чтоб весь год не знали драки
Ваши кошки и собаки.

Чтобы сколько хлеб ни режем,
Был он мягким, был он свежим.

Чтобы сливками фонтаны
Наполняли вам стаканы.

Если это слишком много,
Не судите слишком строго.

А награды мне не надо.
Ваша радость — мне награда!

Джанни Родари

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Матусовский М. С чего начинается Родина? (Стихи)	3
--	---

З И М А

Тютчев Ф. И. «Чародейкою Зимою...»	6
Черников Н. Наш герб	7
Шмаков Т. Наш Союз. (Стихи). <i>Перевод с удмуртского В. Семакина</i>	12
Бианки В. Лесные происшествия. («Холодно в лесу, холодно!», «Кто сыт, тому холод не страшен»)	13
Бочарников В. Пропустите без пропуска. Последний зимний душ	14
Тихонов Н. В те дни... («Ночи Ленинграда», «Так жили в те дни...», «Бой в городе», «Василий Васильевич», «27 января 1944 года»)	16
Прокофьев А. «Я счастлив, что в городе этом живу...» (Стихи)	25
Яковлев Ю. Девочки с Васильевского острова. (Рассказ)	26
Гольдин А. Об Аркадии Гайдаре	31
Гайдар А. Обрез. (Рассказ)	36
Барто А. О человечестве. Друг напомнил мне вчера... Требуется друг	40
Касюга Л. Христо Ботев	42
Христо Ботев. Прощанье. (Стихи)	44
Рахилло И. Рассказ о подвиге	46
Фетисов В. Зима пришла	54
Белозёров Т. Зимняя ночь	—
Френкель Н. На стекле морозный иней...	55
Кривошеев В. Медведь. (Шутка)	—
Светлов М. Поздравление	56
Качаев Ю. Майна. (Рассказ)	57
Светов А. Для чего нужна зарядка? (Из рассказов о докторе для здоровых)	64
Пляцковский М. Мечтают стать спортсменами ребята. Лыжища зима. Фигурное катание. (Стихи)	66
Ермолаев Ю. «Молодец!» Умный попугай	68
Разговоров Н. Спор идёт круглый год. Игры и задачи Зимы. («Кто играет в прятки?», «Картина», «Вигвам»)	70

Жуковский В. А. Жаворонок	74
Бианки В. Лесные происшествия. («Последняя льдина», «Лесной оркестр»)	75
Берендгоф Н. Вот какие чудеса. (Стихи)	77
Барков А. Весенний дневник	78
Алексеев С. Рассказы о героическом Севастополе. («Большая семья», «Тройка», «Константиновский рavelин», «Матросское сердце»)	83
Алымов С. Родной Севастополь. (Стихи)	90
Воскресенская З. Городская булочка. (Быль)	91
Алфёров В. Март. Шумит на речке ледоход! (Стихи)	96
Мошковская Э. «Весна торопилась на речку...» Утреннее стихотворение	97
Дорохов А. В. Синие тени. Поклоняюсь красоте	98
Гамзатов Р. Мама. <i>Перевод с аварского Я. Козловского</i>	100
Николаенко Л. Доброта. (Стихи)	101
Соколовский А. Бабушкина вешалка. (Рассказ)	102
Берестов В. Стихи о детстве. («Мальчишки», «Весенним утром», «Прощание с другом», «На дереве»)	104
Архангельский Вл. Зелёная тучка. (Рассказ)	106
Кай Е. Всем хорошо! (Стихи)	108
Бочарников В. Пласт	109
Бахревский В. Мама и солнце. (Стихи)	110
Дмитриев Ю. Парничок под снегом. (Рассказ)	111
Калошин Вл. Хохотун. (Сказка)	112
Губарев Вл. Прощайте, марсиане!	114
Смеяков Я. Спутник. (Стихи)	118
Заветам Ленина верны. (Ира Виценко — «Горсть земли»; Саша Монов, Вова Максимов, Венера Хасаева — «Наш молодой город Октябрьский»; Оля Олешкова — «На берегу океана»)	119
Дудин М. Ленин. (Стихи)	123
Прилежаева М. День настал весёлый мая. (Рассказ)	124
Романовский С. Город на Каме	128
Ганейзер Г. Красноярская ГЭС	129
Олеша Ю. Воспоминание. (Рассказ)	131
Курасов В. Слово отца. (Стихи)	136
Коваль Ю. Воздушный барашек. Зяблик. Хрюкалка	137
Матвеева Л. Охапка солнечных лучей	139
Данько В. Река и ручеёк. (Стихи)	143
Юркова Н. Каменные страницы	144
Жупанов И. В секрете. (Стихи)	149
Глебов А. Дождь. (Рассказ)	150
Данько В. Что делать после дождика? (Стихи)	151
Козлов С. Деревья («Липа», «Дуб», «Ветла», «Клён»)	152
Рыжих Н. Чудной остров. (Рассказ)	154
Поют пионерские горны. (Из приветствия пионеров XVII съезду ВЛКСМ)	158
Коновалов В. Крылатый почтальон. (Рассказ)	162

Куприянов Вяч. «Мальчишки голубей гоняли...» (Стихи)	166
Аграчёва Л. Ау! (Стихи)	167
Ермолаев Ю. Чуткий мальчик. Главный должник	168
Разговоров Н. Спор идёт круглый год. Игры и задачи Весны. («Кто они и где они, отыщи и не спугни!», «Что мешает?», «Начнём с хвостов», «Достаньте луну»)	170

ЛЕТО

Тютчев Ф. И. «Как весел грохот летних бурь...»	174
Гессен А. Утро жизни	175
Бианки В. Лесные происшествия. («Ёж-спаситель», «Купание медвежат»)	182
Масс А. Подарки вьетнамским детям. (Рассказ)	184
Черников Н. Орден Красного Знамени	188
Сахарнов С. На учении. Флаги и знаки различия	192
Ткачёв П. Юный коммунар. (Из повести «Сердце коммунара»). Перевод с белорусского П. Судоплатова	193
Михалков С. Лесная академия (По старинной детской песенке)	200
Бочарников В. Жеребёнок	202
Волжина Т. Бобы и Альбатрос. (Рассказ)	204
Ильин Е. Колокольчик. (Стихи)	208
Аграчёва Л. Одуванчик. (Стихи)	—
Фейерабенд Е. Мак. (Стихи)	—
Ведзижев Ахмет. Верблюд Исропила. (Рассказ). Перевод с ингушского Т. Лихоталь	209
Морис Карем. Море любит танцевать! (Стихи). Перевод с французского Н. Разговорова	214
Морис Карем. Здравствуй, солнце! (Стихи). Перевод с французского Н. Разговорова	215
Сладков Н. Жизнь на песке	216
Лескин С. Хлебосола. (Рассказ)	222
Народные приметы	227
Лучесской К. Крепость, космодром, автодром	228
Николаенко Л. Я буду архитектором. (Стихи)	231
Фарутин К. Вот так семейка...	232
Ульянов Д. И. Игры	234
Путилина В. На работе. (Рассказ)	240
Фейерабенд Е. Шмель. (Стихи)	244
Вехова М. Разговор с жуком. (Стихи)	—
Кассиль Л. Вот как пишется это слово	245
Ладонщиков Г. На параде	246
Гальперштейн Л. Путешествие на аэромобиле	247
Яковлева И. Краб и Черепаха. (Сказка).	253
Александрович С. Край мой северный	256
Максимов А. Калуженок. (Рассказ)	259
Вехова М. Под водой. (Стихи)	262
Михайлова И. Пароход. (Стихи)	263
Кривошеев В. «Учитесь у ребят!» (Стихи)	264
Берендгоф Н. Лето. (Стихи)	—

Ильин Е. Лодка. (Стихи)	265
Рашковский Л. На весёлой карусели. (Стихи)	—
Светов А. Серебряные и золотые ступеньки	266
Ермолаев Ю. Неуловимый. Запоздалый план. Ни больше ни меньше!	268
Разговоров Н. Спор идёт круглый год. Игры и задачи Лета. («Дважды три», «Кто под вербой?»)	271
Бромлей Н. Для всех. (Стихи)	274

ОСЕНЬ

Лермонтов М. Ю. Осень	276
Бианки В. Лесные происшествия. («Прячутся...», «Вор у вора запасы украл», «Путём-дорогою»)	277
Гакина В. И. С. Никитин и его стихотворения	280
Никитин И. С. Русь. Встреча зимы	282
Алексеев В. Волшебный день. (Рассказ)	286
Рашит Нигмати. Счастливого пути. (Стихи). <i>Перевод с башкирского Дм. Седых</i>	290
Френкель Н. Праздник первого звонка. (Стихи)	—
Федин Ю. О чём спорили карандаши. (Сказка)	291
Тетивкин А. Знаки препинания. Восклицательный знак. Вопросительный знак. Междометие. (Стихи)	294
Папанин И. Так вот он, полюс! «Орлы». Полосочки. На обломке. Всем, всем, всем...	297
Козлов С. В ясный день осенний. (Стихи)	306
Приходько Вл. Золотое перо Юлиана Тувима	308
Юлиан Тувим. Где очки? (Стихи). <i>Перевод с польского С. Михалкова</i>	309
Юлиан Тувим. Чудеса. (Стихи). <i>Перевод с польского Вл. Приходько</i>	310
Первая двойка (Из воспоминаний «Моё детство в Лодзи»). <i>Перевод с польского Вл. Приходько</i>	311
Аспиз М. Иван Петрович Павлов	312
Доступова Т. О старшем друге	315
Ткачёв П. Юный коммунар. (Из повести «Сердце коммунара»). <i>Перевод с белорусского П. Судоплатова</i>	320
Михайлова И. Как обидно... (Стихи)	326
Благинина Ел. Стрижи. (Стихи)	327
Мошковская Э. Кошки-мышки. (Стихи)	—
Рашковский Л. Дождик выбился из сил... (Стихи)	—
Садовский М. Сенокос. (Стихи)	328
Кривошеев В. Роса и молоко. (Стихи)	—
Кривошеев В. Автолавка на сенокосе. (Стихи)	329
Дружников Ю. Лисята-трактористы. (Рассказ)	330
Клячко Ц. Живой уголок на Ленинских горах. («Верные друзья», «Цапля Кузина», «Зелёные мартышки», «Лесной найдёныш», «Из Африки в Москву», «Тотоша и Кокоша»)	334
Гарф А. Маша-Мураша. (Сказка)	343
Раскин А. Как папа обманывал учительницу. (Рассказ)	345
Махонина И. Море и берег. Скалы. (Стихи)	347

Мошковская Э. «Горы, горы, вы уснули...» (Стихи)	347
Ермолаев Ю. Выяснил. Удивительное поручение. Жарко!	348
Разговоров Н. Спор идёт круглый год. Игры и задачи Осени. («Семейка на скамейке», «Пантелей», «Хитрый икс»)	350
Юрмин Г. Внимание! Светофор! На нашем перекрёстке. («Мигалка», «Трёхглазый», «Светящиеся человечки»)	352
Миккуль Шульгин. Моё Приобье. (Стихи). <i>Перевод с хан- тйского Б. Борина</i>	354

ОПЯТЬ ЗИМА

Раим Фархади. Одна судьба и Родина одна. (Стихи)	356
Бианки В. Лесные происшествия. («Пора спать», «Приспо- собился»)	357
Тумбасов А. Как видит художник. («Первая побелка», «В шубах и шапках», «Десант»)	359
Павлов Б. Снежки. (Рассказ)	362
Рашковский Л. Болельщики. (Стихи)	364
Ильин Е. Лыжи. (Стихи)	365
Рогов А. И правда и сказка	366
Порудоминский В. Пять рассказов про Брюллова	370
Бромлей Н. Когда уходим мы в леса. Медвежонок. Бурун- дук. (Стихи)	375
Дмитриев Ю. Где зимуют бабочки?	376
Юрмин Г. Внимание! Светофор! Почему? Почему? И ещё раз почему? («Почему светофор называется светофором?», «Почему красный свет — запрещающий, зелёный — разре- шающий, а не наоборот?»)	381
Берендгоф Н. Русская зима. (Стихи)	382
Белозёров Т. Зимний дождик. (Стихи)	—
Махонина И. Зимой. (Стихи)	382
Махонина И. Дед-Мороз. (Стихи)	383
Гарф А. Отважный горностаи. (Рассказ)	384
Ермолаев Ю. Обидела	386
Рашковский Л. В зверинце. Зебра. (Стихи)	388
Заграевская И. В Уголке имени В. Л. Дурова. («Пели- кан», «Енот-полоскун», «Я — заяц беляк»). (Стихи)	—
Карпенко Г. Новогодняя история	389
Джанни Родари. Новогодние пожелания. (Стихи). <i>Пере- вод с итальянского С. Маршака</i>	393

В иллюстрировании сборника принимали участие художники:

Т. Алексеева, О. Андреев, Т. Буракова, М. Буткевич, Н. Бисти, Ю. Воробьев, О. Верейский, В. Горячева, В. Горячев, В. Готадзе, Б. Дехтерев, А. Демьяненко, В. Давыдов, Б. Кыштымов, В. Карабут, И. Кусков, И. Кошкарёв, О. Келейникова, С. Кочкина, Е. Ларская, А. Лурье, И. Михайлин, В. Михайлов, Н. Мастеропуло, И. Нежданова, Е. Немирова, Т. Прибыловская, В. Стацинский, Е. Скакальский, А. Солдатов, М. Топаз, Т. Удыма, В. Уварова, М. Худатов, А. Цветков, А. Шенгелия, Б. Шахов, В. Щеглов.

На цветных вклейках: фотографии ТАСС и АПН, авторские фото, рисунки детей.

Для младшего школьного возраста

КРУГЛЫЙ ГОД

Сборник

Ответственный редактор

С. В. Орлеанская

Художественный редактор

Л. Д. Бирюков

Технический редактор

С. Г. Маркович

Корректоры

Э. Л. Лофенфельд

и Н. А. Сафронова

Сдано в набор 8/V 1974 г. Подписано к печати 17/X 1974 г. Формат 70×100¹/₁₆. Бум. офс. № 1. Печ. л. 26. Усл. печ. л. 33,8. Уч.-изд. л. 23,14 + 8 вкл. = 24,15. Тираж 150 000 экз. Заказ № 622. Цена 1 р. 47 к. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1.

Фабрика «Детская книга» № 2 Росглаволиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

